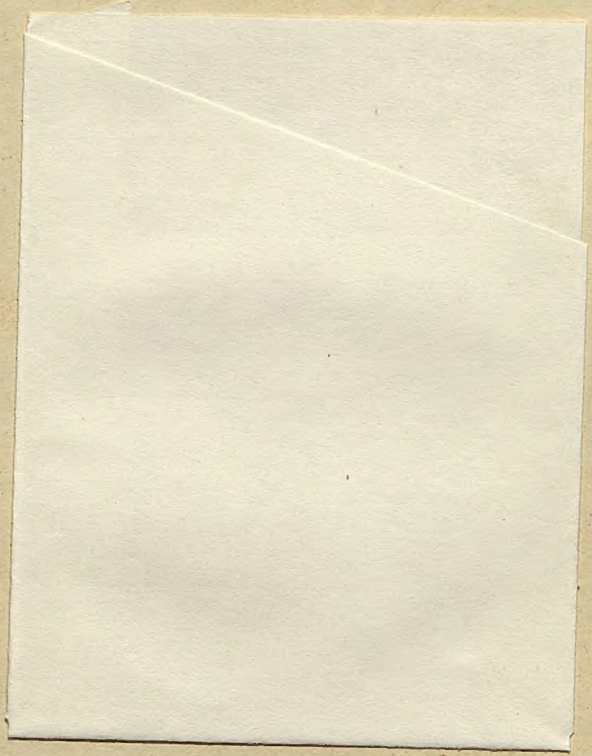
9(09)
Ф947
42

VIII 1/3



ИБЦ РЭУ им.Г.В. Плеханова
001215241

1(09)
Ф947

ДРЕВНІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ

СОФИСТЫ.

Пр Ч3

СОЧИНЕНІЕ

Т. Ф.-БРЕНТАНО

Профессора частной школы политическихъ наукъ.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПЕРЕВЕЛЪ

ЯКОВЪ НОВИЦКІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.
1886.

ПРОСМОТРЕНО
020412

3772
.R21
V2

ДРЕВНІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СОФИСТЫ.

Введеніе.

I.

Происхожденіе новѣйшей софистики.

О софистахъ древности мы судимъ по отзывамъ о нихъ Платона и Аристотеля, а о средневѣковыхъ по отзывамъ Бэкона, Декарта и Паскаля. Между тѣмъ, софистическія школы, основанныя предшественниками Платона, не были учрежденіями совершенно дурными, какъ даетъ намъ понять ученикъ Сократа; равно и ученіе схоластиковъ имѣло болѣе глубокія основанія, чѣмъ тѣ, какія указываются Бэкономъ и Паскалемъ. Мы усвоили себѣ, тѣмъ не менѣе, взглядъ этихъ великихъ мыслителей на софистовъ и раздѣливъ ихъ пренебреженіе, хотя и не имѣли на это такого же права, какъ они, не приняли на себя труда выяснить истинныя причины появленія великихъ софистическихъ школъ; происхожденіе ихъ остается для насъ темнымъ, ученіе непонятнымъ.

Софисты древности остаются, въ нашихъ глазахъ, людьми недобросовѣстными, софисты средневѣковые-лжефилософами, заблуждавшимися подъ вліяніемъ слѣпыхъ вѣрованій; мы наивно вообразили, что достаточно мыслить вполнѣ честно и свободно, чтобы избѣжать ихъ ошибокъ. Въ результатѣ оказалось, что мы впали во всѣ ихъ заблужденія, сами того не подозрѣвая. У насъ возникли другія идеи, но съ ними мы впали въ прежнія ошибки; образовались другія слова, но съ ними мы снова начали прежнюю

игру остроумія; во имя другихъ началъ, предались прежнимъ иллюзіямъ; самые твердые характеры, самые здравые умы не устояли. Наши философскія школы послѣ Локка и Лейбница вполнѣ стоютъ тѣхъ, которыя образовались въ Греціи послѣ Парменида и Гераклита, и по своему научному значенію онѣ не выше школъ, предшествовавшихъ Бэкону и Декарту въ эпоху Возрожденія. Чтобы придать себѣ видъ серьезной науки, доктрины эти пользуются софизмомъ во всѣхъ его формахъ; ихъ гипотезы вводятъ насъ въ заблужденіе научнымъ строемъ фразъ, ихъ ложныя начала увлекаютъ насъ, благодаря предубѣжденію противъ началъ противоположныхъ. И пусть бы эти жалкіе пріемы ограничивались кругомъ философскихъ умозрѣній; но они съ каждымъ днемъ распространяются далѣе и далѣе; наша способность изслѣдованія ослабѣваетъ, и во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія!.. Всего опаснѣе тѣ болѣзни, симптомовъ которыхъ мы не чувствуемъ: онѣ истощаютъ насъ, при полномъ нашемъ самообольщеніи.

Дошло до того, что мы усвояемъ громкій титулъ философскаго ученія первому встрѣчному, съ кропотливымъ трудомъ написанному, сочиненію, лишь бы оно имѣло предметомъ Бога, матерію, душу, или человѣчество; мы поступаемъ, какъ дѣти, воображающія, что путешествія Жюля Верна представляютъ настоящую, истинную науку. Это самый ясный признакъ нашего умственнаго изнеможенія.

Бездна отдѣляетъ истинную философію отъ философской мечты. Послѣдняя основывается всегда лишь на отвлеченныхъ понятіяхъ, слабо выясненныхъ, на системахъ, дурно понятыхъ, и отвѣчаетъ только смутнымъ темнымъ влеченіямъ. Самыя очевидныя положенія разсудка смѣшиваются здѣсь съ причудливѣйшими вымыслами воображенія; единичный фактъ превращается въ общее доказательство, излюбленныя мысли въ аргументы; гипотезы принимаютъ значеніе дѣйствительности, дѣйствительность становится тѣнью; безъ связи и единства—все здѣсь смутно и неопредѣленно. Это романъ безъ характеровъ, драма безъ страстей; всего чаще она имѣетъ лишь достоинство новизны, а иногда и того менѣе—достоинство только формы.

Если первая встрѣчная философская мечта принимаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе философскаго произведенія: то заблужденіе наше въ этомъ случаѣ невольное. Наши мнимые философы настолько искренни, насколько почитатели ихъ довѣрчивы. Глубокое разстройство новѣйшаго мышленія нельзя объяснять однимъ незнаніемъ исторіи происхожденія древнихъ софистическихъ школъ; если древность и средніе вѣка представляютъ собою эпохи, отличавшіяся однѣми и тѣми же характерными чертами смуты и нестроенія, причины тому надо искать въ самой природѣ философіи, а не въ какой либо случайности.

II.

Основное начало философіи.

Есть умы неспособные къ философіи, какъ есть умы неспособные къ математикѣ. Философія представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ умственной алхиміи; анализъ своей собственной мысли пугаетъ ихъ. Другіе умы, болѣе сильные и болѣе способные увлекаться философскими умозрѣніями, удивляются высокимъ воззрѣніямъ философовъ и раздѣляютъ ихъ убѣжденія. Тѣ и другіе одинаково заблуждаются, воображая, что предметомъ философіи служитъ объясненіе природы и происхожденія вещей; первыхъ отталкиваютъ возвышенныя отвлеченности, вторые принимаютъ ихъ за самую истину; тѣ и другіе одинаково упускаютъ изъ виду главную основу всякаго философскаго ученія—науку о законахъ мышленія, созданную основателями философскихъ ученій. Уничтожьте индукцію Платона, устраните изъ системы Аристотеля существенныя въ ней начала родовыхъ понятій, отбросьте изслѣдованіе Декарта о простыхъ идеяхъ, и отъ ученія этихъ философовъ останется только рядъ стройныхъ и обширныхъ гипотезъ. Винятъ философію, упрекаютъ ее въ томъ, что она не наука, а не хотятъ понять, что отыскивая науку въ философіи, упускаютъ изъ виду то именно, что единственно дѣлаетъ ее наукой: познаніе законовъ нашего ума.

Познаніе законовъ мышленія составляетъ науку въ точномъ смыслѣ слова,—доступную опыту и доказательству. Оно шло впередъ съ вѣками, и опытъ постепенно развивалъ или исправлялъ его. Я вижу, чувствую, разсуждаю, сравниваю мои сужденія—вотъ факты, которыми каждый свободно располагаетъ. Къ сожалѣнію, открытія въ этой наукѣ весьма рѣдки и труднѣе чѣмъ во всякой другой, какъ бы ни казались съ перваго раза легкими упражненія въ этомъ родѣ. Каждая изъ нашихъ идей отлична отъ другой, ни одно изъ нашихъ сужденій не остается всегда одинаковымъ: каждое является предъ нами уже омраченное нашими страстями, подъ покровомъ словъ, привычекъ и предразсудковъ нашего воспитанія. Когда мы пытаемся анализировать ихъ, то оказывается, что всѣ наши сужденія представляютъ собою одну сплошную цѣпь, наши способности взаимно восполняютъ одна другую, наши принципы взаимно предполагаются и когда хотимъ подвергнуть опыту умственный фактъ, онъ уже не существуетъ болѣе; только посредствомъ воспоминанія можемъ снова вызвать его; мы не владѣемъ способностью мыслить свою мысль. Точно также мы отдаемъ себѣ лишь весьма смутный отчетъ въ томъ, что это за наука о законахъ мышленія, называемая методомъ въ философіи. То мы обозначаемъ этимъ терминомъ своеобразную у каждаго философа манеру располагать свои мысли въ опредѣленномъ порядкѣ при изысканіи истины; то разумѣемъ подъ именемъ метода совокупность общихъ началъ и правилъ, которымъ философъ считаетъ нужнымъ слѣдовать для достиженія той же цѣли; этому послѣднему предпочтительно усвояется нами имя раціональнаго научнаго метода, между тѣмъ какъ первый кажется намъ методомъ инстинктивнымъ и чисто личнымъ. Иное дѣло мыслить, иное понимать свое мышленіе. Методъ инстинктивный—это мышленіе въ его свободной, ничѣмъ не стѣсняемой дѣятельности, и по этимъ своимъ качествамъ оно составляетъ первичную причину, истинное начало всѣхъ ученій; методъ же научный есть только рефлексъ, всегда болѣе или менѣе не полный. Тщательные анализы условій достовѣрности и разсудочной дѣятельности, которые мы находимъ у всѣхъ великихъ филосо-

фовъ, представляютъ лишь весьма несовершенный отчетъ объ ихъ мышленіи. Дѣйствительное жизненное начало и причины ихъ ученія,—совсѣмъ не методъ, которому они слѣдуютъ; это—ихъ геній.

III.

Геній великихъ философовъ.

Какъ ни мало мы знакомы съ законами нашего мышленія, наши собственныя идеи кажутся намъ, тѣмъ не менѣе, поразительно вѣрными и ясными; мы повинуемся имъ безъ колебаній, онѣ образуютъ наши мнѣнія, возбуждаютъ въ насъ желанія; но идеи, мнѣнія и желанія различны у каждаго изъ насъ; въ нѣдрахъ общественнаго прогресса онѣ разнообразятся до безконечности и влекутъ за собой безчисленныя противорѣчія и противодѣйствія. Въ этомъ-то мірѣ поразительнаго непостоянства, который измѣняется ежеминутно, преобразуется съ поколѣніями и составляетъ умственную жизнь народовъ, являются въ опредѣленные моменты люди, ищущіе высшей истины. Они видятъ колебанія однихъ, заблужденія другихъ, притязанія всѣхъ и каждаго, открываютъ своимъ проницательнымъ взоромъ предразсудки, ослѣпляющіе умъ,—страсти, его увлекающія, недоумѣнія, ведущія къ заблужденіямъ, восходятъ отъ анализа къ анализу, отъ индукціи къ индукціи и, взвѣшивая одной рукой неизвѣстное, а другой—извѣстное, успѣваютъ найти твердыя опоры для своего мышленія и противовѣсъ своимъ сомнѣніямъ. Спокойные въ своемъ могуществѣ, увѣренные въ равновѣсіи и гармоніи, они открываютъ намъ совершеннѣйшую формулу, общія и простѣйшія элементарныя правила истины и достовѣрности, насколько то доступно человѣческому уму въ данный моментъ. Эту формулу и правила они примѣняютъ потомъ ко всѣмъ великимъ проблеммамъ: къ вопросамъ—о происхожденіи и природѣ вселенной, о причинѣ вещей, о назначеніи каждаго существа, о дѣятельности людей, о движущихъ ими страстяхъ, о судьбахъ народовъ и человѣчества, и такимъ образомъ создаютъ свое ученіе, ги-

гантское въ его цѣлостности. Вращаясь въ кругу безчисленныхъ данныхъ, мысль ихъ идетъ впередъ неуклонно, безъ колебаній; открытыя ими правила служатъ для нихъ мѣриломъ при изслѣдованіи конечныхъ истинъ, и величіе ихъ воззрѣній внушаетъ не меньшее удивленіе, какъ и могущество ихъ синтеза. Конечно, ихъ ученіе остается настолько же несовершеннымъ, насколько недостаточно знаніе ихъ о методѣ; но формулы, въ которыя облечено ими это ученіе, въ такой же мѣрѣ какъ и открытія великихъ астрономовъ и физиковъ, служатъ совершеннѣйшимъ выраженіемъ силы ихъ анализа и индукціи, равно и знанія, какимъ они владѣли. Таково назначеніе великихъ мыслителей; кругозоръ ихъ такъ обширенъ, полетъ такъ быстръ, что намъ не подъ силу за нимъ слѣдовать.

Когда проникаемся удивленіемъ къ открытіямъ Кеплера и Ньютона, мы не думаемъ, конечно, требовать отъ нихъ открытія всѣхъ тайнъ физики и астрономіи. Почему же требуемъ отъ Аристотеля и Декарта, чтобы они открыли намъ послѣднюю истину о происхожденіи и природѣ вещей?—При изученіи физики и астрономіи мы находимъ внѣ себя постоянныя, правильно совершающіяся явленія, которыя служатъ намъ опорой и даютъ возможность оцѣнить величіе генія людей, открывшихъ законы этихъ явленій. Въ явленіяхъ же нашего ума не находимъ ни такой правильности, ни постоянства; явленія ускользаютъ отъ насъ и потому мы не можемъ вполнѣ понять значеніе генія въ философіи. То принимаемъ мы ученія великихъ мыслителей какъ дѣти, увлекшись блескомъ той или другой истины, то отказываемся слѣдовать имъ, будучи недовольны характеромъ того или иного вывода. Въ обоихъ случаяхъ мы поступаемъ такъ потому только, что въ своихъ колеблющихся мысляхъ не находимъ, какъ въ физикѣ и астрономіи, ни руководителя, ни опоры, которые дали бы намъ возможность оцѣнить открытія великихъ мыслителей.

Итакъ, трудности непреодолимы: свойства нашего разума и его ограниченность препятствуютъ основательному изученію великихъ системъ философіи. Между тѣмъ, если пренебрежемъ при этомъ хотя малѣйшей чертой: мотивами

мысли великихъ философовъ, инстинктивнымъ методомъ, усвоеннымъ ими, эпохой ихъ появленія, правилами, которыя они формулировали, ученьемъ, ими установленнымъ, мы не поймемъ фактовъ и исказимъ исторію. Будучи въ такомъ случаѣ не въ силахъ открыть въ системахъ истину, мы слѣпо хватаемся за то или другое изъ началъ великихъ ученій, прилаживаемъ его по своему къ нашимъ познаніямъ и влеченіямъ. Дедукціи слѣдуютъ за первой нашей индукціей, наши сужденія перепутываются, заключенія идутъ за первыми посылками; мы думаемъ, что придерживаемся строгой логики; но не замѣчаемъ, что каждый неизвѣстный законъ заставляетъ насъ уклоняться съ прямаго пути, малѣйшее преувеличеніе, вкрадывающееся въ наши разсужденія, выбиваетъ насъ изъ колеи, малѣйшее предпочтеніе, примѣшивающееся къ нашимъ заключеніямъ, усиливаетъ кажущуюся очевидность ихъ и превращаетъ ихъ въ заблужденія. Затрудненія мало по малу возрастаютъ, легкія связи мыслей превращаются въ тяжелыя цѣпи, смыслъ выраженій затемняется, фразы становятся пустыми, поле знанія съуживается, большая дорога дѣлается тропинкой, а тропинка заканчивается глухимъ переулкомъ или лабиринтомъ. Тогда здравомыслящіе люди смѣются надъ мечтаніями лжефилософа,—надъ безплодными попытками его найти абсолютное. Они не знаютъ, сколько нужно труда, размышленія и усилій, чтобы дать себѣ отчетъ, какъ найтись заблудившемуся, когда свѣтъ видится ему только въ томъ направленіи, въ какомъ онъ шелъ.

Философія такая же наука, какъ и всѣ другія. Она развивается тѣмъ же путемъ индукцій и послѣдовательныхъ опытовъ; но тогда какъ индукціи другихъ наукъ основываются на точныхъ данныхъ, прочно устанавливаются на опредѣленныхъ опытахъ, философскія индукціи, выражающія отношеніе между нашими сужденіями и признаками достовѣрности, не имѣютъ предѣловъ въ своихъ опытахъ. Философія простѣйшая изъ наукъ по своимъ первымъ даннымъ, но она самая обширная по своему предмету. Философскія открытія и всего труднѣе дѣлать, и всего труднѣе понимать. Всѣ знанія, какими мы нынѣ владѣемъ, и какія человѣче-

ство можетъ пріобрѣсть въ будущемъ, сводятся въ послѣднемъ анализѣ къ немногимъ законамъ, управляющимъ нашимъ мышленіемъ. За логикой Аристотеля слѣдовали двѣ тысячи лѣтъ исканій въ потемкахъ, за изслѣдованіемъ простыхъ идей Декартомъ—вѣка усилій. Поколѣнія мыслителей смѣняютъ другъ друга, рѣшая одну и туже задачу; одни народы изчезаютъ, другіе являются и новые мыслители снова начинаютъ и продолжаютъ прежнюю работу. Уже послѣ того, какъ великія ученія прослѣжены до самыхъ крайнихъ выводовъ, до разнообразнѣйшихъ ихъ примѣненій, съ неумолимою логикой и непоколебимою добросовѣстностью, изслѣдованіе этихъ ученій заканчиваются и мы открываемъ необходимыя данныя для новыхъ успѣховъ; таковъ смыслъ философскаго опыта. Это опытъ близкій къ намъ, непосредственный, поколику онъ производится по элементарнымъ правиламъ метода; но въ тоже время это опытъ отдаленный, ускользающій отъ насъ, насколько онъ относится къ общей совокупности ученій; онъ—опытъ историческій по видоизмѣненіямъ, какимъ подвергаются философскія ученія съ теченіемъ времени. Неясности, встрѣчаемыя здѣсь нами, зависятъ, съ одной стороны, отъ трудностей, испытываемыхъ каждымъ изъ насъ при открытіи законовъ своего ума, а съ другой—отъ нашего безсилія овладѣть произведеніями и открытіями величайшихъ геніевъ человѣчества.

IV.

Характеръ софистовъ.

Отъ изученія философскихъ ученій въ ихъ историческомъ развитіи зависитъ рѣшительно всякій прогрессъ философіи. Это изученіе имѣетъ три ступени.

На первой ступени стоятъ вѣрующіе ученики. Въ своей наивности они слѣпо принимаютъ слово учителя и передаютъ другимъ свое благоговѣніе. Они не понимаютъ могучей мысли, ихъ покорившей, смутно представляютъ себѣ основныя начала ученія, поражаются величіемъ цѣлаго и образуютъ всего чаще небольшую общину вѣрующихъ, которая теряется и исчезаетъ въ общемъ движеніи впередъ.

Второе мѣсто занимаютъ, въ дѣлѣ изученія философскихъ ученій, ученики-философы въ истинномъ смыслѣ слова. Они овладѣваютъ вполнѣ мыслью основателя философскаго ученія; подобно ему исходною для себя точкою ставятъ собственныя познанія о явленіяхъ, совершающихся во внѣшнемъ мірѣ и въ области разсудка; но ищутъ высшей достовѣрности, правилъ болѣе совершенныхъ, и, восходя въ свою очередь отъ индукціи къ индукціи, развиваютъ основное начало ученія и видоизмѣняютъ его. Они имѣютъ полное и цѣльное сознаніе дѣйствительности, видятъ людей и всѣ предметы такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, и на каждой страницѣ своихъ твореній заставляютъ насъ раздѣлять глубокое ощущеніе свѣтоносной ихъ мысли. Таковы были: Локкъ, Спиноза, Лейбницъ; они видоизмѣнили Картезіанское ученіе, каждый сообразно съ своимъ характеромъ и знаніями. Если намъ кажется, что въ ихъ системахъ есть противорѣчія, то въ этомъ отношеніи мы ошибаемся, что зависитъ отъ нашего неумѣнья понять ихъ; сила и единство ихъ мысли ускользаютъ отъ нашего пониманія. Даже неясности, встрѣчающіяся у философовъ, находятъ для себя объясненіе въ усвоенной ими точкѣ зрѣнія на первыя достовѣрныя положенія мысли.

На третьей ступени, великія философскія доктрины изучаются учениками-софистами. Задача ихъ самая неблагодарная. Для окончательнаго испытанія доктрины необходимо провесть чрезъ нее каждую мысль, каждое положеніе, каждую, хотя бы незначительную формулу, каждую гипотезу. Трудъ громадный, продолжительный; тоже ученіе, спустя столѣтіе, истолковывается при другихъ знаніяхъ и съ иными чувствами; умственныя потребности уже не тѣ, смыслъ словъ измѣнился, обстоятельства совсѣмъ иныя. Трудъ сухой и утомительный; одни начала представляются поразительно очевидными, другія—непонятными; ихъ слѣдствія кажутся то неопровержимыми, то крайне сомнительными. Чтобы преодолѣть трудности, разсѣять туманъ, пополнить пробѣлы, надо безпристрастно отнестись къ заблужденію, не довѣрять иллюзіямъ и въ тоже время позволить себѣ увлекаться ими, утверждать и сомнѣваться, быть ученикомъ и идти про-

тивъ учителя на каждомъ шагу. Софистъ не ищетъ новаго начала, но пытается устранить затрудненія, представляемыя тѣмъ началомъ, которое онъ допускаетъ; не стремится къ новому рѣшенію, но желаетъ найти самыя твердыя основанія для рѣшенія, заимствуемаго имъ у того или другаго философа. Онъ преувеличиваетъ силу доказательствъ, привязывается къ значенію словъ, анализируетъ, изслѣдуетъ, утончаетъ естественныя формы разсужденія, оспариваетъ противоположныя мнѣнія, ищетъ отвѣта на всевозможныя возраженія; разности, имъ находимыя, становятся неуловимыми, доказательства въ пользу защищаемаго мнѣнія безконечными; непосредственное сознаніе истины въ немъ затемняется, чувство дѣйствительности утрачивается. Въ ученіи софистовъ мы встрѣтимъ странныя утвержденія, неосмысленныя сужденія, безчисленныя ошибки въ пониманіи, игру словъ, принимаемую за умственный законъ. Но увидимъ также, что дивное могущество человѣческой мысли просвѣчиваетъ даже въ этихъ крайностяхъ. Большинство софистовъ были люди возвышеннаго ума; всѣ они избирали исходною для себя точкой величайшія открытія, важнѣйшіе успѣхи въ наукѣ мышленія и разрабатывали ихъ почти всегда съ глубокимъ убѣжденіемъ, часто увлекаясь до энтузіазма. Порицаніе не смущаетъ ихъ, опасность не останавливаетъ. Усвоенное начало должно быть доказано во всей своей силѣ, противоположныя мнѣнія должны быть уничтожены въ самомъ источникѣ своемъ. Ихъ наивность иногда смѣшна, ихъ усилія всегда поразительны даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они прибѣгаютъ къ самымъ дѣтскимъ средствамъ съ цѣлію отстоять правоту своего дѣла. Они подобны кометамъ, уклонившимся съ своего пути и продолжающимъ прямо двигаться въ безпредѣльномъ пространствѣ; пусть имъ суждено было погибнуть въ своемъ безпорядочномъ теченіи; они оставили за собою блестящій слѣдъ.

Ученіе ихъ распространяется, переходя отъ учителей къ ученикамъ; образуются школы, умножаются несогласія, возрастаютъ противорѣчія. Бѣлое для однихъ дѣлается чернымъ для другихъ; что̀ выше всякаго сомнѣнія для первыхъ, кажется нелѣпымъ для послѣднихъ; смотря по школѣ, истина

признается заблужденіемъ, заблужденіе—истиной, пока, наконецъ, благодаря рѣшенію однихъ и тѣхъ же вопросовъ съ противоположныхъ точекъ зрѣніе, умъ, естественно, пріобрѣтаетъ привычку вѣрить, что противоположныя мнѣнія одинаково законны, что тезисъ такъ же очевиденъ, какъ и антитезисъ, доказательство въ одну сторону такъ же справедливо, какъ и противоположное доказательство въ другую. Такимъ путемъ въ новѣйшія времена образовалась антиномистика, древность произвела эристику,—искусство доказывать за и противъ безразлично, средневѣковые ученые прославились искусствомъ защищать одинаково и тезисъ и антитезисъ. Умы пріобрѣли въ эти три эпохи изворотливость и впали въ однѣ и тѣже крайности. Съ той минуты, какъ за и противъ поддерживаются съ одинаковымъ правомъ, всякая мысль является въ одно и тоже время и истинной и ложной; всякая достовѣрность исчезаетъ, истина становится призракомъ, попытки достигнуть ея—безуміемъ. Ужасно это могущество мышленія, которое поведетъ софистовъ, въ эти три эпохи, къ заблужденіямъ еще большимъ и низвергнетъ ихъ въ пропасть, крайнимъ предѣломъ которой будетъ нигилизмъ, если только мракъ безразсуднаго мистицизма не поглотитъ послѣднихъ проблесковъ ихъ ума. Трогательное зрѣлище, напоминающее древнюю трагедію, представляетъ этотъ роковой ходъ мышленія; въ горячей жаждѣ истины, оно истощаетъ одну за другою лучшія свои способности, обращаетъ своё оружіе противъ самого себя и, отъ изнеможенія и отчаянія, оканчиваетъ самоубійствомъ.

V.

Значеніе софистовъ.

По происхожденію, слово софистъ значитъ учитель мудрости; древніе сдѣлали изъ этого слова оскорбительный терминъ, новѣйшіе придали ему значеніе ложно-мыслящаго ума, систематическаго мечтателя.

Умъ поверхностный, остановившись на нѣсколькихъ частныхъ, извѣстныхъ ему данныхъ, обобщаетъ ихъ, не понимая взаимныхъ отношеній между ними; считаетъ всѣхъ

французовъ легкомысленными, потому что нѣкоторые, извѣстные ему, таковы, или—бѣлокурыя расы болѣе совершенными потому, что самъ принадлежитъ къ такой расѣ. Очевидно, такой умъ не способенъ возвыситься до пониманія великихъ философскихъ ученій. Заносчивый и безсильный, рѣзкій въ сужденіяхъ, поражающій иногда своеобразнымъ теченіемъ мыслей, онъ можетъ имѣть задатки умнаго человѣка, но не софиста. У систематическаго мечтателя еще менѣе основательности. Если онъ не тратитъ понапрасну времени на отыскиваніе квадратуры круга или непрестаннаго движенія (perpetuum mobile), то пускается въ какія нибудь отдаленныя аналогіи, кажущіяся ему громадными открытіями,—видитъ въ общеніи женъ или въ раздѣлѣ имуществъ всеобщее лекарство отъ всѣхъ золъ, мечтаетъ примирить всѣ честолюбія, удовлетворить всѣ интересы, и въ одной какой либо формулѣ находитъ секретъ универсальнаго счастія. Тотъ и другой одинаково немощны мыслью; совсѣмъ иного закала софистъ! Это—умъ гибкій, проницательный, способный прослѣдить самыя возвышенныя отвлеченности и мельчайшія наблюденія, самыя широкія обобщенія и самыя тонкія мысли; открытый для всяческихъ знаній, неутомимый въ работѣ, всегда осторожный, часто скромный онъ свободно располагаетъ своими способностями и своимъ словомъ; никакое ухищреніе не обманетъ его, никакая тонкость не остановитъ, никакая иллюзія не введетъ въ заблужденіе, если только она не его собственная, и притомъ такая, происхожденіе которой надо искать не въ немъ самомъ, а за нѣсколько столѣтій раньше, у того или другаго изъ великихъ философовъ, сдѣлавшаго нѣкогда какое нибудь безсмертное открытіе. Софистъ доводитъ ученіе философа до послѣднихъ крайностей; но развиваетъ его во всѣхъ направленіяхъ и всюду, гдѣ находитъ достаточныя данныя, освѣщаетъ его новымъ свѣтомъ.

Въ борьбѣ и спорахъ между собой софистическія школы распространяютъ свой анализъ на множество вопросовъ, которые продолжали бы покоиться въ глубинѣ человѣческаго сознанія, если бы что нибудь снова не возбудило къ жизни тѣхъ истинъ, которыя въ нихъ содержатся, или—

не потревожило предразсудковъ, подъ ними сокрытыхъ. Эти школы занимаются разработкой смысла словъ и языка, опредѣляютъ значеніе терминовъ, основываютъ грамматику, риторику, филологію; подвергаютъ тщательному разбору правила нравственности и эстетики, создаютъ литературную и историческую критику, полагаютъ основы новыхъ наукъ въ области мышленія и открываютъ иногда болѣе широкіе кругозоры для наукъ естественныхъ. Самыя блестящія эпохи философскаго умозрѣнія стоятъ въ связи съ долговременными работами софистовъ. Они слѣдуютъ въ древности за основателями философіи и подготовляютъ открытія Платона и Аристотеля, выступаютъ въ средніе вѣка послѣ великихъ учителей церкви и служатъ предшественниками Бэкона, Декарта и Паскаля; снова являются въ новѣйшія времена въ ряду великихъ учениковъ Декарта. Предвѣщаютъ ли они намъ новое возрожденіе философіи?

Можно писать исторію великаго умозрѣнія, не останавливаясь на дѣятельности софистовъ; но нельзя пренебречь изученіемъ ихъ въ частной исторіи народовъ. Софисты играли здѣсь часто болѣе важную роль, чѣмъ сами творцы славнѣйшихъ ученій. Извѣстнаго рода осужденіе, соединяемое съ ихъ именемъ, имѣетъ своимъ источникомъ то преобладающее вліяніе, какое они всегда оказывали. Системы ихъ обнимали собою нравственность, исторію, политику, всю совокупность фактовъ и знаній. Понятія о добрѣ и злѣ расшатывались ими, обязанности семьи и государства, права гражданина, судьбы рода человѣческаго истолковывались иногда въ критическомъ духѣ, тѣмъ болѣе страстномъ, чѣмъ онъ искреннѣе. Традиціонная мораль потрясена въ ея основахъ, древнія вѣрованія подверглись осмѣянію, гражданскія и государственныя обязанности разсѣчены, и новыя ученія, по мѣрѣ ихъ развитія, распространяются въ образованныхъ классахъ, проникаютъ въ массы. Сужденія становятся смутными, правота побужденій исчезаетъ, умственныя и нравственныя связи народа ослабляются, зло принимаетъ размѣры умственной эпидеміи. Умственное разстройство Греціи восходитъ ко временамъ софистовъ; правда, они подготовили путь для Аристотеля и Платона, но оба послѣдніе остались безъ

послѣдователей; греческое мышленіе слишкомъ глубоко испорчено было софистами. Средневѣковые софисты своими диспутами подготовляютъ возмущенія и войны реформаціи. Правда, вліяніе ихъ было не настолько сильно, чтобы могло помѣшать возвращенію болѣе здравыхъ преданій; за то софисты нашего времени, кажется, снова пріобрѣли такое же вліяніе, какое имѣли софисты Греціи. Ихъ доктринами наполняются наши газеты, оглашаются наши парламенты, вдохновляются наши историки, наши школы и наши университеты повторяютъ ихъ, не сознавая того; онѣ рѣшаютъ будущность юношества и славу нашихъ ученыхъ; народъ по своему толкуетъ ихъ и примѣняетъ къ дѣлу.

Было бы, однако, ошибкой думать, будто софисты именно губятъ духъ націй. Пришлось бы отчаяться въ будущности человѣческаго мышленія, если бы изученіе наиболѣе выдающихся успѣховъ его неизбѣжно влекло за собой столь гибельныя послѣдствія. Когда въ поступательномъ ходѣ философскаго умозрѣнія возникаютъ противоположныя ученія, ставятся основныя начала, непримиримыя, тогда выборъ между ними рѣшается не истиной и знаніемъ, но различіемъ вкусовъ, воспитанія и темпераментовъ. Но эти вкусы, темпераменты, воспитаніе имѣютъ свой корень въ нравахъ даннаго времени. Къ этимъ-то нравамъ, частнымъ и общественнымъ, и необходимо обратиться въ концѣ концовъ, чтобы открыть причины появленія софистическихъ школъ. Когда семейныя и патріотическія чувства теряютъ свою традиціонную силу, когда общественныя связи потрясены, тогда только въ философскихъ ученіяхъ и въ ихъ высокихъ отвлеченіяхъ мысль находитъ послѣднее убѣжище. Всѣ софистическія эпохи совпадаютъ со временемъ большей или меньшей порчи частныхъ и общественныхъ нравовъ народовъ, и софисты суть жертвы не только своей безпощадной логики, но и воспитавшаго ихъ общества. Если Платонъ упрекаетъ соперниковъ Сократа въ недобросовѣстности, въ опасныхъ діалектическихъ тонкостяхъ, въ жадности къ богатству и славѣ, и если можно сдѣлать тѣже упреки нѣкоторыхъ изъ современныхъ мнимыхъ философовъ, дѣлающихъ изъ науки подножіе для своего честолюбія, это значитъ, что волна разврата

достигла наконецъ такой высоты, что затопила область чистаго мышленія. Преобладающее вліяніе, какое софисты оказывали тогда на общественную мысль, служитъ лишь справедливымъ возмездіемъ съ ихъ стороны, и если они довѣршаютъ общественное растройство, то, конечно, общество заслужило этого; уже послѣдующія поколѣнія воспользуются успѣхами, которыя будутъ софистами подготовлены.

VII.

О важности ученія софистовъ.

Изъ всѣхъ философскихъ ученій самое интересное и самое драматичное, благодаря возбуждаемымъ изъ-за него страстямъ, есть несомнѣнно ученіе софистическое. Гораздо лучше, чѣмъ исторія великихъ ученій, оно знакомитъ насъ съ тайными пружинами нашего мышленія, и лучше, чѣмъ всѣ существующія правила, открываетъ намъ мѣру нашихъ силъ и глубину нашихъ заблужденій.

72354

Всякая софистика, носитъ ли она имя эристики, какъ въ древности, или антиномистики, какъ въ новѣйшее время, сводится въ послѣднемъ анализѣ къ простой игрѣ ума. Ложныя обобщенія современныхъ философскихъ школъ, тонкости средневѣковыхъ ученыхъ, діалектическія уловки софистовъ одинаково основываются на систематическомъ смѣшеніи отвлеченнаго или абсолютнаго смысла словъ съ конкретнымъ или частнымъ. Конечно, можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы простая игра смысломъ словъ могла раздѣлять умы, поселять вражду между сословіями, разрушать учрежденія народовъ. Но за смысломъ словъ скрываются наши понятія, за понятіями наши страсти; когда смыслъ выраженія теменъ, понятіе становится сомнительнымъ и страсти остаются единственными нашими руководителями. Страсти выражаются словами и возбуждаются ими; могущество словъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ темнѣе ихъ смыслъ и чѣмъ сильнѣе страсти. Какихъ ужасныхъ волненій не вызывало въ наше время одно слово о правахъ человѣка? Одни видятъ въ немъ абсолютные принципы человѣческаго духа, источникъ всякаго добра и всякой нравственности; другіе истолковываютъ его

3795

съ точки зрѣнія своихъ матеріальныхъ потребностей; первые понимаютъ его абстрактно и даютъ ему конкретное значеніе; вторые понимаютъ его конкретно и даютъ ему абстрактное значеніе, и всѣхъ нашихъ революцій было недостаточно для выясненія истиннаго смысла этого слова. Злоупотребленіе двоякимъ значеніемъ словъ, смѣшное и безвредное у людей недалекаго ума, дѣлается гибкимъ и острымъ оружіемъ въ рукахъ софистовъ и страшнымъ средствомъ нападенія и защиты въ рукахъ народныхъ массъ. Не только наука, но и счастіе народовъ зависитъ гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ, отъ хорошо обработаннаго языка.

Платонъ и Аристотель открыли намъ тайну софистики; великіе мыслители эпохи возрожденія разоблачили предъ нами заблужденія схоластики; ошибки современныхъ софистовъ ускользаютъ отъ насъ только потому, что мы сами уносимся тѣмъ же теченіемъ, которое увлекаетъ ихъ. Мы раздѣляемъ ихъ погрѣшности въ сужденіяхъ, ежедневно допускаемъ такое же смѣшеніе понятій, какъ и они; тѣмъ только и отличаются они отъ насъ, что стремятся систематизировать наши ошибки.

Мы остановимся, въ настоящемъ сочиненіи, предпочтительно на полезной сторонѣ софистики; выставимъ на видъ тѣ частныя истины софистическихъ ученій, которыя принесли какіе либо плоды въ прошедшемъ, или представляютъ въ настоящемъ какіе либо задатки имѣть будущность. Сдѣлаемъ это безъ предвзятой мысли противъ софистическихъ школъ: какъ всякая систематическая оппозиція, онѣ имѣютъ свою цѣну; будемъ относиться безъ вражды къ личностямъ; для насъ остается неизвѣстнымъ, какую роль играютъ онѣ въ этомъ великомъ дѣлѣ. Но не забудемъ, что ученія ихъ касаются преимущественно нравственности, такъ какъ въ этой именно области исторія открываетъ намъ печальное вліяніе софистическихъ эпохъ, съ одной стороны—вслѣдствіе ослабленія частныхъ и общественныхъ нравовъ, совпадающаго съ появленіемъ софистовъ, съ другой—вслѣдствіе преобладающаго воздѣйствія ихъ, въ свою очередь, на разрушеніе общественнаго строя.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГРЕЧЕСКІЕ СОФИСТЫ.

I.

Аѳиняне предъ появленіемъ софистовъ.

«Нельзя объяснить, говоритъ Нибуръ, какъ могли аѳиняне, послѣ опустошенія ихъ страны и истребленія ихъ города огнемъ не только загладить слѣды разоренія и снова отстроить свой городъ, но и совершить такія гигантскія работы, какъ *Длинныя Стѣны*. Представимъ себѣ, что бѣдный народъ, едва успѣвшій спасти кое-что изъ своего имущества, возвратившись въ отечественную страну, состоящую въ большей своей части изъ безплодныхъ и скалистыхъ холмовъ, вскорѣ является предъ нами несравненно могущественнѣе, чѣмъ когда либо! Очевидно, намъ недостаетъ знанія обстоятельствъ, которыя дали бы намъ возможность понять этотъ фактъ [1])»! Великій историкъ упустилъ изъ виду, что причины столь удивительнаго возобновленія города были тѣже, благодаря которымъ аѳиняне, оставленные всѣми греками, одни устояли противъ многочисленной арміи великаго царя, одержали нѣсколько безсмертныхъ побѣдъ, и возведеніемъ новыхъ стѣнъ, въ замѣнъ сожженныхъ, открыли вѣкъ Перикла, именно: пламенный патріотизмъ, принявшій на себя защиту всѣхъ грековъ, не измѣряя опасности; потребность въ единеніи, доходившая до остракизма Аристида съ цѣлью положить конецъ раздору партій [2]); чув-

[1]) Alte Geschichte v. 1 p. 419.
[2]) Alte Geschichte v. 1 p. 400.

ство солидарности, соединившее всѣ желанія въ одно-желаніе Ѳемистокла; общественная дисциплина, предоставлявшая каждому гражданину соотвѣтственное мѣсто безъ ревниваго соперничества и вреднаго честолюбія: таковы были аѳиняне въ битвахъ при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ, такими приступили они и къ возстановленію своего города. Онъ хранился вполнѣ устроеннымъ въ ихъ общемъ согласіи, въ ихъ искреннемъ сочувствіи другъ другу, въ ихъ взаимной преданности, взаимномъ почтеніи и уваженіи; оставалось только каждому изъ гражданъ найти свое поле и привести свой домъ въ удобное для обитанія состояніе, чтобы республика сдѣлалась такою же могущественной и благоустроенной, какъ и прежде. Добыча захваченная у персовъ, уцѣлѣвшій флотъ, помощь спасшихся отъ погрома городовъ и иноземныхъ гражданъ, находившихся въ отношеніяхъ гостепріимства съ знатными аѳинскими фамиліями, оказали, конечно, содѣйствіе аѳинянамъ въ это тяжелое время; но безъ патріотизма и крѣпкихъ общественныхъ преданій народа, Аѳины никогда не были бы возстановлены изъ развалинъ.

Послѣ тимократическаго движенія, освященнаго законами Солона, великія фамиліи Евпатридовъ смѣшиваются съ первымъ изъ новыхъ классовъ, но сохраняютъ простоту нравовъ древнихъ временъ [1]), и хотя политическая власть ихъ прекратилась, тѣмъ не менѣе народъ продолжалъ оказывать имъ трогательные иногда почетъ и уваженіе даже въ самыя печальныя времена своей исторіи. Древнія фратріи и филы исчезли съ раздѣленіемъ народа на демы, но воспоминаніе объ общемъ происхожденіи продолжало соединять гражданъ во дни общенародныхъ празднествъ и печальныхъ событій. Ареопагъ потерялъ свою судебную власть; пятьсотъ судей, избравшіеся изъ шести тысячъ геліастовъ, рѣшали споры гражданъ; но ареопагъ сохранилъ до послѣднихъ дней своего существованія нравственный авторитетъ и подавалъ примѣръ умѣренности и благоразумія. Наконецъ, въ опасностяхъ и трудностяхъ, столь геропчески перенесенныхъ, въ

[1]) Plutarq. V. de Pericle. Thucid. 11. 37.

теченіе войны, послѣднія различія между классами сгладились, и, послѣ побѣды, аѳинская конституція сдѣлалась совершенно демократическою. Эта демократія не была самодержавіемъ черни; это было самодержавіе народа, установившееся безъ потрясеній, безъ крутаго переворота, путемъ естественнаго, правильнаго развитія. Народъ назначалъ военачальниковъ, посылалъ уполномоченныхъ, принималъ пословъ, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, требовалъ себѣ отчетовъ отъ должностныхъ лицъ и, тѣмъ не менѣе, съ чрезвычайной покорностью подчинялся своимъ, избиравшимся по жребію, архонтамъ; онъ требовалъ строгаго разслѣдованія о нравственныхъ ихъ качествахъ и въ тоже время этотъ верховный властелинъ оставался рабомъ своихъ законовъ и преданій. Достигнувъ полноты политической и судебной власти, онъ продолжалъ хранить великія нравственныя узы, создающія могущество городовъ и государствъ; это и составляло тайну генія аѳинянъ.

Женщины, дѣти и старики работали на длинныхъ стѣнахъ; городъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, поднимается изъ пепла. Сынъ Мильтіада продолжаетъ побѣды отца и, предводительствуя флотомъ, распространяетъ могущество аѳинянъ отъ Чернаго моря до границъ Сиріи. Тысячи городовъ дѣлаются — одни покоренными, другіе добровольными данниками, третьи—свободными союзниками аѳинянъ. Несмѣтныя сокровища запасаются на случай опасности. Периклъ назначается стратегомъ и подобно ему всѣ богатые граждане аѳинскіе—Лахесы, Никіи, Калліасы вооружаютъ триремы, поощряютъ искусства, покровительствуютъ наукамъ. Въ свою очередь, народъ, глубоко привязанный къ своимъ вѣрованіямъ и героическимъ сказаніямъ, изъ уваженія къ личной свободѣ, предоставляетъ своимъ поэтамъ и художникамъ самый широкій просторъ въ истолкованіи ихъ и пріобрѣтаетъ тонкій вкусъ къ правдѣ изображенія, который получилъ навсегда имя аттицизма. Софоклъ и Эврипидъ затрогиваютъ въ своихъ драмахъ глубокія чувствованія, его волнующія. Фидій оставляетъ варварскій пріемъ пестраго раскрашиванія статуй и вырѣзываетъ изъ мрамора, чернаго дерева и слоновой кости великіе образы его религіозныхъ

вѣрованій; совершенно правильные размѣры Парѳенона и Пропилеевъ отражаютъ въ себѣ гармоническій и простой характеръ его влеченій. Вѣкъ Перикла, гигантскія работы возстановленія города, побѣды мараѳонская и саламинская объясняютъ себя взаимно.

Объ аѳинскомъ народѣ всего лучше могутъ дать намъ понятіе—достойная удивленія простота его нравовъ и мысли, и замѣчательное, историческое и общественное его развитіе. Храбрѣйшіе воины, самые неустрашимые при осадѣ городовъ, и первые моряки Греціи [1]), они оказываются, сверхъ того, и достопочтенными судьями не только своихъ домашнихъ споровъ, но и распрей возникавшихъ въ городахъ, платившихъ дань, а переходя отъ суда къ народному собранію, постановляютъ по выслушаніи преній окончательныя рѣшенія о такихъ мѣропріятіяхъ, которыя, въ ихъ совокупности, скоро возвели городъ на высшую ступень славы и блеска. Они—собственники, крестьяне, ремесленники, торговцы и въ тоже время присуждаютъ награды своимъ ораторамъ, ваятелямъ и поэтамъ, вѣнчаютъ своихъ героевъ и борцовъ. «Всѣ пользуются равными правами: ни бѣдность, ни темное происхожденіе не служатъ препятствіемъ къ достиженію самыхъ высокихъ должностей; тотъ же свободный духъ вносятъ они и въ оцѣнку своихъ ежедневныхъ занятій. Исполненные взаимнаго снисхожденія въ своихъ частныхъ отношеніяхъ, они боятся вредить общественнымъ интересамъ изъ уваженія къ своимъ начальникамъ, изъ любви къ законамъ и въ особенности къ тѣмъ, которые, не будучи написанными, защищаютъ слабыхъ отъ безчестія, неразлучнаго съ притѣсненіемъ. Праздники и жертвоприношенія служатъ для нихъ отдыхомъ отъ труда; городъ ихъ открытъ для всѣхъ иностранцевъ, никому не отказываютъ они ни въ зрѣлищѣ, ни въ обученіи. Они пользуются богатствами отдаленнѣйшихъ странъ, какъ бы произведеніями своей собственной страны. Они соединяютъ изящество вкуса съ простотою жизни, занимаются наукой, не предаваясь изнѣженности; богатство служитъ имъ только средствомъ для дѣятельности. Безчестнымъ они счи-

[1]) Ср. Thucyd. I. 102, 121, III. 18.

таютъ не того, кто признается въ бѣдности, но кто ничего не дѣлаетъ, чтобы избавиться отъ нея. Эти граждане одинаково способны, одни—заботиться, какъ о своихъ частныхъ дѣлахъ, такъ и о благѣ общественномъ, другіе—вести свою торговлю и пещись о пользахъ государственныхъ. Кто удаляется отъ общественной дѣятельности, того считаютъ они не другомъ покоя, а безполезнымъ гражданиномъ, и тогда какъ другимъ грекамъ придаетъ храбрости невѣдѣніе ихъ объ опасности, а размышленіе дѣлаетъ ихъ нерѣшительными, одни аѳиняне соединяютъ смѣлость въ дѣйствіи съ благоразуміемъ въ совѣтѣ [1]). Страстные любители новизны по характеру, столь же быстрые въ исполненіи, какъ и скорые въ рѣшеніи, они готовы на всякое предпріятіе и преисполнены надеждъ среди опасностей. Одержавъ побѣду, они идутъ впередъ далѣе, чѣмъ должно, а потерпѣвъ пораженіе отступаютъ назадъ менѣе, чѣмъ возможно. Изнуряя свое тѣло въ пользу города, какъ бы чужое, они пользуются своимъ умомъ, какъ если бы онъ принадлежалъ всецѣло отечеству. Всю жизнь свою проводятъ въ трудахъ и опасностяхъ; неудача не приводитъ ихъ въ уныніе, равно и удовлетвореніе честолюбія не успокоиваетъ ихъ. Дѣятельность считаютъ они своимъ долгомъ, а покой для нихъ хуже самаго утомительнаго занятія [2]). Такимъ образомъ, городъ ихъ сдѣлался образцемъ для всей Греціи и, во время испытаній, всегда оказывался даже выше своей славы [3]).

Вотъ портретъ аѳинянъ, нарисованный намъ въ два пріема Ѳукидидомъ. Среди этого-то народа, притомъ въ самый блестящій моментъ его исторіи, являются софисты, по своему искусству соперники Софокла и Фидія, друзья и любимцы Перикла, учители или противники Сократа. Никогда поколѣніе философовъ и ораторовъ не имѣло представителей болѣе блестящихъ, слушателей съ болѣе гибкимъ умомъ, судей болѣе тонкихъ и разборчивыхъ. Энтузіазмъ возбуждавшійся ими не имѣлъ границъ: имъ воздвигали статуи,

---

[1]) Thucydide. Discours de Pericles II. 37, 42.
[2]) ib. Disc. de Corinthiens I. 70.
[3]) ib. Disc. de Pericles II. 40.

ихъ осыпали богатствами; они явились вдругъ какъ бы царями мысли и именно въ городѣ Минервы, которой были самыми многочисленными учениками, они играли первостепенную роль и имѣли величайшее вліяніе. Каковы же были— происхожденіе софистовъ, ихъ назначеніе и цѣль.

По словамъ Тидемана, «когда Зенонъ элеатскій подалъ примѣръ искусства во всемъ сомнѣваться и все утверждать, когда мудрецы разоблачили недостовѣрность человѣческаго мышленія и ихъ мнѣнія приблизились къ скептицизму, когда, наконецъ, въ свободныхъ греческихъ государствахъ, во время распрей между ними, краснорѣчіе начало пріобрѣтать большее и большее значеніе, тогда нѣсколько человѣкъ, превосходно одаренныхъ, попытались обратить эти стремленія въ свою пользу и славу. Они соединяли умѣнье обращаться съ людьми съ краснорѣчіемъ и возбуждали общее удивленіе новостью языка, изысканностью формы, равно и смѣлостью заключеній, выводившихся ими изъ всякаго предложенія, которое они опровергали или доказывали [1]). Тидеманъ, повторивъ почти слово въ слово мнѣніе своего предшественника по марбургской каѳедрѣ, присовокупилъ: «ни что такъ хорошо не отвѣчало стремленію софистовъ, какъ этика и политика, безъ коихъ было бы невозможно имъ произвести ничего великаго въ наукѣ, потому что софисты не преслѣдовали никакой научной цѣли и, не имѣя опредѣленныхъ принциповъ, терялись въ океанѣ измѣнчивыхъ мнѣній [2])». «Люди беззастѣнчивые, читаемъ Dictionnaire des sciences philosophiques, хвастающіеся всезнаніемъ и обѣщающіе всему научить; искусные риторы, но предлагающіе свое краснорѣчіе въ услуги какому угодно дѣлу; блестящіе и ловкіе діалектики, но поддерживающіе за и противъ съ одинаковой смѣлостью; способные все отрицать, даже очевидность, и все утверждать даже нелѣпость; люди жадные, сверхъ того, алчные къ богатству, могуществу и славѣ, безразлично пользующіеся, въ интересахъ своего благополучія, истиной и

---

[1]) Geist de Specul. philosoph. Марбургъ. 1791. стр. 349.
[2]) Gesch. der philos. Leipzig. 1798 г.

ложью, правдой и неправдой» [1]) — таковы были греческіе софисты по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ.

Послушаемъ другихъ. «Они были, увѣряетъ насъ Гегель, великими учителями, давшими Греціи образованіе. Они заняли мѣсто поэтовъ и рапсодовъ... Гораздо ранѣе Перикла чувствовалась потребность въ умственномъ образованіи; удовлетворить этой потребности было цѣлью софистовъ. Они взяли на себя бремя воспитанія; пробудили въ Греціи сознаніе того, что въ жизни слѣдуетъ руководиться умомъ, а не оракулами, привычками, страстями и мимолетными впечатлѣніями... Время наивной вѣры прошло; теперь ищутъ основаній и руководятся только тѣми, которыя свободная мысль почерпаетъ въ самой себѣ. Эпоха софистовъ была эпохой великаго умственнаго разцвѣта Греціи» [2]). Г. Гротъ придаетъ еще болѣе опредѣленности мнѣнію Гегеля. «Всѣ данныя, говоритъ онъ, производятъ на мой умъ впечатлѣніе, противоположное впечатлѣнію, получаемому отъ иронической и презрительной фразеологіи, обычной у Платона, когда онъ ведетъ рѣчь о софистахъ. Для пріобрѣтенія извѣстности они пользовались высокой ученостью и умственной силой, въ соединеніи съ личнымъ превосходствомъ, дававшимъ себя чувствовать въ ихъ урокахъ и бесѣдахъ. Вотъ

---

[1]) Dictionnaire sciences philosophiques, art. Sophistes.

«Всѣ эти шумящіе софисты, посѣщающіе главные города Греціи съ цѣлію давать тамъ уроки и вести публичныя бесѣды, отличаются ненасытной жадностью....

Эти лицемѣры говорятъ о добродѣтели, а живутъ порочно; рѣчь ихъ обольстительна и вызываетъ рукоплесканія толпы; но ихъ поведеніе стоитъ въ противорѣчіи съ ихъ высокопарными сентенціями «(Barthelemy—S—Hilaire Rhitorique d'Aristote. introd. XXX). «Если чувственность есть мѣра всѣхъ вещей, какъ говорили въ школѣ іонійской, то отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ ничего достовѣрнаго... Если, затѣмъ, согласно съ элеатами, допустить что существуетъ только единое и никакого разнообразія нѣтъ, то ясно, что все есть во всемъ, все однородно, и можно говорить объ одной и той же вещи, что она истинна и ложна въ одно и тоже время; тоже можно сказать относительно добраго и злаго, и относительно всѣхъ другихъ вещей. Вы поймете, что я веду рѣчь о софистахъ. Скептицизмъ, пустой, но всеобщій, далъ основу для ихъ ученія (Cousin. Hist. de la Philosophie).

[2]) Hegel. Werke Uol. XIV, 1. 9.

что вызывало удивленіе, и тотъ фактъ, что оно обнаруживалось при такихъ именно условіяхъ, открываетъ взору лучшія свойства греческаго ума и въ особенности ума аѳинянъ... Оцѣнивать софистовъ и государственныхъ людей аѳинскихъ съ точки зрѣнія Платона было бы не меньшею несправедливостію, какъ и оцѣнивать ученыхъ и политиковъ англійскихъ или французскихъ съ точки зрѣнія М. Оуэна или Фурье [1]).

Между софистами, преемниками Гомера и Пиндара, и софистами Платона, соперника Оуэна и Фурье; между великими учителями Греціи и презрѣнными развратителями ея нравовъ и общественнаго духа, нѣтъ ничего общаго. Невольно поражаешься при видѣ того, до какой степени духъ системы можетъ видоизмѣнять одни и тѣже факты, однихъ и тѣхъ же людей. Фокусники идей и словъ, даже самые искусные, не были греческими софистами.

Въ древности слово софистъ употреблялось въ различныхъ значеніяхъ. Въ общеупотребительномъ смыслѣ слова, по справедливому замѣчанію Грезеллія [2]), не только Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ, но и Платонъ, Аристотель, великіе ораторы, музыканты, врачи, учители краснорѣчія и гимнастики—назывались софистами, учителями мудрости. Иногда же словомъ софистъ пользовались греки для обозначенія тѣхъ философовъ, которые имѣли притязаніе научить знанію и истинѣ, но по самому характеру своихъ доктринъ, не могли этого сдѣлать. Вотъ истинный смыслъ слова, данный ему Сократомъ, единственно научный, котораго и слѣдуетъ держаться. Сократъ: какъ называешь ты Протагора?—Ипніасъ: софистомъ [3]). Наконецъ, имя софиста прилагалось также ко

---

[1]) Hist. de la Grece vol. XII p. 224, 229.
[2]) Theatr. veter. Rhetor. Paris. 1620.
[3]) Platon. Le Protagor. 311.

Брентано цитируетъ мѣста изъ Платона и Аристотеля, относящіяся къ софистамъ, преимущественно по переводамъ Кузена и Бартелеми-Сентъ-Илера. При переводѣ книги Брентано на русскій языкъ цитаты изъ Платона и Аристотеля провѣрены по подлиннымъ ихъ твореніямъ.

Примѣч. переводчика.

всѣмъ болтунамъ и любителямъ словопреній безразлично, не имѣя ни таланта, ни знанія, они пользовались именемъ софистовъ для того, чтобы вводить въ заблужденіе молодежь и выманивать у нея деньги [1]). Смѣшивать этотъ послѣдній смыслъ слова съ предъидущимъ все равно, что смѣшивать обширныя знанія Герберта Спенсера съ многорѣчивостью какого нибудь изъ нашихъ незначительныхъ ораторовъ, болтающихъ всюду и обо всемъ, или же философію Канта, защищающаго за и противъ въ своихъ антиноміяхъ, смѣшивать съ изворотливостью журналиста, который хвалитъ и порицаетъ что угодно, сообразуясь съ своими личными интересами. Самъ Платонъ, кажется, смѣшиваетъ иногда оба эти смысла; въ этомъ отношеніи нужно отличать діалоги, писанные Платономъ при жизни Сократа, отъ написанныхъ послѣ его смерти. Въ послѣднихъ господствуетъ тонъ болѣе рѣзкій, чувствованія болѣе горькія; Платонъ видѣлъ, какое участіе принимали софисты въ осужденіи его любимаго учителя.

Разнообразіемъ оттѣнковъ въ значеніи слова объясняются противоположныя мнѣнія о софистахъ у новѣйшихъ критиковъ и историковъ; одни видятъ софистовъ въ самомъ дурномъ смыслѣ слова—въ самыхъ знаменитыхъ представителяхъ философіи этой эпохи, въ Зенонѣ элеатскомъ, Горгіѣ, Протагорѣ, Продикѣ; другіе, напротивъ, въ Платонѣ видятъ завистливаго и ревниваго мечтателя. Крайности первыхъ увлекаютъ послѣднихъ въ противоположную крайность; тѣми и другими заблужденія софистовъ разоблачаются, но не извиняются. Заблужденіе въ философіи менѣе прощаютъ, чѣмъ заблужденіе въ другихъ наукахъ.

---

[1]) Platon. Le Sophiste 224.

II.

Зенонъ Элейскій.

Основателемъ софистики и діалектики былъ Зенонъ [1]). Онъ родился въ Элеѣ, въ великой Греціи, и въ сорокалѣтнемъ возрастѣ прибылъ въ Аѳины, на большіе панаѳинейскіе праздники, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Парменидомъ [2]). По свидѣтельству Діогена Лаэрція, Зенонъ былъ высокаго роста, происходилъ изъ хорошей фамиліи, отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, оставилъ произведенія, полныя ума и учености, и пріобрѣлъ извѣстность какъ въ политикѣ, такъ и въ философіи [3]). Онъ посвятилъ жизнь развитію доктрины своего учителя и умеръ защищая свободу своего отечества. Зенонъ собственными зубами откусилъ себѣ языкъ и выплюнулъ его въ лице тирану Неарху [4]), чтобы не выдать именъ своихъ соучастниковъ. Онъ процвѣталъ около 79 олимпіады [5]), за 343 г. до нашей эры.

Этотъ портретъ Зенона, оставленный намъ древностью, очень мало соотвѣтсвуетъ тому представленію, какое мы можемъ составить себѣ объ основателѣ софистики; между тѣмъ, отъ Зенона дошло до насъ и наибольшее число софизмовъ. Его характеръ, возвышенный умъ и геройская смерть налагаютъ на насъ долгъ съ особливою тщательностію изслѣдовать его ученіе и заблужденія.

«Зенонъ утверждаетъ, говоритъ Аристотель, что движеніе не существуетъ, потому что движущееся тѣло должно пройти чрезъ средину прежде, чѣмъ достигнетъ конца» [6]).

---

[1]) Platon, le Parmenide 128. Aristole fr. VIII 1. 54.

[2]) Platon, le Parmenide 227.

[3]) Diogéne de Laerte IX. 5.—Zeller, Philosoph. der Griech. 421, Notes.

[4]) Alias, Demitos ou Diomédon. cr. S. A. Byk.

[5]) Діогенъ Лаэрцій говоритъ, что онъ процвѣталъ въ 78 олимпіадѣ; Евсевій—въ 80.

[6]) Phys. VI. XIV, 3.

Извѣстно, что если мы будемъ смотрѣть на пространство съ точки зрѣнія грековъ, оставивъ въ сторонѣ объясненія, даваемыя намъ современною наукой о природѣ движенія, и если станемъ искать возможности его въ нашей мысли, то не въ состояніи будемъ представить себѣ, чтобы не возможна была средина и въ томъ послѣднемъ разстояніи, которое остается пройти движущемуся тѣлу, чтобы достигнуть конца. Послѣ каждой, уже достигнутой средины возникаетъ въ нашемъ сознаніи представленіе о дальнѣйшей новой срединѣ, какъ бы малымъ ни дѣлалось разстояніе. При отсутствіи научныхъ объясненій, наши чувства и привычка виною тому, что мы не пытаемся разрѣшить это затрудненіе, но съ метафизической точки зрѣнія оно остается и теперь такимъ же, какимъ было во времена Зенона [1]).

«Второй софизмъ Зенона, продолжаетъ Аристотель, называется Ахиллесомъ. Онъ состоитъ въ томъ, что никакой движущійся предметъ, какъ бы медленно онъ ни двигался, никогда не можетъ быть догнанъ другимъ, хотя бы самымъ быстрымъ, потому что догоняющій долженъ съ неизбѣжной необходимостью пройти сначала чрезъ пунктъ, съ котораго вышелъ тотъ, кто впереди [1]). Бэйль превосходно объясняетъ этотъ второй аргументъ. «Положимъ, говоритъ онъ, что черепаха находится на двадцать шаговъ впереди Ахиллеса и

---

[1]) Ибервегъ объясняетъ софизмъ Зенона слѣдующимъ образомъ. Положимъ, говоритъ онъ, движущееся тѣло стремится отъ пункта А къ пункту В. Очевидно, прежде чѣмъ достигнуть В, оно должно пройти половину разстоянія, отдѣляющаго А отъ В; но прежде чѣмъ пройти половину разстоянія, оно должно пройти половину этой половины, далѣе—половину этой новой половины и т. д.; а такъ какъ это дѣленіе продолжается (то есть можетъ быть мысленно продолжено) до безконечности, то выходитъ, что каждое тѣло, чтобы пройти извѣстное разстояніе, должно пробѣжать безконечно многія пространства (то есть безконечно многія части пространства); но безконечность непроходима; слѣдовательно, ни одно тѣло не придетъ отъ одного пункта до другаго и, значитъ, движеніе невозможно. (Исторія фил. въ русскомъ переводѣ т. I. ч. I стр. 168). Точно также объясняется этотъ софизмъ и Целлеромъ (Die Philosophie der Griechen. th. 1, p. 545).

Примѣч. переводч.

[1]) Phis. V, XIV, 4.

опредѣлимъ скорость этого героя 20 шагами на одинъ шагъ черепахи. Въ то время, какъ Ахиллесъ сдѣлалъ 20 шаговъ, черепаха сдѣлаетъ одинъ; она будетъ, слѣдовательно, еще впереди Ахиллеса. Когда Ахиллесъ сдѣлаетъ 21-й шагъ, черепаха сдѣлаетъ 20-ю часть 22-го шага, а когда онъ сдѣлаетъ двадцатую часть 22-го, черепаха сдѣлаетъ двадцатую часть этой двадцатой части и т. д. [1]). Въ сущности аргументъ этотъ одинаковъ съ предъидущимъ. Изъ этой способности разсудка продолжать до безконечности дѣленіе пространства Лейбницъ извлекъ свое безсмертное открытіе интегральнаго исчисленія, и можемъ ли мы упрекать Зенона за то, что онъ предвидѣлъ болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ до Лейбница всѣ проистекающія отсюда трудности объяснить движеніе.

Третій софизмъ Зенона, продолжаетъ Аристотель, тотъ, что стрѣла, летящая въ воздухѣ, остается на мѣстѣ (покоится) и изъ этого положенія выводится заключеніе, что время сложено изъ отдѣльныхъ мгновеній [2]). Бэйль комментируетъ этотъ аргументъ съ такою же ясностью, какъ и предъидущій: «каждый день долженъ начинаться, а другой оканчиваться, откуда слѣдуетъ, что время не можетъ быть дѣлимо до безконечности и послѣдовательное во времени существованіе вещей слагается, собственно говоря, изъ отдѣльныхъ моментовъ, каждый изъ нихъ простъ и недѣлимъ.... и обнимаетъ собою только настоящее время. Люди, отрицающіе это слѣдствіе, должны быть предоставлены своему собственному тупоумію, или своей недобросовѣстности, или власти своихъ предразсудковъ. Но разъ вы допустите, что настоящее время недѣлимо, вы вынуждены будете допустить положеніе Зенона. Вы не найдете мгновенія, въ которое стрѣла двинулась бы съ своего мѣста, потому, что, если бы вы нашли такое мгновеніе, оказалось бы, что стрѣла въ одно и тоже время и находится въ этомъ мѣстѣ и не находится въ немъ» [3]).

---

[1]) Dict. art. Zénon p. 597 col. 1.
[2]) Phis. V. XIV. 8.
[3]) Dict. art. Zenon p. 596 col. 2.

Целлеръ комментируетъ третій софизмъ Зенона такъ: пока что нибудь находится въ одномъ и томъ же пунктѣ простран-

Въ этомъ аргументѣ Зенонъ пользуется послѣдовательностью во времени для отрицанія дѣйствительности движенія; а далѣе онъ старается доказать, что и время не болѣе реально. «Его четвертый софизмъ, продолжаетъ Аристотель, относится къ разнымъ тѣламъ, движущимся съ одинаковою скоростью, на протяженіи, положимъ, стадіи, но въ противоположномъ направленіи; при чемъ одно начинаетъ движеніе съ конца стадіи, другое съ средины; онъ усиливается доказать, что время, составляющее только половину, будетъ равно двумъ половинамъ его» [1]). Освободивъ этотъ аргументъ отъ толкованія Аристотеля, которое такъ же трудно для пониманія, какъ и аргументъ Зенона, Бэйль продолжаетъ: возьмите двѣ книги in folio равной длины, положимъ, въ два фута каждую. Положите ихъ на столѣ, двигайте ихъ одновременно одну надъ другою, одну къ востоку, другую къ западу, до тѣхъ поръ пока восточный край одной и западный—другой прикоснутся; вы найдете тогда, что края, которыми онѣ прежде касались, находятся въ разстояніи 4 футовъ одинъ отъ другаго, а между тѣмъ каждый изъ

ства, оно покоится. Но летящая стрѣла, въ каждое мгновеніе, находится въ одномъ какомъ либо пунктѣ пространства. Слѣдовательно, летящая стрѣла въ каждое мгновеніе своего полета покоится (остается неподвижной); ея движеніе только кажущееся. По своему основанію, продолжаетъ Целлеръ, это доказательство подобно двумъ предъидущимъ. Какъ тамъ проходимое пространство, такъ и здѣсь время движенія раздѣлено на безконечно малыя части, и, на основаніи этого предположенія, дѣлается заключеніе, что движеніе не можетъ быть мыслимо. Заключеніе—совершенно вѣрное. Въ моментъ какъ такой, никакое движеніе, да и вообще никакая перемѣна, не возможны; когда я спрашиваю, гдѣ находится летящая стрѣла въ этотъ именно моментъ, никто не скажетъ: въ переходѣ отъ пункта А къ пункту В, или—что тоже самое—и въ А и въ В; но скажетъ въ А. Поэтому, если подъ временемъ разумѣется не сплошная величина, а рядъ безконечно многихъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, отдѣльныхъ мгновеній времени; то неизбѣжно получается выводъ, что стрѣла не переходитъ отъ одного пункта къ другому, но послѣдовательно пребываетъ въ различныхъ пунктахъ пространства,—и что движеніе, слѣдовательно, невозможно. (Zeller. Die Philosophie der Griechen th. 1 p. 547—548).

Примѣч. переводч.

[1]) Phys. V. XIV, 34.

нихъ прошелъ разстояніе только въ 2 фута. Вы можете усилить возраженіе, предполагая какое либо тѣло, которое движется среди многихъ другихъ, движущихся въ различныхъ направленіяхъ и съ различной степенью скорости... Это объяснимо только посредствомъ математическихъ вычисленій, которыя суть только идеи нашего ума; но относительно самыхъ тѣлъ дѣло кажется необъяснимымъ [1]). Какъ бы то ни было, но отвѣтъ Діогена—цинника, который удовольствовался тѣмъ, что пошелъ, когда услышалъ, что Зенонъ отрицаетъ движеніе, есть софизмъ, который логики называютъ ignoratio elenchi. Это значило уклоняться отъ рѣшенія вопроса, потому что Зенонъ вовсе не отвергалъ видимаго движенія, не отрицалъ, что намъ кажется движеніе существующимъ; но утверждалъ, что въ дѣйствительности ничто не движется и доказывалъ это соображеніями весьма тонкими и трудными для пониманія» [1]). Прибавимъ къ объясненію Бэйля, что аргументъ Зенона, если судить о немъ на основаніи словъ Аристотеля, относится преимущественно ко времени, которое кажется простымъ, если разсматривается разстояніе, пройденное каждымъ изъ краевъ книги, и—двой-

---

[1]) Для уясненія этого доказательства Бэйль приводитъ еще слѣдующій примѣръ: возьмемъ линію AB и два тѣла CD и EF, имѣющихъ равную длину съ линіею AB. Оба тѣла двигаются съ одинаковою скоростію, такъ что линія AB каждымъ изъ этихъ тѣлъ можетъ быть пройдена въ одинъ часъ. Но тѣло EF пусть движется вправо и притомъ такимъ образомъ, что его конецъ E начинаетъ свое движеніе изъ средины линіи AB; тѣло же CD пусть двигается въ обратную сторону, т. е. влѣво и конецъ его C пусть начинается отъ конца линіи въ B. Представимъ это, мы въ концѣ получаса увидимъ слѣдующее положеніе тѣлъ:

A _____ B
m
C _____ D
E _____ F

Т. е. пунктъ m, или средина тѣла CD въ теченіе получаса пробѣжала со своею скоростію половину линіи AB, и одновременно съ этимъ вдоль цѣлой длины тѣла FE, каковая длина, однакоже, какъ равная линіи AB, можетъ быть пройдена тѣломъ только въ теченіе цѣлаго часа, изъ чего и выходитъ, что половина равна цѣлому часу. Примѣч. переводч.

[1]) Dict, art Zenon, p. 660, col. 2.

нымъ, если имѣется въ виду то разстояніе, которое находится между восточнымъ краемъ одной книги и западнымъ другой, послѣ того какъ совершилось движеніе ихъ одной надъ другой. Это подобно тому, какъ напримѣръ двое часовъ, изъ которыхъ одни идутъ медленнѣе, а другіе—скорѣе, показываютъ одно и тоже время и длиннѣе и короче.

Зенонъ утверждаетъ еще, говоритъ Стагиридъ, «что часть кучи зеренъ, какъ бы мала она ни была, должна производить шумъ, ибо ничто не препятствуетъ этой части въ то или другое время двинуть тотъ воздухъ, который въ свое время могла двинуть вся куча» [1]). Положеніе это возможно истолковать лишь такимъ образомъ: куча зеренъ, падая, произвела шумъ, бывшій слѣдствіемъ ея паденія; но это былъ шумъ одного мгновенія, шумъ единичный. Однако паденіе зеренъ было послѣдовательно; если же, поэтому зерна падавшія не производили шума и еще менѣе могли производить его зерна, имѣвшія падать, то отсюда слѣдуетъ, что не существуетъ времени, въ которое зерна могли бы произвести шумъ; между тѣмъ, необходимо допустить, что нѣкоторая часть кучи зеренъ должна производить шумъ въ нѣкоторое время, такъ какъ шумъ бываетъ только во времени [2]). Если бы Зенонъ былъ знакомъ съ теоріей звука, если бы ему были извѣстны, по крайней мѣрѣ, законы,

---

[1]) Phys. VII. 5.

[2]) Этому доказательству Зенона историки даютъ различное значеніе и неодинаково толкуютъ его. Целлеръ помѣщаетъ его въ числѣ доказательствъ Зенона противъ множественности вещей и выражаетъ его такъ: «если куча зеренъ, при паденіи, производила шумъ, то и каждое отдѣльное зерно и каждая малѣйшая часть зерна должны производить шумъ; это противорѣчитъ, однако, чувственному наблюденію. Вопросъ здѣсь въ томъ, какъ возможно, чтобы много вещей, вмѣстѣ взятыхъ, производили дѣйствіе, если каждая изъ нихъ, отдѣльно взятая, сама по себѣ не производитъ его. (Zeller. Die Philosophie der Griechen th. 1. p. 544). По мнѣнію Ибервега, доказательство Зенона направлено противъ достовѣрности чувственныхъ воспріятій и имѣетъ слѣдующій смыслъ: если отдѣльныя зерна не производятъ шума, то не производитъ его и цѣлая куча зеренъ, дѣйствіе которой есть только сумма дѣйствій всѣхъ частей ея. (Исторія фил. въ русскомъ переводѣ т. 1, ч. 1, стр. 165).

Примѣч. переводч.

управляющіе дѣйствіемъ тѣлъ однихъ на другія, онъ не измыслилъ бы, конечно, этихъ аргументовъ противъ времени и пространства. Тѣмъ не менѣе, его аргументы сохраняютъ всю свою силу съ точки зрѣнія отвлеченныхъ понятій о пространствѣ и времени; современные авторы повторяютъ ихъ почти слово въ слово [1]).

Точно такимъ же образомъ элейскій софистъ доказывалъ, что множество вещей не можетъ существовать. «По его мнѣнію, передаваемому намъ Аристотелемъ, то̀ не есть что либо сущее, что̀ не дѣлается ни большимъ, когда къ нему прибавляется нѣчто, ни меньшимъ, когда отъ него отнимается нѣчто. Если величина составляетъ сущность бытія, то бытіе тѣлесно, ибо тѣло есть величина во всякомъ случаѣ. Но какимъ образомъ величина, прибавленная къ вещамъ, можетъ сдѣлать однѣ изъ нихъ большими, не производя того же дѣйствія на другія? Какимъ образомъ, напримѣръ, плоскость или линія могутъ увеличиться, а точка или монада никогда? [2]) Однако такое заключеніе слабо, не-

---

[1]) См. Антиноміи Герберта Спенсера. Книга II.

[2]) Целлеръ объясняетъ этотъ аргументъ слѣдующимъ образомъ. «Если бы бытіе было множественно, оно было бы въ одно и тоже время и безконечно малымъ и безконечно большимъ; безконечно малымъ, потому что всякое множество составляется изъ единицъ; а такъ какъ истинная, дѣйствительная единица недѣлима, то и каждое множество должно или само быть недѣлимымъ единствомъ, или изъ такихъ единствъ (единицъ) состоять. Но что недѣлимо, то не имѣетъ никакой величины, потому что все, имѣющее величину, дѣлимо до безконечности. Поэтому, отдѣльныя части, изъ которыхъ слагается многое, не имѣютъ никакой величины. Слѣдовательно, оно не сдѣлается ни большимъ, когда онѣ будутъ прибавлены къ нему, ни меньшимъ, когда онѣ будутъ отъ него отняты. Но то, что будучи прибавлено къ другому не увеличиваетъ его и будучи отнято не уменьшаетъ его, есть ничто. Слѣдовательно, множество безконечно мало, потому что каждая составная часть его такъ мала, что она есть ничто. Но съ другой стороны эти части должны быть и безконечно велики. Ибо, такъ какъ то̀, что не имѣетъ никакой величины, не существуетъ, то многое, для того чтобы существовать, должно имѣть величину; его части, поэтому, должны быть отдѣлены одна отъ другой, т. е. между ними должны находиться другія части. Но эти части, въ свою очередь, должны имѣть величину, должны отдѣляться одна отъ другой и такъ до

лѣпо, говоритъ перипатетикъ, и даже допустивъ предположеніе, что существуетъ нѣчто недѣлимое, можно отвѣтить на возраженіе такимъ образомъ: прибавленіе не увеличиваетъ протяженія точки или монады, но оно увеличиваетъ число ихъ [1]). Аргументъ Зенона показался нелѣпымъ Аристотелю только потому, что онъ отличаетъ число отъ протяженія; но если понимать точку и монаду, какъ части конкретнаго протяженія, то затрудненіе остается во всей силѣ. Если нельзя прибавить одну точку къ другой, или одну монаду къ другой; то возможно ли прибавить линію или плоскость къ другимъ? А если невозможно прибавить линію или плоскость къ другимъ, то можно ли прибавить что бы ни было къ вещамъ, не увеличивая величины всѣхъ, или не возвращаясь къ движенію, которое невозможно? Итакъ, бытіе одно, а не множественно, и величина его всегда одна и таже» [2]).

Наконецъ, Зенонъ оспаривалъ еще существованіе пространства, какъ и существованіе времени и движенія. Людей утверждавшихъ, что бытіе находится въ пространствѣ, онъ спрашивалъ: гдѣ же находится это пространство?—Въ пространствѣ, отвѣчали ему. А это пространство? Въ другомъ пространствѣ... [3]) Очевидная нелѣпость, изъ которой онъ старался сдѣлать выводъ, что пространство само по себѣ не существуетъ.

безконечности. Такимъ образомъ получится безконечно много величинъ, или нѣчто безконечно великое». (Zeller. Die Philosophie der Griechen th. 1. p. 541—542).

Примѣч. переводч.

[1]) Metaphys. III, 4. tr. Pierron et Zévort.

[2]) Мы не будемъ ссылаться на аргументы о единствѣ и множествѣ, приписываемые Зенону Симплиціемъ. По своей крайней утонченности они не согласуются ни съ аргументами вышеизложенными, ни съ цѣлой доктриной Зенона. Они были, безъ всякаго сомнѣнія, произведеніемъ мегарской школы, основанной Антисѳеномъ, ученикомъ Сократа. Платонъ упоминаетъ о нихъ въ своемъ Парменидѣ, написанномъ въ эпоху процвѣтанія мегарской школы и заставляетъ Зенона сожалѣть объ изданіи сочиненія его молодости, которое онъ не имѣлъ намѣренія дѣлать извѣстнымъ; надо полагать, что это было произведеніе какого нибудь изъ учениковъ Антисѳена, ложно приписываемое Зенону. Ср. le Parmenide 128.

[3]) Arist. Phys. IV. III. 28.

*

Бэйль находитъ аргументы Зенона весьма тонкими и крайне трудными для пониманія; но они были не только тонки и неудобопонятны, но и серьезны, искренни, какъ логически необходимые выводы изъ доктрины Парменида, учителя Зенона. «Бытіе есть, небытія нѣтъ, говоритъ Парменидъ. Бытіе не имѣетъ ни прошедшаго, ни будущаго, ибо оно существуетъ всецѣло теперь. Оно недѣлимо, ибо оно есть цѣлое подобное самому себѣ. Оно совершенно полное бытіе и составляетъ сплошное цѣлое, поелику бытіе смежно бытію. Оно неподвижно... Оно не имѣетъ ни начала, ни конца. Ничего нѣтъ и не будетъ, кромѣ бытія, поелику необходимость хотѣла, чтобы бытіе было именемъ единственнымъ и совершенно неподвижнымъ. Каковы бы ни были по этому предмету мнѣнія смертныхъ, которые смотрятъ на рожденіе и смерть, какъ на дѣйствительныя вещи, а также и на бытіе и небытіе, движеніе и блестящій переливъ цвѣтовъ... бытіе владѣетъ высшимъ совершенствомъ, уподобляясь совершенно круглому шару, который отъ центра до окружностей всюду равенъ и подобенъ» [1]).

Ученіе Парменида о бытіи полномъ, ограниченномъ въ пространствѣ, подобномъ шару, всюду себѣ равному, но не имѣющемъ ни начала, ни конца во времени, трудно понять намъ, привыкшимъ къ идеѣ бытія безусловнаго и безконечнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ, однако, ключъ къ пониманію греческой философіи. Послѣ мечтательныхъ теогоній и космогоній—поэтовъ и мудрецовъ, Гезіода и Ѳалеса, Парменидъ нашелъ въ своемъ мышленіи принципъ достовѣрности болѣе совершенный. Онъ открылъ въ немъ понятіе бытія, «имя единственное», которое онъ понялъ, какъ истинное бытіе всѣхъ вещей, какъ субстанцію полную, неизмѣнную, имѣющую форму небеснаго свода, «шаръ всюду равный самому себѣ». Если мы не уяснимъ себѣ этого понятія древняго учителя, которое остается у него совершенно конкретнымъ, то не только софисты, но даже Платонъ и Аристотель станутъ для насъ непонятными. Греки мыслили свои идеи такъ же, какъ изображали своихъ боговъ,—съ

---

[1]) Réaux, Essai sur le Parmenide, p. 211—221.

такой удивительной пластичностью и съ такими свойствами объективной реальности, о которыхъ намъ, привыкшимъ вращаться въ области отвлеченныхъ понятій, въ высшей степени трудно дать себѣ отчетъ.

Поэма Парменида дѣлилась на 2 части: «Объ истинѣ» и «О мнѣніи». Въ первой онъ трактуетъ о бытіи неизмѣнномъ и полномъ; во второй—о кажущемся, которое смертные считаютъ дѣйствительнымъ. «Онъ полагаетъ здѣсь, говоритъ Аристотель, двѣ другія причины, два другія начала, кромѣ начала единства: теплое и холодное—огонь и землю. Изъ этихъ двухъ началъ онъ относитъ одно—теплоту, огонь, къ бытію, а другое—холодъ, землю, къ небытію» [1]). Такимъ образомъ, не только бытіе понято Парменидомъ конкретно, но и небытіе, которое становится холодомъ, землей; другіе греческіе философы будутъ представлять его пустымъ въ противоположность полному; но ни одинъ изъ нихъ не будетъ такъ понимать небытіе, ничто, какъ понимаютъ его новѣйшіе философы. Міръ существуетъ и абстрактное небытіе, ничто, казалось грекамъ нелѣпостью, о которой нельзя ни мыслить, ни говорить [2]).

Къ числу заблужденій новѣйшей софистики относится мнѣніе, что философія произошла изъ человѣческаго мышленія, какъ Минерва изъ головы Юпитера, вполнѣ вооруженная своими абстрактными и апріорными понятіями. Методъ Парменида былъ—самый простой и инстинктивный. Не находя истины въ теогоніяхъ и космогоніяхъ прежней эпохи, онъ открылъ понятіе бытія, но продолжалъ разсуждать о немъ совершенно наивно, какъ о бытіи конкретномъ и самобытномъ; а что въ бытіи не оставалось всегда однимъ и тѣмъ же, неизмѣннымъ, сдѣлалось для него небытіемъ. Какъ бы ни казались простыми и наивными на нашъ взглядъ эти понятія въ такой формѣ, но для древняго мудреца нужна была необыкновенная умственная сила, чтобы изъ безпорядочной смѣси идей и словъ, традицій и гипотезъ, образовавшихъ языкъ и умственную жизнь Греціи того времени, вы-

---

[1]) Metaphysique 1, 5.
[2]) Platon, le Sophiste, 237.

дѣлить это простое слово «бытіе» и положить его въ основу всякаго знанія и всякой истины. Платонъ оцѣнилъ Парменида лучше, чѣмъ мы можемъ сдѣлать это, когда сказалъ: «что онъ казался ему—выражаясь словами Гомера—и почтеннымъ и грознымъ» [1]).

Ученіе Парменида представляетъ собою простое цѣлое, правда, грубое если угодно, но такое цѣлое, всѣ части котораго связывались безъ софизма. Не было софизма и у Зенона. Онъ принялъ доктрину своего учителя и стремился доказать ея справедливость. Если только бытіе единое, неподвижное, неимѣющее частей, неизмѣнное, полное, всюду себѣ равное, есть бытіе истинное; то отсюда слѣдуетъ, что время не проходитъ въ немъ, движеніе не измѣняетъ его и пространство не есть что нибудь отличное отъ него. Парменидъ понималъ перемѣны времени и движенія, а равно и дѣлимость протяженія, только какъ видимость, кажущееся. Зенонъ идетъ далѣе. Онъ хочетъ доказать, что даже признавая ихъ кажущимися, невозможно дать себѣ отчетъ въ нихъ. Всегда средина отдѣляетъ движущееся отъ конца. Ахиллесъ не догонитъ черепахи; стрѣла не движется, время, которое проходитъ, кажется простымъ и двойнымъ; точка не прибавится къ другой точкѣ». Онъ обнаружилъ въ этомъ способность необыкновеннаго логика, и кажется опередилъ философію своего времени, устремляя мысль къ анализамъ, какихъ она не знала до него. И если бы, достигнувъ этого пункта, онъ оставилъ ученіе своего учителя и заявилъ, что невозможно знать что либо достовѣрно о явленіяхъ, никто и не подумалъ бы ставить ему въ упрекъ его софизмы, они были бы только строгими выводами изъ его принципа. Но такія метафизическія крайности были слишкомъ противны греческому генію блестящей эпохи. Зенонъ, доказавши справедливость принципа Парменида, послѣдовалъ за нимъ также и въ остальномъ его ученіи и написалъ сочиненіе о кажущемся,—«космогонію», какъ говоритъ Плутархъ, и въ ней объясняетъ, что всѣ существа произошли изъ теплоты и холода, сухаго и влажнаго, вслѣдствіе взаимнаго превраще-

---

[1]) Le Théétete.

нія этихъ началъ. Человѣкъ произошелъ изъ земли, его душа есть соединеніе четырехъ предъидущихъ элементовъ въ такой пропорціи, что ни одинъ изъ нихъ не преобладаетъ надъ другими [1]). Зенонъ не замѣтилъ, что послѣ того, какъ онъ доказалъ справедливость принципа своего учителя даже относительно кажущагося, онъ не могъ уже трактовать объ этомъ кажущемся, какъ о подлежащемъ движенію, перемѣнамъ во времени и дѣлимости, не возвращая этимъ понятіямъ всей ихъ реальности. Эта непослѣдовательность кажется намъ странною, необъяснимою; но она была весьма естественна.

И дѣйствительно, такъ какъ Зенонъ принималъ понятіе бытія въ конкретномъ смыслѣ, то онъ не могъ уже видѣть всѣхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ него, какъ изъ понятія вполнѣ и безусловно отвлеченнаго. При разсужденіи о бытіи неизмѣнномъ и полномъ, идеи движенія, времени, пространства, величины сдѣлались для него чистыми отвлеченностями; а при объясненіи кажущагося произошло обратное—идея бытія превратилась въ абстракцію, движеніе же, время, дѣлимое протяженіе получили конкретное значеніе. Зенонъ не подозрѣвалъ этого смѣшенія и своей ошибки,—онъ и не подумалъ остановиться на нихъ, потому что всегда видѣлъ предъ собою—съ одной стороны, полное, неизмѣнное, неподвижное, конкретное бытіе, какъ представлялъ его Парменидъ, а съ другой—область явленій, отдѣленную отъ бытія бездной, такъ что и не подозрѣвалъ своего заблужденія.

Есть въ философіи нѣчто подобное слѣпому пятну глаза, которымъ мы не видимъ абсолютно ничего, даже тогда, когда опредѣлимъ мѣсто этого пятна.

Мы судимъ о неизвѣстномъ только посредствомъ понятій, которыя имѣемъ, равно какъ различаемъ предметы только посредствомъ нервныхъ волоконъ, обусловливающихъ видѣніе тамъ, гдѣ недостаетъ понятій, мы не можемъ видѣть слѣпымъ пятномъ. Когда будемъ изучать софистовъ современныхъ, мы увидимъ примѣры этого не менѣе любопытные.

---

[1]) Diogène le Laérte IX, 5.

Какъ бы ни казалась намъ нынѣ необъяснимой, ошибка Зенона, она была въ свое время не только естественною, но даже необходимою. Чтобы довести мысль до сознанія, что идеи имѣютъ значеніе, необходимо точно выразить ихъ и подвергнуть испытанію, въ смыслѣ самомъ простомъ и непосредственномъ, держась строго опредѣленнаго порядка. Еслибы Зенонъ не сдѣлался основателемъ софистики, другой занялъ бы его мѣсто.

Онъ былъ также и творцемъ діалектики, сдѣлавшейся, впослѣдствіи, такимъ тонкимъ искусствомъ въ рукахъ Сократа и игравшей столь важную роль въ исторіи греческой софистики, что Платонъ смѣшалъ ее даже съ своимъ прекраснымъ опредѣленіемъ индукціи [1]). Чтобы преодолѣть предразсудки своихъ учениковъ и довѣріе ихъ къ чувственной очевидности и поддержать принципъ Пармепида, Зенонъ долженъ былъ нѣкоторымъ образомъ принудить умы слѣдовать, шагъ за шагомъ за Ахиллесомъ, не могущимъ догнать черепахи, за срединой, снова являющейся послѣ каждой достигнутой средины, за пространствомъ, находящимся въ новомъ пространствѣ. Благодаря успѣхамъ философіи, мы находимъ теперь всѣ эти тонкости пустыми; не можемъ, однако, не удивляться той замѣчательной точности и логичности, до какой довелъ ихъ Зенонъ. Въ этомъ отношеніи можетъ быть сравниваемъ только одинъ изъ новѣйшихъ мыслителей, который, какъ и Зенонъ, былъ однимъ изъ основателей софистики нашего времени, подобно ему систематически смѣшивалъ абстрактное значеніе понятій съ конкректнымъ, доводилъ свои анализы до крайности съ такою же точностью и строгостью. Это былъ Кантъ.

Зенонъ не имѣлъ, кажется, обыкновенія преподавать свое ученіе за плату, въ чемъ Платонъ упрекаетъ съ такой жесткостью софистовъ, хотя у Платона же читаемъ разсказъ, что «Пѳодоръ и Калліасъ заплатили Зенону каждый по 100 минъ и сдѣлались мудрыми и образованными» [2]). Послѣдняя черта, приписываемая Зенону Діогеномъ Лаэр-

---

[1]) См. Evthydeme et Dyonisiodore, VII.
[2]) Le Premier Alcibiade, 119.

ціемъ, дополняетъ его портретъ. Когда кто-то упрекнулъ Зенона за то, что однажды, при нанесеніи ему оскорбленія, онъ разсердился, Зенонъ отвѣтилъ: «если бы я былъ нечувствителенъ къ порицанію, то былъ бы равнодушенъ и къ похвалѣ» [1]). Такой отвѣтъ, по мнѣнію Бэйля, недостоинъ философа. Мы же узнаемъ изъ него только о похвалахъ, которыми былъ осыпаемъ знаменитый ученикъ великаго Парменида, и о горячности его характера, которая, правда, дѣлала его чувствительнымъ къ оскорбленію, но и объясняетъ намъ геройскую смерть его.

Зенонъ былъ вѣрнымъ, искреннимъ и преданнымъ ученикомъ, отличался строго логичнымъ умомъ и сильной діалектикой; благодаря имъ, онъ легко преодолѣвалъ величайшія затрудненія, до какихъ только можетъ возвыситься человѣческая мысль, и положилъ начало новой эпохѣ, открывшейся вслѣдъ за тѣмъ въ исторіи греческой философіи. Считать его простымъ любителемъ словопреній такъ же ошибочно, какъ и причислять къ великимъ воспитателямъ Греціи. Послѣ Ѳалеса, Ксенофана, Пиѳагора, Парменида, Гераклита, Анаксагора, Эмпедокла и Левкиппа, истинныхъ и великихъ воспитателей Греціи, являются софисты и во главѣ ихъ Зенонъ. Они получили въ наслѣдство самую трудную задачу, какая только была завѣщана когда нибудь поколѣнію мыслителей,—разъяснить самыя противорѣчивыя и незаконченныя ученія, и если они выполнили свою задачу съ такимъ неутомимымъ рвеніемъ, какой намъ трудно подражать, и съ успѣхомъ, достойнымъ, быть можетъ, сожалѣнія, то унижать ихъ за это было бы также несправедливо, какъ безполезно и возвышать не по заслугамъ.

---

[1]) Diogéne de Laérte, IX, V.

III.

Мелиссъ.

Что̀ стало бы съ исторіею Аѳинъ, еслибы при объясненіи историковъ и ораторовъ этого города мы смѣшали ареопагъ съ современнымъ верхнимъ парламентомъ, народное собраніе съ нижнимъ парламентомъ, совѣтъ пятисотъ съ нашимъ государственнымъ совѣтомъ, архонтовъ съ нашими министрами, стратеговъ съ нашими генералами, оплитовъ (тяжело вооруженныхъ греческихъ пѣхотинцевъ) съ нашими пѣхотинцами, и массу рабовъ съ нашимъ простонародьемъ? Между тѣмъ, это именно и случается съ нами, когда желаемъ дать себѣ отчетъ въ мышленіи греческихъ философовъ. Выраженія: бытіе, субстанція, матерія, пространство и т. п., имѣютъ для насъ совершенно одно и тоже значеніе, идетъ ли рѣчь объ ученіи Платона и Аристотеля, или — объ ученіи Декарта и Лейбница. Платонъ, такимъ образомъ понятый, такъ мало походитъ на дѣйствительнаго Платона, какъ парѳенонъ на версальскій дворецъ, или Ипполитъ Еврипида на Ипполита Расина. И это не потому, чтобы мышленіе греческихъ философовъ было подчинено логическимъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ, управляющихъ нашимъ мышленіемъ; мы далеки отъ того, чтобы утверждать подобную нелѣпость; но греки понимали свои идеи, какъ и свои памятники и драматическіе характеры, совсѣмъ не такъ, какъ мы понимаемъ ихъ, прилагая къ нимъ иную мѣрку и разсматривая ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Мы могли уже убѣдиться въ этомъ, когда разбирали понятія Парменида и Зенона о бытіи и небытіи; Мелиссъ даетъ намъ другіе подобные примѣры, заслуживающіе нашего вниманія.

«Мелиссъ самосскій, сынъ Иѳогена, былъ ученикомъ Парменида; онъ находился также въ сношеніяхъ съ Герак-

литомъ. Онъ посвятилъ себя общественной дѣятельности и пользовался большимъ уваженіемъ согражданъ; его природныя дарованія обнаружились еще съ большимъ блескомъ при отправленіи, по порученію согражданъ, высокихъ обязанностей начальника флота. По мнѣнію Мелисса, вселенная безкопечна, неизмѣнна, едина, всюду себѣ равна и безусловно полна. Движеніе не существуетъ въ дѣйствительности, а только кажется существующимъ. Не должно опредѣлять природу божества, потому что она недоступна нашему пониманію. Аполлодоръ говоритъ, что Мелиссъ процвѣталъ около 84 олимпіады [1]). Таковъ портретъ Мелисса, оставленный намъ Діогеномъ Лаэрціемъ. Вотъ и еще странный софистъ! уважаемый согражданами, командующій самосскимъ флотомъ, побѣдитель Перикла и аѳинянъ [2]), блестящій философъ! Кажется, въ самомъ дѣлѣ, что Гегель и Гротъ смотрѣли на софистовъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ нѣмецкіе историки, и даже чѣмъ самъ Аристотель, отзывающійся, между прочимъ, и о Мелиссѣ крайне сурово. Аристотель обвиняетъ Мелисса въ незнаніи ученія своего учителя [3]) и упрекаетъ его въ грубости воззрѣній [4]). Но какъ согласить портретъ Діогена Лаэрція съ упреками Аристотеля? Какимъ образомъ счастливый начальникъ самосскаго флота и уважаемый согражданами государственный дѣятель могъ быть только грубымъ софистомъ? Не многіе изъ подобныхъ вопросовъ даютъ намъ возможность глубже проникать во внутренній міръ Греціи.

Мелиссъ, подобно Зенону, раздѣлялъ ученіе Парменида о полномъ, неизмѣнномъ, неподвижномъ и всюду себѣ равномъ бытіи, говоритъ Діогенъ Лаэрцій; мы же находимъ одно только различіе между ученіемъ Мелисса и ученіемъ Зенона; это различіе существенно и касается перваго слова въ философствованіи Мелисса: по его мнѣнію, вселенная не есть ограниченный, всюду себѣ равный шаръ, какъ училъ Парменидъ; она безконечна.

---

[1]) Diogéne de Laérte IX. 24.
[2]) Plutarque. Vie de Pericles.
[3]) Metaphysique 1. 5.
[4]) Physique 1. 2.

Главные аргументы, которыми Мелиссъ старался обосновать и подкрѣпить свое ученіе переданы намъ Аристотелемъ. «Чтобы вселенная могла двигаться, говоритъ Мелиссъ, необходима пустота; но нельзя доказать, что пустота существуетъ; слѣдовательно вселенная неподвижна [1])». Этотъ аргументъ долженъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, казаться крайне грубымъ для грековъ, уже знакомыхъ съ глубокими анализами Зенона. Требовалось доказать, что движеніе несовмѣстимо съ полнымъ и неизмѣннымъ бытіемъ, что и пытался сдѣлать Зенонъ; Мелиссъ же утверждаетъ принципъ, который слѣдовало еще доказать, на другомъ, не менѣе гипотетическомъ: нужно, говоритъ онъ, чтобы существовала пустота для того, чтобы было возможно движеніе. Такая ошибка со стороны Мелисса объяснима для насъ только при предположеніи, что онъ отождествлялъ пустоту съ небытіемъ. Небытіе, въ смыслѣ абсолютно несуществующаго ничто, не могло бы имѣть никакого значенія для движенія, чтобы бытіе двигалось, необходимо, чтобы существовало небытіе, т. е. пустота. Аргументація Мелисса теряетъ, такимъ образомъ, свой гипотетическій характеръ, но она вводитъ его въ новую и двойную ошибку. Парменидъ говорилъ, что о небытіи безусловномъ невозможно ни мыслить, ни говорить; Мелиссъ же дѣлаетъ его аргументомъ въ пользу неподвижности бытія; значитъ, онъ мыслитъ и говоритъ о небытіи; правда, онъ дѣлаетъ это, отождествляя небытіе съ чистымъ пространствомъ, съ пустотой, но въ этомъ случаѣ онъ представляетъ противорѣчивыми два понятія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть такими, понятіе бытія и понятіе пространства, и строитъ дѣйствительный софизмъ.

Ошибка Мелисса представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что она, за 2000 лѣтъ до изобрѣтенія нашихъ телескоповъ, навела его на мысль о безконечныхъ небесныхъ пространствахъ. Пространство или пустота, небытіе несуществующее, бытіе, не только неизмѣнно, всюду себѣ равно, но оно не ограничивается небеснымъ сводомъ, не имѣетъ формы шара; оно безконечно. Это навлекаетъ на

---

[1]) Plutarque IV. 8. 6.

Мелисса второй упрекъ со стороны Аристотеля, который покажется непонятнымъ съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ метафизическихъ понятій. «Безконечное, говоритъ перипатетикъ, противоположно совершенному и цѣлому. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать, что Парменидъ стоялъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Мелиссъ; потому что этотъ послѣдній говорилъ, что безконечное есть цѣлое и все, тогда какъ первый утверждалъ, напротивъ, что цѣлое всегда конечно, ограничено, отъ средины во всѣ стороны равно [1]). Все это покажется неосмысленной нелѣпостью для всякаго, кто не пойметъ мысли Аристотеля въ ея цѣломъ. Бытіе не ограничивается для Мелисса, какъ и для Парменида и всей древности, небеснымъ сводомъ, совершеннымъ шаромъ; Мелиссъ утверждаетъ, что совершенное, цѣлое, все—безконечно; онъ предугадывалъ новѣйшее понятіе о безконечномъ бытіи, которое представляется намъ бытіемъ совершеннымъ, цѣлымъ, всеобъемлющимъ, но оно не могло быть такимъ для Аристотеля и грековъ, и даже, что всего любопытнѣе, для самого Мелисса. Его безконечное бытіе, будучи бытіемъ полнымъ, субстанціальнымъ, неизмѣннымъ, неподвижнымъ, не есть однако бытіе безусловное, безконечное въ смыслѣ, принимаемомъ новѣйшею философіею; но оно есть предметъ, субстанція неопредѣленная, безъ формы и границъ, не могущая, поэтому, составить ни цѣлаго, ни всего. Это былъ дѣйствительный софизмъ, въ которомъ бытіе понималось одновременно и въ смыслѣ отвлеченномъ, какъ понятіе безконечной субстанціи, и въ смыслѣ конкретномъ, какъ дѣйствительное бытіе полное, неизмѣнное, недѣлимое, которое одно существуетъ реально, по мнѣнію Мелисса. Такимъ образомъ, Аристотель не имѣлъ права возражать, что «если бытіе есть одно, такъ какъ оно недѣлимо, то ему не свойственно тогда ни качество, ни количество, а въ такомъ случаѣ оно перестаетъ быть безконечнымъ, какъ желаетъ этого Мелиссъ [2]). Парменидъ разсуждалъ на основаніи болѣе глубокаго воззрѣнія на вещи [3]). У Зенона полное бытіе, о

[1]) Physipue III. IX. 7.
[2]) Physique I. III. 3.
[3]) Methaphysique I. V.

которомъ училъ Парменидъ, поглотило понятія пространства, времени и движенія, у Мелисса безконечное пространство поглощаетъ въ свою отередь «полное бытіе» Парменида. Такъ медленно и едва замѣтно идетъ впередъ, отъ одной идеи къ другой, человѣческое мышленіе по пути испытанія самого себя.

Мелиссъ открылъ нѣкоторые аргументы, достойные даже новѣйшихъ метафизиковъ. Онъ утверждалъ, что «время и пространство тожественны; что ничто не можетъ быть вѣчнымъ, не будучи въ тоже время безконечнымъ въ пространствѣ,—мнѣніе, которое покажется совершенно понятнымъ для насъ, привыкшихъ къ такого рода разсужденіямъ. Но полное и неизмѣнное, безконечное и вѣчное бытіе остается у Мелисса недостаточно опредѣленнымъ. Кажется даже, судя по возраженію Аристотеля, что Мелиссъ считалъ полное и неизмѣнное, безконечное и вѣчное бытіе не имѣющимъ опредѣленнаго начала. Мелиссъ, очевидно, ошибается, говоритъ Аристотель, полагая, что все то, что произошло, имѣетъ начало; а что̀ не произошло, не имѣетъ его [1]). Словомъ, это почти тоже отвлеченное бытіе новѣйшей философіи, безконечное, вѣчное, неизмѣнное, но не имѣющее ни качественныхъ, ни количественныхъ свойствъ, ни опредѣленнаго начала, которое Гегель въ своей софистикѣ отождествилъ съ небытіемъ, а Мелиссъ въ своей понялъ совершенно конкретно, какъ бытіе субстанціальное, полное и реальное, хотя не имѣющее опредѣленнаго начала. Въ этомъ смыслѣ понимаемое, бытіе Мелисса приближается болѣе къ безконечной субстанціи Спинозы; но тогда какъ субстанція Спинозы есть то, что существуетъ въ себѣ и чрезъ себя, причина всѣхъ явленій, основа всѣхъ аттрибутовъ; субстанція Мелисса понимается имъ, какъ отличная отъ всѣхъ аттрибутовъ и отъ всѣхъ явленій, которыя совершенно призрачны, по его мнѣнію. Вотъ это именно дѣлаетъ понятіе Парменида, Зенона и Мелисса о бытіи столь труднымъ для пониманія. Въ дѣйствительности это не болѣе, какъ отвлеченное понятіе субстанціи, которую мы представляемъ безъ формы, безъ

[1]) Physique 1. 111. 33.

аттрибутовъ, безъ опредѣленнаго начала, а названные древніе философы наивно представляли совершенно пластически, какъ дѣйствительно существующую съ этими отрицательными опредѣленіями внѣ человѣческаго мышленія и отличную отъ вещей и явленій.

Для Мелисса между тѣмъ затрудненія возрастали болѣе и болѣе. Парменидъ и Зенонъ оставляли еще въ нѣкоторой степени возможность находить соотношеніе между бытіемъ неизмѣннымъ, ограниченнымъ, подобнымъ шару, и между кажущимся міромъ явленій. Но это стало совсѣмъ невозможнымъ, по отношенію къ бытію Мелисса, безконечному, безъ качества и количества. Бездна между отвлеченнымъ и конкретнымъ значеніемъ понятія углублялась болѣе и болѣе. «Къ этой ошибкѣ, продолжаетъ Аристотель, Мелиссъ присоединилъ другую, не менѣе важную,—онъ полагалъ, что всякій предметъ, кромѣ времени, имѣетъ начало; имѣетъ его и происхожденіе бытія, только не простаго, а измѣняющагося, какъ будто не бываетъ внезапныхъ перемѣнъ» [1]).

По нашимъ современнымъ понятіямъ, въ данномъ случаѣ, мнѣніе Мелисса, кажется основательнѣе мнѣнія Аристотеля: мы не допускаемъ, чтобы въ вещахъ могли происходить перемѣны внезапно, какъ думаетъ, кажется, Аристотель. Впрочемъ и Мелиссъ впадаетъ въ ошибку. Если все имѣетъ начало кромѣ времени, какимъ образомъ можетъ не имѣть начала происхожденіе, не только всѣхъ явленій, но даже полнаго и неизмѣннаго бытія? Но Мелиссъ отождествляетъ вѣчное время, безконечное пространство и полное и неизмѣнное бытіе; съ этой точки зрѣнія онъ имѣлъ основаніе не допускать происхожденія; но въ такомъ случаѣ, какъ могло имѣть начало измѣненіе вещей? Итакъ, Аристотель имѣлъ полное право полагать, что есть перемѣны, которыя происходятъ вдругъ, а Мелиссъ не могъ объяснить, какъ можетъ имѣть начало измѣненіе вещей. Къ тому же, если онъ допускалъ, что есть послѣдовательность въ происхожденіи явленій, то явленія перестаютъ быть чисто кажущимися [2]). Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ ученіе

[1]) Physique 1. 3.
[2]) Protagoras IV.

Парменида развивается его учениками, оно видоизмѣняется; трудности, присущія его основному началу, выступаютъ ярче, понятія, положенныя въ его основу, раскрываются.

Таковъ характеръ дѣятельности софистовъ вообще; онъ особенно замѣтенъ у Мелисса. Оставаясь вполнѣ послѣдовательнымъ, вѣрнымъ самому себѣ даже въ своихъ уклоненіяхъ отъ доктрины своего учителя, онъ пришелъ къ совершенному ея опроверженію. Парменидъ признавалъ только одно дѣйствительное бытіе, а для объясненія явленій допускалъ два начала: огонь и теплоту—съ одной стороны, холодъ и землю—съ другой, и называлъ ихъ небытіемъ. Мелиссъ отождествилъ небытіе съ пустотой, съ чистымъ пространствомъ, а потому не могъ уже разсматривать землю или матерію, какъ выраженіе небытія, она осталась у него принципомъ положительнымъ, причиной, обусловливающей начало и послѣдовательность измѣненія вещей и явленій движенія. Такой взглядъ Мелисса на матерію представляется намъ совершенно непонятнымъ. Какимъ образомъ, допуская полное и неизмѣнное бытіе, кажущееся намъ безусловно матеріальнымъ, Мелиссъ отдѣляетъ землю, матерію, какъ особое начало? Но мы забываемъ, что для Парменида, Зенона и Мелисса, равно какъ для Платона и даже Аристотеля, полное и субстанціальное бытіе абсолютно отлично отъ всѣхъ явленій; это отвлеченное понятіе субстанціи, представляемое объективно и пластически, какъ дѣйствительная сущность, истинное бытіе вещей, между тѣмъ какъ матерія является у Мелисса, а позже у Аристотеля, началомъ, причиною, обусловливающею всѣ перемѣны, происходящія въ отдѣльныхъ вещахъ: «Цѣльный такой видъ (εἶδος), скажетъ Аристотель, осуществляется въ человѣческихъ костяхъ и плоти, Сократъ и Калліасъ; по матеріи это разнится (ибо и матерія разная), но по виду одно, потому что видъ недѣлимъ» [1]).

Чтобы понять въ этомъ отношеніи мышленіе грековъ, необходимо, повторяемъ, имѣть въ виду, что они не знали никакихъ точныхъ законовъ физики, химіи или астрономіи,

[1]) Metaphysique. VII. 8.

и при своихъ попыткахъ объяснить безконечное разнообразіе вещей и постоянныя перемѣны въ нихъ, не находили иного руководителя, кромѣ отвлеченныхъ и общихъ понятій, которымъ придавали вполнѣ конкретное значеніе. Платонъ, слѣдуя ученію Сократа, пришелъ къ мысли, что всѣ общія понятія имѣютъ свойства неизмѣннаго, всегда себѣ равнаго, бытія Парменида [1]). Аристотель считалъ родовыя понятія недѣлимыми, истинными сущностями вещей [2]). Но именно у софистовъ разработывались, одно за другимъ, основныя начала ученій этихъ философовъ. Діалектика Зенона произведетъ діалектику Сократа и Платона; а матерія Мелисса сдѣлается у Аристотеля причиной всего случайнаго въ вещахъ.

Мелиссъ поднялъ вопросы, которые нашли свое рѣшеніе лишь спустя вѣка послѣ него. Онъ опередилъ многими пунктами своего ученія современную ему мысль; другіе пункты его ученія могутъ служить комментаріемъ къ философіи великаго Стагирита; онъ переступилъ границы небеснаго свода до изобрѣтенія микроскопа, подобно тому какъ Зенонъ предвидѣлъ безконечно малыя количества интегральнаго исчисленія. Онъ имѣлъ умъ далеко не вульгарный, хотя и встрѣчаются шероховатости въ нѣкоторыхъ его аргументахъ; онъ, какъ и Зенонъ, представляется намъ философомъ, заслуживающимъ, если не удивленія, то по крайней мѣрѣ полнаго уваженія. Портретъ его, оставленный намъ Діогеномъ Лаэрціемъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ вѣренъ. Съ одинаковымъ блескомъ онъ умѣлъ управлять своими согражданами и командовать самосскимъ флотомъ, какъ и развить ученіе своего учителя. Тѣмъ не менѣе, онъ софистъ въ точномъ смыслѣ слова. Его ученіе не имѣетъ прочныхъ основъ, хотя и представляетъ нѣчто цѣлое; его доказательства основываются на смѣшеніи понятій; и ему недостаетъ—что̀ свойственно всѣмъ софистамъ—точнаго методическаго принципа. Ниже мы увидимъ, какія вредныя послѣдствія проистекли отсюда для образованія, дававшагося софистами; какъ на

[1]) Cp. Platon. le Sophiste et le Parménide.
[2]) Metaphysique VIII. 4.

первое изъ сихъ послѣдствій, укажемъ пока на то, что Мелиссъ, какъ разсказываетъ намъ Діогенъ Лаэрцій, не желалъ опредѣлить природу божества, подъ предлогомъ недоступности ея нашему пониманію» [1]). Послѣ того какъ дано было мѣсто вышеизложеннымъ мнѣніямъ о безконечномъ, вѣчномъ, неизмѣнномъ бытіи, боги народной религіи должны были казаться Мелиссу весьма жалкими и несовершенными; но съ другой стороны, смѣшавъ безконечное бытіе съ конкретнымъ существованіемъ вещей, онъ не могъ возвыситься до идеи бытія абсолютнаго; его понятія о бытіи были крайне неопредѣленны и смутны. Подобныя же явленія представляетъ намъ въ исторіи новѣйшей софистики такъ называемая позитивная философія.

---

[1]) См. р. 17.

IV.

Протагоръ.

Протагоръ первый изъ софистовъ требовалъ платы за свои уроки. Онъ не славился ни богатствомъ, ни знатностью, подобно Зенону и Мелиссу, а былъ простымъ носильщикомъ; Демокритъ пригласилъ его въ число своихъ учениковъ, увидѣвши, съ какою ловкостію связываетъ онъ дрова [1]). Протагоръ требовалъ платы за свои уроки, какъ требовалъ ее за свой трудъ,—для того, чтобы жить. «Кто у меня учится, говоритъ онъ у Платона, тотъ, если хочетъ, платитъ сумму, какую я назначу; въ противномъ случаѣ, отправляется въ храмъ и, призвавъ бога во свидѣтели, платитъ потомъ за мои наставленія столько, сколько цѣнитъ ихъ» [2]). Какъ умный человѣкъ, ораторъ и учитель, Протагоръ имѣлъ огромный успѣхъ. «Молодежь стекалась издалека послушать его,... иностранцы слѣдовали за нимъ изъ города въ городъ, окружая старца почетомъ» [3]). Онъ былъ мудръ, какъ Гераклитъ и Эмпедоклъ,—былъ представителемъ мнѣній Гомера и подобно многимъ славнымъ мужамъ прежняго времени утверждалъ, что все есть движеніе [4]). Всѣ эти подробности о Протагорѣ сообщаетъ намъ Платонъ, насмѣшливый и преисполненный презрѣнія мечтатель, по Гроту.

Истиннымъ основателемъ ученія, что все находится въ движеніи, былъ Гераклитъ [5]). Отсутствіе достовѣрныхъ зна-

---

[1]) Diogene de Laerte IX. 1.

[2]) Le Protagoras 199. Аристотель передаетъ намъ тоже самое. «Когда Протагоръ научалъ чему нибудь, онъ предлагалъ самому ученику назначить цѣну за то, что онъ узналъ» (Morale IX. 1. 6).

[3]) Platon. Le Protagoras, 310.

[4]) Platon. Le Théétete. 152. 180.

[5]) Гераклитъ училъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего постояннаго, устойчиваго, неизмѣннаго. Все течетъ, говорилъ онъ, все уходитъ и ничто не остается. Примѣч. переводч.

ній, постоянная смѣна явленій міра, теогоніи и космогоніи прежней эпохи, привели его къ убѣжденію, что движеніе служитъ дѣйствительнымъ началомъ вещей; точно такъ же, какъ онѣ привели Парменида, современника его, къ признанію идеи бытія основой всякой достовѣрности. «Ничто непостоянно въ дѣйствительности, ничто не остается равнымъ себѣ, говорилъ Гераклитъ; одно становится всегда другимъ, день ночью, ночь днемъ; сонъ бодрствованіемъ, бодрствованіе сномъ. Болѣзнь и здоровье, голодъ и насыщеніе, усталость и покой, смертное и безсмертное, все одинаково находится въ постоянномъ смѣшеніи. Всякая вещь есть и не есть въ одно и тоже время; невозможно сказать о чемъ либо, что оно принадлежитъ какому либо предмету такъ, чтобы невозможно было съ одинаковымъ правомъ приписать предмету и противоположное» [1]).

Протагоръ развилъ ученіе Гераклита до крайнихъ выводовъ съ такой же строгой логикой, какъ Зенонъ сдѣлалъ это съ ученіемъ Парменида. «Протагоръ утверждаетъ, по словамъ Платона, что все есть движеніе [2]), и послѣднее имѣетъ два вида, оба безконечные по числу; но одно изъ нихъ активно, а другое пассивно. Изъ встрѣчи и соприкосновенія ихъ образуются безчисленныя произведенія, раздѣляющіяся на два класса: чувственный предметъ и ощущеніе, всегда совпадающее съ чувственнымъ предметомъ и возникающее вмѣстѣ съ нимъ... Какъ глазъ нашъ не можетъ видѣть, если никакой цвѣтъ не отражается въ немъ, такъ, наоборотъ, и предметъ остается безцвѣтнымъ, если ничей глазъ не смотритъ на него... Тоже необходимо имѣть въ виду и относительно всѣхъ другихъ качествъ, каковы: твердость, теплота и т. п.... Невозможно представить себѣ опредѣленно никакое бытіе безъ качествъ дѣйствующаго или

---

[1]) Dictionnaire des sciences philosophiques. Ср. Diogene de Laerte IX. 1. Sextus Empiricus, Hypotyposes pyrrhoniennes 1. 24. Zeller. Philosoph. der Griech. 1 th. 449.

[2]) По справедливому замѣчанію Целлера, Протагоръ имѣлъ въ виду не движеніе само по себѣ, не «чистое движеніе», но движеніе, состоящее въ непрерывномъ измѣненіи вещей. Zeller. Die Philosophie de Griechen. th. 1. p. 978.

страдающаго, потому что ничто не бываетъ дѣйствующимъ прежде своего соединенія съ страдающимъ,—ни страдающимъ прежде своего соединенія съ дѣйствующимъ; дѣйствующее при встрѣчѣ съ однимъ предметомъ становится страдающимъ при встрѣчѣ къ другимъ, такъ что изъ всего этого слѣдуетъ, что ничто не существуетъ безотносительно, что всякая вещь есть не болѣе, какъ отношеніе, безпрестанно измѣняющееся, а потому надобно совсѣмъ изъять изъ употребленія слово бытіе» [1]).

Гераклитъ признавалъ огонь принципомъ движенія: «все—огонь, все происходитъ изъ огня и все превращается въ него; существованіе вещей есть слѣдствіе постояннаго прилива и отлива, подобнаго приливамъ и отливамъ воды въ рѣкѣ. Огонь сгущенный производитъ влагу; влага сгущается и становится водой, вода становится землей... День и ночь, мѣсяцы и времена года, дожди, вѣтры и всѣ подобныя явленія имѣютъ своей причиной различные пары» [2]). У Протагора принципъ движенія принимаетъ характеръ болѣе отвлеченный и безусловный, идея движенія раскрывается яснѣе, систематизируется: все только бываетъ, (devient), каждая вещь становится такою, какъ она является, только при мимолетномъ соединеніи дѣйствующаго и страдающаго, внѣшнихъ чувствъ и предмета подлежащаго ихъ наблюденію. Заключеніемъ отсюда было знаменитое изреченіе Протагора: «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей и бытія, насколько оно есть, и небытія, насколько оно не есть» [3]).

Изъ изреченія Протагора сдѣлали софизмъ. Но это такой же софизмъ, какъ извѣстное положеніе Декарта: «я мыслю, слѣдовательно существую». Между тѣмъ какъ положеніе

---

[1]) Le Théétete 156.

[2]) Diogene de Laerte IX. I.

Легко видѣть, сравнивая это мнѣніе Гераклита съ мнѣніемъ Протагора, который, по свидѣт. Аристотеля, полагалъ, что бытіе есть теплота, огонь,—насколько оба ученія имѣли въ дѣйствительности одни и тѣже основанія и насколько дѣленіе греческихъ философовъ на идеалистовъ и сенсуалистовъ, устанавливаемое нашими новѣйшими софистами, нераціонально.

[3]) Platon. le Théétete 157. Aristote. Metaphysique IX. 3. X. 1.—Sextus Empiricus 1.219.

Декарта вытекало изъ его метода изслѣдованія простыхъ идей и было свѣтлою мыслью генія, открывшаго новыя горизонты для человѣческой мысли, положеніе Протагора было только логическимъ выводомъ изъ принципа Гераклита, принятаго Протагоромъ на вѣру и непмѣвшаго для себя никакого научнаго или методическаго основанія. Отсюда произошло то, что нѣкоторые историки, недовольствуясь признаніемъ вышеуказаннаго изреченія софизмомъ, съ непостижимымъ легкомысліемъ называютъ Протагора отцемъ скептицизма! Между тѣмъ, Секстъ Эмпирикъ, лично его знавшій, говоритъ намъ очень опредѣленно: «Протагоръ утверждаетъ, что человѣкъ мѣра всѣхъ вещей. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что человѣкъ есть критерій истины или ложности всѣхъ вещей существующихъ, что онѣ существуютъ сами по себѣ, и несуществующихъ, что онѣ не существуютъ сами по себѣ. Отсюда видно, что, по мнѣнію Протагора, человѣкъ есть мѣра истины всѣхъ вещей существующихъ. Слѣдовательно онъ догматически рѣшилъ, что матерія текуча и въ ней дѣйствительно заключается причина всѣхъ видимыхъ явленій; но это вещи неизвѣстныя намъ, о которыхъ, полагаемъ, должно отложить наше сужденіе» [1]). Протагоръ не только не былъ скептикомъ, но, по свидѣтельству Секста Эмпирика, даже отбросилъ систематически развитый принципъ Гераклита, огонь, и въ замѣнъ его, признавалъ, подобно Мелиссу, матерію вообще источникомъ движенія и измѣненія, что придаетъ ученію Протагора возвышенный характеръ и ставитъ его вмѣстѣ съ Мелиссомъ въ рядъ предшественниковъ Платона и Аристотеля. Встрѣчавшіяся трудности понять ученіе этихъ двухъ величайшихъ геніевъ Греціи, имѣли своимъ главнымъ источникомъ то предубѣжденіе, съ какимъ приступали къ истолкованію ученія софистовъ [2]).

Нужно совсѣмъ не знать произведеній Платона и Аристотеля, чтобы представлять софистовъ такими, какъ, обыкновенно, намъ изображаютъ ихъ. Слѣдующее, напримѣръ, мѣсто изъ Аристотеля и два другія въ томъ же родѣ

---

[1]) Hypotyposes pyrrhonieunes 1. 27. tr Haurt.
[2]) См. Горгіасъ. V.

подали поводъ къ обвиненію Протагора въ томъ, будто онъ превратилъ въ ремесло умѣнье доказывать *за* и *противъ*. «Протагоръ утверждалъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, чѣмъ онъ хочетъ сказать просто, что всякая вещь въ дѣйствительности такова, какою она кажется каждому. Но если это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что одна и таже вещь есть или не есть, въ одно и тоже время, и хороша, и дурна, и что всякія противоположныя утвержденія одинаково истинны, потому что часто одна и таже вещь кажется хорошею однимъ, дурною—другимъ, а то, что кажется каждому, есть мѣра вещей» [1]). Замѣчаніе Аристотеля совершенно справедливо; но между Протагоромъ, утверждающимъ, что вещь, кажущаяся хорошею одному и дурною—другому, хороша для перваго и дурна для послѣдняго,—и Протагоромъ доказывающимъ, что одна и таже вещь въ одно и тоже время, хороша и дурна для каждаго изъ нихъ,—цѣлая бездна; смѣшивать эти два сужденія значитъ дѣлать дѣло софиста.

Что касается Платона, то онъ, нимало не обвиняя Протагора въ пристрастіи къ эристическимъ пріемамъ доказательства, представляетъ его упрекающимъ Сократа за хитрые вопросы «потому что, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Протагоръ Сократу, если слѣдуя этому методу, ты сперва спросилъ бы меня: крѣпкіе по внѣшнему виду сильны ли? Я отвѣчалъ бы: да. Потомъ—умѣющіе сражаться сильнѣе ли тѣхъ, которые не умѣютъ, и послѣ того, какъ они научились, сильнѣе ли они, чѣмъ были прежде. Я согласился бы и съ этимъ. Но коль скоро эти положенія были бы приняты, ты, основавшись на нихъ, могъ бы заключить, что крѣпость есть мудрость [2]). Въ теченіе всего діалога скорѣе Сократъ, чѣмъ Протагоръ, является софистомъ, старающимся запутать своего противника тонкими вопросами. Не нужно обманываться нѣсколько ироническимъ простодушіемъ Сократа; онъ имѣлъ право съ высоты своего генія третировать софистовъ, своихъ товарищей [3]); но что хорошаго онъ могъ бы сказать о со-

---

[1]) Metaphysique XI. 6. le Téethete 166.
[2]) Le Protagoras 335.
[3]) Socrate X.

временныхъ софистахъ, у которыхъ напрасно ищешь достоинствъ, мудрости и краснорѣчія Протагора?

Самъ Платонъ, впрочемъ, показываетъ намъ дѣйствительнаго Протагора, когда заставляетъ его разсказать съ удивительнымъ искусствомъ и величіемъ прелестную басню объ Эпиметеѣ: «По велѣнію боговъ, Эпиметей долженъ былъ украсить всѣ живыя существа; но онъ расточилъ всѣ дары природы на животныхъ и забылъ людей. Тогда Прометей похитилъ у Меркурія искусства и огонь съ цѣлію научить людей охотиться, одѣваться и защищаться; но они продолжали жить разрозненно, пока, наконецъ, Зевсъ, сжалившись надъ ними, даровалъ имъ чрезъ Меркурія стыдъ и правду, безъ которыхъ не можетъ быть ни единенія между людьми, ни порядка въ государствахъ. Поэтому всѣмъ людямъ, каковы бы они ни были, свойственны эти добродѣтели, и если извиняютъ человѣка, который признается въ своемъ неумѣньи играть на флейтѣ и въ незнаніи никакого другаго искусства, то извиняютъ потому, что это дары Прометея; но не прощаютъ того, кто признается, что не знаетъ справедливости, ибо она даръ Божій [1])». Вся рѣчь, влагаемая Платономъ въ уста Протагора, исполнена возвышенныхъ воззрѣній на свойства и благодѣянія воспитанія и общежитія. Сократъ, передавая объ этомъ, признается, «что онъ долго находился въ состояніи нѣкотораго очарованія; не переставалъ смотрѣть на Протагора, какъ будто онъ продолжалъ свою рѣчь и страстно желалъ еще послушать его [2])». Шлейермахеръ утверждаетъ, что все это мѣсто не принадлежитъ Платону, усматривая признаки неподлинности въ формѣ и языкѣ. «Протагоръ умѣлъ, продолжаетъ Платонъ, не только вести длинныя и прекрасныя бесѣды, но и отвѣчать кратко на вопросы и, спрашивая другихъ, умѣлъ ждать и выслушивать ихъ отвѣты, если его прерывали,—талантъ, какимъ владѣютъ немногіе».

Тѣмъ не менѣе, Протагоръ былъ софистъ. Минуя всѣ его вопросы, Сократъ требуетъ отъ него только маленькаго

---

[1]) Le Protagoras. 320. 328.
[2]) Idem (le Protagoras) 328.

объясненія: добродѣтели различаются ли одна отъ другой, какъ части лица, напримѣръ, или какъ части золота [1])? Протагоръ смущается, колеблется беретъ слова назадъ, уклоняется отъ предмета, не можетъ отвѣчать, и чтобы объяснить, какъ можно научить людей добродѣтели, вынужденъ прибѣгнуть къ миѳу [2]). Не потому онъ софистъ, что сказалъ: человѣкъ — мѣра всѣхъ вещей, а потому что, высказавъ это положеніе, не установилъ опредѣленнаго правила, которое могло бы служить ему и ученикамъ его средствомъ для примѣненія этой мѣры къ существующему и несуществующему въ вещахъ. Въ его идеѣ абсолютнаго движенія смѣшивается значеніе отвлеченнаго понятія о движеніи съ движеніемъ въ дѣйствительности наблюдаемымъ; подобно Гераклиту онъ могъ опредѣлить ее только образно; его текучая матерія, причина всего кажущагося, остается произвольной гипотезой, и когда Сократъ проситъ его опредѣлить отношеніе существующее между добродѣтелями, онъ не знаетъ, что отвѣчать. «Онъ заявляетъ притязаніе преподавать молодымъ людямъ науку благоразумія въ домашнихъ дѣлахъ, чтобы они были въ состояніи возможно лучше управлять своимъ домомъ, и въ дѣлахъ общественныхъ, чтобы сдѣлались способными говорить и дѣйствовать для блага государства [3])», но при этомъ, не смотря на свой талантъ и краснорѣчіе, онъ не можетъ опредѣлить науку, которую беретъ преподавать, и становится въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ, безвреднымъ впрочемъ, принципомъ — человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей.

Хотя Протагоръ не открылъ методическаго правила (мы увидимъ, при какихъ условіяхъ оно будетъ открыто), тѣмъ не менѣе онъ отличался возвышеннымъ умомъ и всюду, гдѣ находилъ возможнымъ, способствовалъ успѣхамъ въ наукѣ. Онъ первый различилъ грамматическіе роды именъ [4]),—первый установилъ правильную аргумен-

---

[1]) Le Protagoras, 329.
[2]) Idem (le Protagoras) 320.
[3]) Le Protagoras, 318.
[4]) Aristote. Rhétorique III. V. 6.

тацію данной мысли, опредѣлилъ части времени, изобрѣлъ тропы [1]).

Аристотель упрекаетъ Протагора въ хвастовствѣ своимъ умѣньемъ дѣлать виновныхъ правыми [2]). Этимъ мѣстомъ пользуются также для обвиненія Протагора въ томъ, что онъ училъ эристикѣ. При этомъ опускаютъ изъ виду, что Аристотель дѣлалъ различіе между сущностью права и внѣшними, случайными явленіями въ немъ. Стагирскій мудрецъ могъ дѣлать такое разграниченіе, послѣ того какъ Сократъ и Платонъ проложили ему путь, но для Протагора это было невозможно. Гротъ справедливо замѣчаетъ, что нѣтъ такого славнаго адвоката, котораго не восхваляли бы за ту же самую ловкость.

Протагоръ былъ другомъ Перикла. «Когда случилось, разсказываетъ Плутархъ, что въ день раздачи наградъ одинъ изъ бойцевъ, состязавшихся въ метательномъ искусствѣ, попалъ по несчастію въ Эпитемія, ѳессалійца, и убилъ его, Ксантиппъ ходилъ всюду, разсказывая, что Периклъ цѣлый день въ бесѣдѣ съ Протагоромъ, риторомъ, обсуждалъ вопросъ, кто долженъ быть, сообразно съ требованіями разума и справедливости, признанъ виновнымъ въ убійствѣ— стрѣла ли, бросившій ли стрѣлу, или же, наконецъ, люди, устроившіе состязаніе [3]). Подобныя тонкости со стороны Перикла, какъ и со стороны Протагора, покажутся намъ странными. Плутархъ считаетъ ихъ измышленіемъ злорѣчиваго Ксантиппа. Но фактъ могъ быть въ дѣйствительности; бесѣды такого рода сдѣлались модными у грековъ съ утонченнымъ образованіемъ, говоритъ Тидеманнъ [4]), самъ Платонъ свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ, влагаемыхъ имъ въ уста Протагору: «несправедливо поступаютъ тѣ, которые не дѣлаютъ никакого различія между простымъ споромъ и преніями, имѣющими цѣлью

---

[1]) Ciceron. Protagoras rerum illustrium disputator, qui deinde communes loci apellati sunt. Quintilien, institution oratoire III. Diogéne de Laerte, IX. I.

[2]) Rhétorique II, 24.

[3]) Plutarque, Vie de Pericle, tr. Amyot, vol. II. CLXX.

[4]) См. p. 27.

обстоятельное изслѣдованіе предмета, не приберегаютъ шутокъ и хитростей для спора, а при преніяхъ не разсуждаютъ о предметѣ серьезно, сбивая съ толку того, съ кѣмъ спорятъ, и указывая единственно на ошибки, которыя онъ и самъ замѣтилъ бы, если бы слѣдилъ за ходомъ бесѣды [1])». Знаменитый отвѣтъ Протагора Эвальту, отказывавшемуся заплатить ему за уроки, потому что онъ не выигралъ еще процесса, представляетъ собою образчикъ такого остроумія: если я выиграю процессъ, отвѣчалъ ему Протагоръ, я получу плату, а если ты выиграешь, то я самъ заплачу тебѣ.

Протагоръ написалъ множество сочиненій: «О природѣ или о существующемъ, объ искусствѣ вести пренія, о человѣческихъ порокахъ, о гимнастикѣ [2])». Одно изъ его сочиненій начинается словами: что касается боговъ, то не могу сказать, существуютъ они или нѣтъ, много причинъ препятствуютъ мнѣ сдѣлать это и, между прочимъ, темнота вопроса и краткость жизни [3]). Дѣйствительныя причины этого были у Протагора тѣже, что и у Мелисса: отсутствіе методическаго принципа, который позволилъ бы ему приступить къ рѣшенію вопроса, и невозможность установить отношеніе между усвоеннымъ имъ понятіемъ о движеніи и религіозными вѣрованіями. «Отданъ былъ чрезъ герольда приказъ, прибавляетъ Діогенъ Лаэрцій, чтобы всякій, у кого имѣлись сочиненія Протагора, выдалъ ихъ, и затѣмъ они были сожжены на площади. Протагоръ былъ изгнанъ и умеръ на пути въ Абдеру, свое отечество, по свидѣтельству однихъ историковъ въ 80-лѣтнемъ возрастѣ, а по свидѣтельству Аполлодора, въ 60-лѣтнемъ; 40 лѣтъ своей жизни Протагоръ посвятилъ философіи.

Протагоръ принадлежитъ къ числу софистовъ, наиболѣе оклеветанныхъ его новѣйшими соперниками. Будучи простымъ носильщикомъ, онъ достигъ высшей степени, до какой только могла возвыситься мысль въ его время. Онъ былъ старше Сократа; но если бы онъ былъ его ученикомъ,

---

[1]) Le Théétete 167.
[2]) Platon, le Sophiste.
[3]) Diogéne de Laerte IX. 8. — Ciceron, De natura deorum I, 23.

то сдѣлался бы соперникомъ Платона. Онъ способствовалъ успѣхамъ философіи своею неутомимою ревностью въ дѣлѣ развитія ученія Гераклита; онъ первый поднялъ грамматику и риторику на высоту науки; но въ ученіи о нравственности остался темнымъ и неустойчивымъ.

Пока софисты находили въ своемъ собственномъ воспитаніи и въ народныхъ преданіяхъ запасъ безспорныхъ и какъ бы инстинктивныхъ нравственныхъ понятій и политическихъ правилъ и довольствовались по отношенію къ нимъ ролью краснорѣчивыхъ истолкователей, до тѣхъ поръ ихъ ученіе заслуженно пользовалось успѣхомъ; но когда нравственныя преданія начали портиться, красивыя рѣчи софистовъ, безъ основъ и метода, превратились въ пустыя декламаціи, лишь ускорявшія общее разстройство. Твердость ученій у передовыхъ великихъ людей такъ же необходима для прогресса, какъ и твердость преданій въ народѣ.

V.

Горгіасъ.

Самымъ блестящимъ и знаменитѣйшимъ греческимъ софистомъ былъ Горгіасъ. Онъ убѣдилъ ѳессалійцевъ оставить удовольствія охоты и верховой ѣзды изъ любви къ образованію и наукамъ [1]). Онъ прибылъ въ Аѳины въ качествѣ посла съ порученіемъ просить помощи для Леонтины, своего отечественнаго города, и успѣлъ достигнуть этой цѣли, благодаря своему увлекательному краснорѣчію. Долгое время былъ онъ образцемъ для ораторовъ и поэтовъ. Исократъ, Антиѳонъ, Ѳукидидъ и Критіасъ получили образованіе въ его школѣ [2]). Аѳиняне считали праздничными тѣ дни, когда онъ говорилъ, и сравнивали его рѣчи съ ярко пылающими свѣтильниками. На олимпійскихъ и дельфійскихъ играхъ онъ призывалъ грековъ къ единенію и согласію и произнесъ двѣ изъ наиболѣе блестящихъ своихъ рѣчей [3]). Цицеронъ и Квинтиліанъ указываютъ на него, какъ на замѣчательнаго импровизатора [4]). Онъ первый началъ пользоваться антитезами (противоположеніями) для того, чтобы придать блескъ своей мысли, и славился столько же своими краткими и сжатыми отвѣтами, какъ и своими прекрасными рѣчами [5]). Аристотель свидѣтельствуетъ, что Горгіасъ побѣждалъ серьезные доводы своихъ противниковъ насмѣшкой, а насмѣшку ихъ серьезными доводами [6]). Платонъ сравниваетъ его съ Несторомъ, а Греція воздвигла ему статую въ Дельфахъ, не позолоченную, а изъ массивнаго золота, по Цицерону [7]).

---

[1]) Platon, le Menon, 70.
[2]) Dionis, ep. 11, 2. Philostrate, Vie des Sophistes, f. 492.
[3]) Philostrate Vie des soph. f. 493.
[4]) Cicero, de Oratore 111, 11.
[5]) Platon, le Gorgias, 40.
[6]) Rhétorique 111. 18.
[7]) De Oratore 111. 22.

Онъ умеръ 108-мп лѣтъ отъ роду, въ 99-ой олимпіадѣ, по Фоссу; двѣ посредственныя рѣчи, приписываемыя ему—Защита Паламеда и Похвала Еленѣ,—не принадлежатъ ему [1]). Наконецъ, нѣкотораго рода очарованіе, какое Горгіасъ производилъ на своихъ современниковъ, продолжается и до нашихъ дней; онъ до того ослѣпилъ тѣхъ, кто видитъ въ софистахъ только людей недобросовѣстныхъ, что и самого Платона считаютъ они софистомъ.

«Софисты, говоритъ Гратри, суть тѣ, которые не допускаютъ, ни въ умозрѣніи, ни въ практикѣ, той основной необходимой аксіомы разума, что невозможно и утверждать и отрицать одно и тоже, въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же смыслѣ и въ одномъ и томъ же отношеніи» [2]). Въ доказательство правильности своего опредѣленія, онъ ссылается на Платона, который называетъ софистомъ того, кто полагаетъ противорѣчіе въ основу системы, кто утверждаетъ безусловно, что въ одно и тоже время и въ одномъ и томъ же отношеніи, иное есть тоже, и тоже—иное [3]).

Несомнѣнно, Гратри былъ вполнѣ искрененъ, давая такое опредѣленіе; онъ полагалъ, что нельзя сдѣлать ничего лучшаго, какъ подкрѣпить это опредѣленіе авторитетомъ безсмертнаго противника греческихъ софистовъ. Поразительный примѣръ могущества софизма! Онъ ослѣпляетъ самые свѣтлые умы и самыхъ искреннихъ людей. Какъ могъ бы Платонъ написать свои чудные діалоги, въ которыхъ, ежеминутно, его ясная логика превращаетъ самые незначительные вопросы въ истинныя драмы и заставляетъ насъ раздѣлять смущеніе противниковъ Сократа, въ виду невозможности утверждать и отрицать что либо въ одномъ и томъ же смыслѣ и въ одномъ и томъ же отношеніи? Если бы оба опредѣленія, приведенныя выше, были тожественны, какъ могъ бы онъ написать слѣдующія замѣчательныя строки: «справедливость требуетъ спрашивать человѣка, о чемъ онъ намѣренъ разсуждать, сопоставляя его сужденія

---

[1]) Foss, De Georgia Leontina commentat. Hal. 1828.
[2]) Les sophistes et la critique, 111. 42.
[3]) Id. 14.

сравнивать ихъ, и сравнивая, показывать, что они стоятъ во взаимномъ противорѣчіи и не могутъ быть мыслимы въ одно и тоже время, объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ, разсматриваемыхъ въ одномъ и томъ же отношеніи и съ одной и той же точки зрѣнія. Послѣ такого испытанія, онъ сдѣлается недовольнымъ самимъ собою, снисходительнымъ къ другому, и, благодаря этому методу, освободится отъ высокаго и гордаго мнѣнія, какое имѣлъ о себѣ... очиститъ свою душу и станетъ думать, что онъ знаетъ только то, что̀ знаетъ, но не болѣе» [1]). Опредѣленіе Гратри—софизмъ въ самомъ точномъ значеніи этого слова. Онъ утверждаетъ въ одной и той же фразѣ, съ одной стороны—что аксіома: невозможно утверждать и отрицать одновременно то или другое—есть основная и необходимая аксіома мышленія, а съ другой—что эта аксіома, не есть ни основная, ни необходимая, поелику софисты не подчиняются ей. Что касается платоновскаго опредѣленія, то оно—буквальная выписка изъ ученія самого Горгіаса.

Старый учитель принадлежалъ, вмѣстѣ съ Зенономъ и Мелиссомъ, къ элейской школѣ. Онъ защищалъ полное, непзмѣнное, всегда себѣ равное бытіе Парменида и продолжалъ развитіе этого ученія до крайнихъ выводовъ съ неизмѣримо большею строгостью, чѣмъ оба другіе ученика Парменида. Онъ смѣло сдѣлалъ выводъ, что существуетъ только одно бытіе; все же остальное, вся природа съ ея перемѣнами и заявленіями, даже самая мысль человѣческая—составляетъ область небытія; онъ писалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: О природѣ или небытіи [2]). Объясненія міра явленій, сдѣланныя Парменидомъ и Зенономъ, пзчезаютъ, самая матерія, начало всякаго измѣненія по ученію Мелисса, устраняется; вся природа становится просто небытіемъ, о которомъ невозможно ни утверждать, ни даже говорить что бы то ни было опредѣленно. Горгіасъ не отрицаетъ ни существованія природы, ни существованія своего мышленія: небытіемъ онъ считаетъ, подобно Парменпду, все то, что не

---

[1]) Le sophiste, 230.
[2]) Aristote, De Zenon, Xenophone et Gorgias V.

есть бытіе неизмѣнное, никогда неуловимое и непостижимое, отличное отъ чувственнаго міра, и утверждаетъ, что о немъ невозможно ничего знать. Онъ идетъ далѣе другихъ учениковъ Парменида и болѣе послѣдователенъ, чѣмъ они; онъ замѣчаетъ, что самая мысль его принадлежитъ къ этому измѣнчивому міру и, поэтому, не можетъ ничего знать о неизмѣнномъ бытіи. «Если бытіе и существуетъ, говорилъ онъ, мы не можемъ познать его, потому что мышленіе не есть бытіе: въ противномъ случаѣ слѣдовало бы допустить, что и всякая мыслимая вещь есть бытіе; но такъ какъ этого допустить нельзя, то, очевидно, мы не можемъ познать бытіе. Если бы даже мы и познали бытіе какой либо вещи, мы не могли бы дать себѣ отчета въ этомъ, потому что одна и таже вещь не мыслилась бы тожественно и одинаково всѣми людьми [1]). Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы опровергать начало тожества—что ничто не можетъ быть и не быть въ одно и тоже время, знаменитый софистъ основываетъ на этомъ именно началѣ свое ученіе и утверждаетъ, что мы не можемъ ничего знать о бытіи всегда себѣ равномъ, потому что мышленіе наше отлично отъ бытія. Платонъ говоритъ тоже самое. Но тогда какъ софистъ, вѣруя въ справедливость начала Парменида, развиваетъ его до крайнихъ выводовъ и на томъ останавливается, Платонъ идетъ далѣе и открываетъ причину ошибки. Онъ замѣчаетъ, что софистъ упускаетъ изъ виду неодинаковое значеніе понятій и употребляетъ слово бытіе въ совершенно различныхъ смыслахъ.

Мы не можемъ воздержаться, чтобы не привести здѣсь въ краткомъ извлеченіи нѣсколько страницъ изъ прекраснаго діалога «Софистъ». Неудобопонятный съ перваго взгляда, этотъ діалогъ явится предъ нами однимъ изъ лучшихъ произведеній Платона, коль скоро мы возьмемъ на себя трудъ истолковать его, имѣя въ виду не наши мелкія абстракціи, а великую мысль Греціи, получившую начало въ ученіи Парменида и Гераклита и достигшую полнаго развитія у Аристотеля. У насъ двѣ школы, говоритъ Платонъ, изъ коихъ одна утверждаетъ, что существуетъ одно неизмѣнное,

---

[1]) Aristote, De Zenon, Xenophone et Gorgias. V.

всегда себѣ равное, бытіе, а движеніе не существуетъ; другая, напротивъ, утверждаетъ, что имѣетъ бытіе только движеніе, всегда мѣняющееся и безконечно разнообразное, бытіе же неизмѣнное, всегда себѣ равное, не существуетъ. Обѣ одинаково ошибаются; первая признаетъ даже въ своемъ языкѣ, равно и въ разнообразіи предметовъ, что движеніе, всегда измѣняющееся, существуетъ; а вторая допускаетъ, что не смотря на движеніе, никогда не бывающее однимъ и тѣмъ же, она имѣетъ знаніе объ этомъ движеніи всегда тожественное. Если хотимъ говорить сообразно съ значеніемъ словъ и требованіемъ разума, то должны сказать, что неизмѣнное, всегда тожественное, бытіе существуетъ, но оно отлично отъ движенія; о движеніи мы скажемъ, что оно, видоизмѣняя вещи, дѣлаетъ ихъ небытіемъ; но въ иномъ смыслѣ мы должны допустить, что бытіе принадлежитъ всѣмъ существующимъ вещамъ. Итакъ, и бытіе множественно и небытіе принадлежитъ безчисленнымъ предметамъ; но когда говоримъ о небытіи, мы разумѣемъ подъ нимъ нѣчто отличное отъ бытія, но не противоположное ему. Когда я говорю о Теэтетѣ, что онъ сидитъ, я говорю истину, но когда говорю, что онъ бѣжитъ, то говорю о томъ, что какъ бы не существуетъ. Вотъ ошибка, иллюзія, призракъ софиста. Не зная дѣйствительнаго значенія понятій бытіе и движеніе, онъ подражаетъ языку истиннаго философа, говоритъ о бытіи, всегда себѣ равномъ, какъ о постоянно измѣняющемся, о движеніи, а о томъ, что постоянно измѣняется, о движеніи, говоритъ какъ о бытіи неизмѣнномъ, всегда себѣ равномъ, систематически смѣшивая то и другое, бытіе и небытіе» [1]). Это опредѣленіе софиста въ такой степени точно, что даже въ настоящее время оно кажется настолько же вѣрнымъ, насколько было такимъ во времена Платона. Замѣните понятія «бытіе и всегда одно и то же» понятіями: «абстрактное и абсолютное»; а понятія: «движеніе и всегда измѣняющееся» понятіями: «относительное и конкретное» — и вы будете имѣть ключъ къ пониманію всѣхъ школъ новѣйшей софистики. Опредѣленіе Гратри представляетъ порази-

[1]) Le Sophiste, 246.

тельный тому примѣръ. Благодаря призраку, какъ выразился бы Платонъ, происходящему отъ двоякаго значенія словъ, онъ принимаетъ въ одной части своей фразы аксіому—ничто не можетъ быть и не быть въ одно и тоже время—въ смыслѣ безусловномъ, а въ другой—въ смыслѣ относительномъ, не подозрѣвая ошибки, которую дѣлаетъ;—не замѣчая того, что ссылаясь на авторитетъ Платона, онъ самъ поступаетъ въ смыслѣ платоновскаго опредѣленія софиста,—принимаетъ тоже за иное, утверждая, что основная и необходимая аксіома не есть ни основная, ни необходимая, такъ какъ софисты не подчиняются ей. Впрочемъ, ошибка Гратри извинительна; онъ желалъ опровергнуть Гегеля и его школу, и увлекся болѣе, чѣмъ Гегель.

Горгіасъ утверждалъ во имя принципа тожества, что невозможно ничего знать о бытіи, потому что мышленіе не есть бытіе и нисколько не выше природы, которая есть небытіе. Платонъ доказываетъ, что Горгіасъ употребляетъ выраженіе—бытіе въ двухъ различныхъ значеніяхъ, относя его то къ бытію непзмѣнному, то—къ природѣ, беззастѣнчиво смѣшиваетъ два значенія слова, и такимъ образомъ становится въ противорѣчіе даже съ принципомъ тожества, на который ссылается. Софистъ, съ наибольшею очевидностію открывающій намъ, до какого безотчетнаго блужданія можетъ дойти мышленіе подъ вліяніемъ этого рода ошибки,—есть конечно Гегель. Гегель заявляетъ въ своей исторіи философіи, что онъ принимаетъ въ своей логикѣ всѣ положенія греческаго софиста, не замѣчая, что ученіе Горгіаса не болѣе походитъ на его ученіе, чѣмъ пушечное ядро на мыльный пузырь. Бытіе представляется Горгіасомъ какъ нѣчто полное, субстанціальное, непзмѣнное, всюду равное себѣ; у Гегеля — это чисто отвлеченное понятіе, не имѣющее ни формы, ни какого либо качества; небытіемъ Горгіасъ называетъ всю природу, непостижимую въ ея явленіяхъ; у Гегеля небытіе есть отрицаніе природы, ничтожество; и между тѣмъ какъ послѣдній отождествляетъ бытіе съ небытіемъ [1]); Горгіасъ заявляетъ, что ничего не можетъ знать о бытіи,

[1]) Hegel. Samtl. Werk. 2-e edit. IV. p. 168, 171.

потому что небытіе не тожественно съ нимъ. Горгіасъ не уступаетъ Гегелю въ здравомысліи, его ошибки гораздо извинительнѣе ошибокъ нѣмецкаго софиста: Горгіасъ жилъ до Сократа и Платона; разнообразіе явленій, движеніе вещей были совершенно непонятны въ его время; Гегель же писалъ послѣ Бекона, Декарта, Паскаля, послѣ всѣхъ великихъ открытій, сдѣланныхъ науками. Потому-то и нелегко понять то смѣшеніе понятій и словъ, въ которомъ теряется мысль Гегеля. Онъ утверждаетъ, что понятіе чистаго бытія, бытія отвлеченнаго, абсолютнаго, неимѣющаго ни формы, ни качествъ, не есть что либо, а равно ничтожеству; но не замѣчаетъ, что если принять выраженіе ничтожество въ такомъ же абсолютномъ значеніи, какъ и понятіе бытія, то самое понятіе бытія изчезаетъ, отрицается, и его предложеніе становится нелѣпостью. Напротивъ, если принять выраженіе—небытіе за синонимъ несуществованія всѣхъ вещей, тогда его положеніе принимаетъ видъ истины; но въ такомъ случаѣ идея ничтожества получаетъ характеръ конкретный и значеніе совершенно отличное отъ понятія чистаго бытія, и образуетъ, согласно точному опредѣленію Платона, вполнѣ правильный софизмъ; можно будетъ сказать съ такой же, повидимому, достовѣрностью: отвлеченное—чистое и абсолютное понятіе линіи, точки, пространства, времени, круга и т. п. равно несуществованію всѣхъ этихъ вещей, ничтожеству. Для правильности сужденія, необходимо въ этомъ случаѣ придавать одинаковую важность и значеніе и понятію бытія и понятію небытія и относить понятіе бытія къ существованію вещей, а понятіе небытія къ несуществованію ихъ, что́ вело бы насъ къ слѣдующему нелѣпому положенію: существованіе всѣхъ вещей равно несуществованію ихъ! Сущность метода и метафизики Гегеля—заключается въ этомъ. Все тотъ же софизмъ, тоже, непзмѣнно повторяющееся, смѣшеніе понятій. Одно отвлеченное понятіе противополагается другому отвлеченному понятію, но взятому въ конкретномъ смыслѣ; затѣмъ эти понятія смѣшиваются и сводятся къ новому отвлеченному понятію, съ которымъ начинается таже игра. Странное зрѣлище представляетъ собою это, проходящее чрезъ всю систему Гегеля, представленіе

китайскихъ тѣней, при которомъ твердое тѣло, находящееся за занавѣсомъ, служитъ причиной появленія какъ бы живой и движущейся тѣни, впереди занавѣса. Между тѣмъ, Гегель, какъ и Горгіасъ, былъ превосходнымъ мыслителемъ; у него встрѣчаются часто, когда смѣшеніе понятій не увлекаетъ его и когда онъ разсуждаетъ на основаніи данныхъ одного и того же порядка, взгляды совершенно вѣрные и глубокіе; онъ имѣлъ, подобно греческому софисту, многочисленныхъ учениковъ, огромный успѣхъ, и—странное совпаденіе!—какъ этотъ послѣдній перевоспиталъ Өессалійцевъ, такъ Гегель держалъ нѣкоторое время въ своихъ рукахъ власть надъ умственною жизнью Пруссіи. Однако мы отдаемъ предпочтеніе Горгіасу, его ошибка была не такъ велика, его заблужденіе извинительнѣе. Не смѣшивая простыхъ и легкихъ для различенія, по своему значенію, понятій, Горгіасъ вѣритъ въ существованіе неизмѣннаго бытія, какъ и въ существованіе явленій, и дѣлаетъ выводъ, что мы ничего не можемъ знать о бытіи по неизмѣнности его; тогда какъ новѣйшій конкурентъ его, вслѣдствіе такого же смѣшенія понятій, принимаетъ на себя смѣлую задачу, посредствомъ синтеза вымышленныхъ противорѣчій, открыть будущее міра; одинъ былъ грекъ, другой—нѣмецъ!

Такова судьба всѣхъ софистическихъ школъ; начиная вѣрой въ какіе либо недостаточные принципы, онѣ оканчиваютъ непзбѣжно тѣмъ, что опровергаютъ сами себя противорѣчіями, къ которымъ приходятъ. Протагоръ, выходя изъ Гераклитова принципа движенія, пришелъ къ заключенію, что человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей, какъ существующихъ, такъ и не существующихъ, и разрушилъ вѣру въ общій принципъ, служившій ему исходнымъ пунктомъ. Такимъ же образомъ, Горгіасъ окончилъ признаніемъ, что, допуская неизмѣнное бытіе въ смыслѣ ученія Парменида, онъ ничего не можетъ знать о немъ, потому что его мышленіе не есть такое бытіе. Но Горгіасъ не останавливается на этомъ, онъ превосходитъ своего соперника изъ іонійской школы силою дедукціи. Ни бытіе не изъясняетъ ему понятія, какое онъ имѣетъ о бытіи, ни матерія—перемѣнъ происходящихъ въ области явленій, ни мнѣ—основныхъ истинъ нравственности.

Горгіасъ прямо заявляетъ, что онъ не софистъ—учитель мудрости, и не имѣетъ притязанія учить добродѣтели, но просто ораторскому искусству и краснорѣчію, знаніемъ которыхъ онъ отличался; добродѣтель, по его мнѣнію, состоитъ въ господствѣ надъ другими [1]). Онъ допускаетъ, что изученіе риторики должно развить чувство добра, а злоупотребленіе ею заслуживаетъ порицанія. Старый учитель является еще, какъ и Протагоръ, представителемъ эпохи строгихъ нравовъ. Но безъ метода, безъ всякихъ другихъ правилъ, кромѣ вѣры въ принципъ Парменида [2]), знаніе Горгіаса о своемъ искусствѣ—такъ же призрачно, какъ и знаніе Протагора о добродѣтели. Платонъ даетъ намъ ясно понять это въ діалогѣ, носящемъ имя Горгіаса, и показываетъ гибельныя послѣдствія этого для почитателей и учениковъ Горгіаса. Полосъ [3]) видитъ уже въ риторикѣ лишь искусство играть словами и фразами, каковъ бы ни былъ предметъ рѣчи, хорошъ или дуренъ; впрочемъ, онъ допускаетъ еще, что справедливѣе терпѣть зло, чѣмъ наносить его. Но Калликлесъ [4]), который былъ моложе Полоса, считаетъ риторику только средствомъ къ тому, чтобы господствовать надъ своими соотечественниками и дѣлать въ государствѣ то, что кажется ему хорошимъ. Такова исторія аѳинской трибуны отъ Ѳемистокла до Платона!

Когда Горгіасъ прочиталъ діалогъ Платона, онъ воскликнулъ: этотъ молодой человѣкъ умѣетъ прекрасно шутить, подобно Архилоху [5]). Онъ не понялъ мысли Платона, какъ не понялъ перемѣнъ, происшедшихъ въ нравахъ и характерѣ его времени. Великій ученикъ Сократа вовсе не былъ способенъ болтать по пустому.

---

[1]) Le Menon. 73.

[2]) Горгіаса считаютъ скептикомъ, какъ и Протагора. Но отбросьте вѣру въ принципъ Парменида, и всѣ утвержденія Горгіаса потеряютъ точку опоры. Онъ утверждалъ догматически, что природа—не бытіе и что о бытіи ничего нельзя знать точно, потому что понималъ бытіе такъ, какъ опредѣлилъ его Парменидъ.

[3]) См. IX, Polus.

[4]) См. IX, Calliclés.

[5]) Athénée XI. 500.

VI.

Ипіасъ.

Благодаря свѣдѣніямъ объ Ипіасѣ, имѣющимся въ сочиненіяхъ Платона, мы можемъ весьма близко ознакомиться съ различными формами учительства софистовъ и съ громаднымъ значеніемъ этого учительства для Греціи.

Ипіасъ прибылъ въ Аѳины посломъ и для исполненія своего порученія посѣтилъ большую часть греческихъ городовъ [1]). Горгіасъ былъ посланъ Леонтиной; Ипіасъ прибылъ изъ Ларисы ѳессалійской. Продикъ посѣтилъ послѣдовательно Ѳивы, Лакедемонъ, Аѳины, въ качествѣ уполномоченнаго согражданами защищать въ великихъ городахъ Греціи интересы Кеоса [2]), своего отечества [3]). Всюду великіе софисты пользовались своимъ пребываніемъ или для произнесенія торжественныхъ рѣчей о предметахъ, интересовавшихъ общество, или для открытія настоящихъ курсовъ обученія молодежи. Но и безъ особыхъ порученій софисты посѣщали различные города,—пользуясь своей извѣстностью, открывали курсы и собирали вокругъ себя многочисленное общество. Ипіасъ еще въ молодости прибылъ въ Сицилію, гдѣ въ то время съ большимъ успѣхомъ училъ Протагоръ, и посѣщалъ даже маленькія мѣстечки, напримѣръ, Инику [4]). Всѣ они были настоящими странствующими учителями, переходившими изъ города въ городъ, подобно французскимъ странствующимъ наставникамъ, отправляющимся въ Женеву, Руанъ, Брюссель, Льежъ для распространенія тамъ своего ученія въ самой привлекательной и легкой формѣ.

---

[1]) Platon. Le grand Hippias, 281.

[2]) Кеосъ принадлежитъ къ группѣ Цикладскихъ острововъ. Примѣч. переводч.

[3]) Prodicus VIII.

[4]) Idem 285.

Предметомъ для своихъ рѣчей избирали они обыкновенно политическую исторію Греціи, ея героическія легенды, сравненія и критику знаменитыхъ писателей; часто, наконецъ, та или другая великая нравственная истина служила имъ темой. Ипніасъ говоритъ въ Лакедемонѣ о происхожденіи городовъ; въ Аѳинахъ проводитъ параллель между Ахиллесомъ и Улиссомъ, излагаетъ совѣты Нестора Неоптолему [1]). Горгіасъ въ Олимпіи воодушевляетъ грековъ къ единенію; Продикъ повторяетъ до пресыщенія свою прекрасную апологію Геркулесу [2]), басня Протагора объ Эпимѳеѣ, какъ и его критика стихотворенія Симонида [3]), были, безъ всякаго сомнѣнія, предметами знаменитыхъ его бесѣдъ. «Вы собрались здѣсь, говоритъ Клеонъ аѳинянамъ, не для удовольствія слушать прекрасныя рѣчи, подобно слушателямъ софистовъ» [4]).

Рядомъ съ этимъ, въ нѣкоторомъ родѣ общественнымъ, обученіемъ, софисты вели другое, частное, предназначавшееся для ихъ воспитанниковъ и учениковъ. Платонъ показываетъ намъ живую картину такого обученія въ діалогѣ Протагоръ, гдѣ онъ изображаетъ этого достопочтеннаго учителя, окруженнаго своими почитателями и учениками, слѣдовавшими за нимъ изъ города въ городъ; потомъ—Ипніаса, обучающаго своихъ учениковъ ариѳметикѣ, далѣе—Продика, который, возлежа окутанный ковромъ и мѣхомъ, объясняетъ ученикамъ грамматику и тонкости языка. Когда въ виду этого воздѣйствія софистовъ на умы, чрезъ обученіе, воздѣйствія столь обширнаго при публичномъ обученіи и столь глубокаго при частномъ, обратимъ вниманіе на то, что многіе изъ нихъ были людьми государственными, напримѣръ, Зенонъ, Мелиссъ, Антифонъ [5]), или посланниками иностранныхъ городовъ, какъ—Горгіасъ, Ипніасъ, Продикъ; что они ораторствовали въ народныхъ собраніяхъ, защищали своихъ

---

[1]) Platon. De Grand Hippias 282.
[2]) Xenophonts. Apologue d' Hercule.
[3]) Platon le Protagoras 26.
[4]) Thucidide 111. 38.
[5]) См. IX. Antiphon.

кліентовъ въ судахъ, сочиняли защитительныя рѣчи [1]), и часто, какъ Горгіасъ и Ипніасъ, удостоивались, въ Дельфахъ или въ Олимпіи [2]), наградъ за краснорѣчіе; тогда только мы получимъ возможность составить себѣ точное понятіе о громадномъ вліяніи софистовъ на своихъ современниковъ. «Съ каждымъ днемъ, говоритъ Платонъ, мнѣнія Протагора распространяются болѣе и болѣе въ Іоніи [3]), въ Ѳессаліи всѣ города, большіе и малые, старались подражать Горгіасу въ строѣ и оборотахъ рѣчи.

Софисты добывали своимъ искусствомъ значительныя суммы: Протагоръ бралъ за свои уроки [4]) до ста минъ, Продикъ отъ двухъ до пятидесяти драхмъ [5]), смотря по важности уроковъ [6]). Пиѳодоръ и Калліасъ платилъ каждый по сту минъ Зенону [7]), молодой Ипократъ заявилъ Сократу, что онъ готовъ разориться, лишь бы изучить науку Протагора [8]); Ипніасъ, еще молодой, принесъ своему отцу 150 минъ изъ Сициліи, гдѣ онъ училъ совмѣстно съ Протагоромъ, 20 минъ изъ небольшаго мѣстечка Иники, и хвалился, что пріобрѣлъ больше, чѣмъ два славнѣйшихъ софиста вмѣстѣ [9]). Страсть къ наживѣ увлекала учителей, лихорадочная жажда знаній—учениковъ; послѣдніе стекались со всѣхъ концевъ эллинскаго міра, а первые, какъ Продикъ напримѣръ, посылали, сверхъ того, нарочитыхъ вѣстовщиковъ изъ города въ городъ, чтобы собрать побольше учениковъ. Этимъ легко объясняется гнѣвъ Платона; софистъ, говоритъ онъ,—словно охотникъ, приманкою ложнаго знанія завлекаетъ молодыхъ людей съ цѣлію выманивать у нихъ деньги» [10]); и все-таки горькія рѣчи Платона, его постоян-

---

[1]) См. VII. Evthydéme et Dyonisodore.
[2]) Platon. le Petit Hippias 384.
[3]) Le Protagoras. Philostrate. Vie des Sophistes.
[4]) Diogene de Laerte IX. I.
[5]) Мина серебра равняется 20 руб. $62^1/_2$ коп., а драхма $20^5/_8$ коп. сер.—Прим. переводч.
[6]) См. VII. Prodicus.
[7]) Platon. Le Premiere Alcibiade 119.
[8]) Le Protagoras 310.
[9]) Platon. Le Grand Hippias 282.
[10]) Le Sophiste 224.

ные упреки софистамъ удивляютъ насъ. Софисты смотрѣли на свое знаніе очень серьезно, народная масса относилась къ нему съ уваженіемъ, цѣны были устанавливаемы добровольно; при такихъ условіяхъ, что̀ неестественнаго въ томъ, что труды учителя были оплачиваемы? Жалобы Платона кажутся намъ, поэтому, чрезмѣрными; къ сожалѣнію, онѣ находятъ для себя полное оправданіе въ образѣ дѣйствій софистовъ.

По мѣрѣ возрастанія богатства и благосостоянія, потребность въ образованіи постепенно дѣлалась всеобщею; уровень умственной жизни повысился; великія ученія прежней эпохи—ученія Парменида, Гераклита, Анаксимена, Анаксимандра, Эмпедокла и Левкиппа, распространялись болѣе и болѣе. Учители чтенія и письма проникались ими; они обучали за плату, и въ ней имѣли средство къ своему существованію, а когда явились науки—грамматика, риторика, краснорѣчіе,—къ нимъ, естественно, присоединялось и обученіе философіи. Протагоръ не первый изъ философовъ заставилъ платить за свои уроки, но изъ учителей, получавшихъ плату, онъ первый преподавалъ философію. Онъ былъ преимущественно риторомъ и грамматикомъ; Горгіасъ училъ болѣе краснорѣчію, чѣмъ философіи; Иппіасъ отличался въ наукѣ чиселъ, Продикъ, какъ увидимъ ниже, былъ прежде всего, грамматикомъ.

Философія, бывшая прежде достояніемъ людей независимаго состоянія, перешла теперь въ руки учителей, получавшихъ плату; общественное образованіе возвышалось, по мѣрѣ своего распространенія. Платонъ видѣлъ всѣ опасности этой перемѣны; мы же назвали бы ее великимъ именемъ прогресса. Греція слѣдовала въ ту эпоху по той же покатости, по которой теперь быстро несемся мы. У насъ также философія сдѣлалась общедоступною. Каждый учитель грамматики, поэзіи, риторики имѣетъ свою доктрину, которую старается привить своимъ ученикамъ во всевозможныхъ формахъ, посредствомъ сочиненій, уроковъ и задачъ; что касается курсовъ философіи, то они сдѣлались въ нашихъ лицеяхъ настоящими факультетскими курсами. Выборъ общеобразовательнаго заведенія для нашихъ дѣтей равносиленъ

выбору философской и политической доктрины; они выходятъ изъ школы съ умомъ совсѣмъ сформированнымъ; имъ уже нѣтъ нужды изучать принципы, пріобрѣтать общія понятія. Курсы Сорбонны, французской коллегіи и школъ высшихъ наукъ и политическихъ знаній остаются безъ учащихся,—и вотъ, когда придетъ время, что наши молодые люди, сдѣлавшись политическими дѣятелями, или государственными людьми, должны будутъ править судьбами страны, они станутъ дѣлать это, сообразно съ своими несовершенными принципами и понятіями шестнадцатилѣтняго возраста. Когда Платонъ вооружался противъ обученія философіи за деньги, онъ требовалъ лишь того, чтобы грамматикъ училъ грамматикѣ, риторъ—риторикѣ; а философія была бы предоставлена истиннымъ философамъ, которые должны преподавать ее свободно людямъ способнымъ оцѣнивать и понимать ихъ. Но Платона не послушались: честолюбіе было слишкомъ возбуждено, жажда возвышенія слишкомъ велика; требовалось возможно скорѣе научить молодыхъ людей говорить предъ народомъ, и вотъ греки дѣлаютъ изъ своихъ дѣтей софистовъ. Тоже и у насъ: требуется скорѣе достигнуть сдачи спеціальнаго экзамена, или адвокатскаго званія, и мы спѣшимъ сдѣлать своихъ дѣтей баккалаврами [1]). Изъ-за того, чтобы имѣть быстрыхъ лошадей, теряли сильныхъ; поэтому, когда явилась необходимость вести борьбу съ войсками македонскими или прусскими, въ истощенномъ умственно и нравственно поколѣніи, не оказалось ни доброй воли, ни силы.

Многіе изъ дальновидныхъ умовъ нашего времени видятъ недостатки современнаго воспитанія, какъ и Платонъ видѣлъ недостатки воспитанія своей эпохи; но будутъ ли наблюденія ихъ болѣе успѣшными по послѣдствіямъ, чѣмъ платоновскія?

Другой упрекъ, также часто дѣлаемый софистамъ Платономъ, касается многочисленности предметовъ ихъ препо-

---

[1]) Баккалавръствомъ называется во Франціи первая (низшая) ученая степень.

Примѣч. переводч.

даванія. Философія, политика, краснорѣчіе, астрономія, грамматика, теорія музыки, эстетика, мораль, поэзія, юриспруденція, математика—вотъ предметы, которымъ училъ Ипніасъ; Горгіасъ хвалился, что можетъ безъ приготовленія говорить на любую данную тему; Протагоръ писалъ книгу даже о гимнастическомъ искусствѣ. Теперь мы считаемъ подобныя притязанія безразсудными. Но при этомъ мы не обращаемъ вниманія ни на весьма значительные успѣхи, достигнутые софистами во всѣхъ отрасляхъ знаній, ни на простоту греческой науки того времени, состоявшей только изъ первыхъ элементовъ. Не замѣчаемъ, наконецъ, и того, сколько великихъ людей, предъ которыми мы часто и справедливо преклоняемся, были послѣдовательно адвокатами, профессорами Сорбонны или французской коллегіи, депутатами, министрами, послами, и въ тоже время писали о политической экономіи, исторіи, философіи, морали, администраціи, литтературѣ, искусствахъ и политикѣ. Это также явленіе, свойственное софистическимъ эпохамъ. По мѣрѣ того, какъ наука распространяется въ обществѣ, она излагается доступнѣе и проще и лишь при такихъ условіяхъ возможно ея распространеніе; затѣмъ достаточно владѣть въ извѣстной мѣрѣ способностью соображать и говорить сколько нибудь складно, чтобы можно было толковать обо всемъ примѣняясь къ господствующимъ въ данное время понятіямъ и страстямъ, но не входя въ сущность дѣла, не имѣя ни принциповъ, ни опредѣленнаго направленія. Высокопарность рѣчи, или легкость стиля дѣлаютъ незамѣтными недостатки знанія и безсиліе ума.

Ипніасъ имѣлъ, несомнѣнно, больше достоинствъ, чѣмъ многіе изъ современныхъ софистовъ. Онъ былъ, такъ сказать, безсмѣннымъ посломъ своего роднаго города Эліса; сограждане избирали его, какъ наиболѣе способнаго защищать ихъ интересы и обстоятельно выяснять ихъ. Въ ранней молодости онъ посвятилъ себя учительской дѣятельности и достигъ не меньшихъ успѣховъ, чѣмъ софисты уже прославившіеся на этомъ поприщѣ, какъ напримѣръ—Протагоръ. Каждый разъ, когда Ипніасъ говорилъ рѣчи въ Олимпіи, онъ получалъ награду за краснорѣчіе, и даже въ Лаке-

демонѣ, гдѣ софистамъ не дозволялось учить молодежь, слушали его съ удовольствіемъ [1]).

Весьма свѣдущій въ ариѳметикѣ и геометріи, Ипніасъ владѣлъ также обширными знаніями о небѣ и небесныхъ явленіяхъ, занимался поэзіей, и лучше всякаго другаго изъяснялъ просодію, музыкальную гармонію и искусство хорошо писать; наконецъ, онъ первый, кажется, изобрѣлъ систему мнемотехники.—Всѣ эти свѣдѣнія объ Ипніасѣ сообщаетъ намъ Платонъ; но онъ представляетъ намъ Ипніаса и человѣкомъ необыкновенно тщеславнымъ. Ипніасъ хвастался, что владѣетъ такою же ловкостью во всѣхъ ремеслахъ, какъ и въ наукахъ. На олимпійскихъ играхъ онъ являлся, имѣя на себѣ все, сдѣланное своими руками. Этимъ тщеславіемъ, какъ и разнообразіемъ его знаній и даже успѣхами его на большихъ греческихъ праздникахъ, часто пользовались для обрисовки его намъ человѣкомъ крайне непостояннымъ. Дѣйствительно, онъ могъ казаться такимъ Сократу и Платону: они измѣряли людей своего времени съ высоты своего генія; но смѣшно было бы намъ прилагать къ нему ту же мѣрку.

Великіе софисты были людьми замѣчательными во всѣхъ отношеніяхъ, и они же первые были жертвами несовершенства своихъ доктринъ. Мы видѣли уже, съ какою силой и логикой Протагоръ и Горгіасъ развили ученія Парменида и Гераклита до крайнихъ выводовъ; но при этомъ оказались неспособными открыть какой либо серьезный методическій принципъ даже въ тѣхъ наукахъ, которымъ обучали съ наибольшимъ успѣхомъ. У Ипніаса, младшаго между ними, эти неизбѣжныя слѣдствія софистики обнаруживаются еще болѣе. Онъ не держится уже ни одного изъ великихъ ученій, а довольствуется нѣкотораго рода эклектизмомъ, оживляя его великолѣпнымъ языкомъ, напоминающимъ языкъ Эмпедокла [2]). То пользуется онъ выраженіями, обычными въ элеатской школѣ, когда говоритъ напримѣръ, что подобное соединяется съ подобнымъ; то по примѣру знаменитаго представителя іонійской школы наставляетъ своихъ слуша-

---

[1]) Platon. Le Grand Hippias 281.

[2]) Platon. Le Protagoras 352.

телей въ мудрости, объясняетъ имъ, насколько Ахиллесъ въ своей прямодушной стремительности выше хитраго Улисса, или излагаетъ предъ ними совѣты Нестора молодому Неоптолему [1]). Остается пожалѣть, что у насъ нѣтъ свѣдѣній о познаніяхъ Ипніаса въ математикѣ, астрономіи и особенно въ музыкѣ; но какъ бы ни были обширны его знанія, для Сократа будетъ игрушкой разоблачить поверхностность и пустоту ихъ. Сократъ предлагаетъ Ипніасу только сказать ему, что̀ дѣлаетъ прекрасными вещи, которыя мы называемъ этимъ именемъ? Ипніасъ не знаетъ, что отвѣчать, проситъ дозволенія размыслить, подготовиться и, въ концѣ концевъ, опредѣляетъ прекрасное указаніемъ на красоту молодой красивой дѣвушки. Но мы называемъ и горшокъ удачно сдѣланный прекраснымъ, возражаетъ ему Сократъ. Горшокъ кажется безобразнымъ, отвѣчаетъ Ипніасъ, сравнительно съ женщиной истинно прекрасной. Но совершенно такимъ же образомъ, продолжаетъ Сократъ, самая прекрасная женщина въ мірѣ кажется намъ некрасивой, когда мы думаемъ о красотѣ боговъ. Ипніасъ усиливается понять прекрасное въ смыслѣ болѣе общемъ, и называетъ золото, напримѣръ, вещью истинно прекрасной, потому что оно придаетъ блескъ всему, до чего касается. Но если бы, замѣчаетъ далѣе Сократъ, Фидій сдѣлалъ глаза Минервы изъ золота, они показались бы очень некрасивыми; но онъ взялъ драгоцѣнный камень, и этотъ камень, приспособленный къ цѣли, оказался прекраснымъ. Тогда, счастливая жизнь и мирная кончина въ кругу родныхъ показались Ипніасу наиболѣе прекрасными. Сократъ возражаетъ ему, напоминая жестокую смерть Ахиллеса и Геркулеса. Словомъ, куда ни обращается Ипніасъ, нигдѣ онъ не находитъ прекраснаго; не составляютъ его ни богатство, ни могущество, ни польза, ни даже благо, потому что если благо можетъ быть причиной прекраснаго, то оно отлично отъ него, какъ причина отъ своего слѣдствія. Добросовѣстность, обнаруживаемая Ипніасомъ въ его исканіяхъ, прекраснаго, и искренность

---

[1]) Platon. Le Protagoras 337.

его отвѣтовъ Сократу должны быть признаны за Ипніасомъ, не смотря на его тщеславіе. Во второмъ діалогѣ, Сократъ является слишкомъ поздно для того, чтобы присутствовать при бесѣдѣ Ипніаса о мужествѣ Ахиллеса и хитрости Улисса, и старается доказать ему, что добровольный лжецъ лучше лжеца невольнаго [1]). Ипніасъ не желаетъ согласиться съ этимъ, но тѣмъ не менѣе оказывается неспособнымъ сказать, что есть благо.

Перечитывая два прекрасныхъ діалога: Ипніасъ большой и Ипніасъ меньшій, трудъ молодости Платона, мы не сомнѣваемся, что въ этихъ діалогахъ передаются бесѣды, дѣйствительно происходившія между учителемъ Платона и софистомъ. И невольно вспоминаемъ объ одномъ изъ философовъ нашего времени, который тоже занимался вопросомъ объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ, былъ эклектикомъ, какъ и Ипніасъ, и подобно ему славился краснорѣчіемъ, и его бюстъ помѣщенъ въ Сорбоннѣ, какъ Ипніасъ былъ увѣнчанъ въ Олимпіи. Между Ипніасомъ и Викторомъ Кузэномъ стоятъ Платонъ и Аристотель, христіанскій идеалъ и великіе мыслители 17-го вѣка; между тѣмъ, Викторъ Кузэнъ неизмѣримо темнѣе въ своихъ опредѣленіяхъ, чѣмъ греческій софистъ. «На нашъ взглядъ, говоритъ онъ, свѣтомъ исторіи философіи служитъ эклектизмъ, но нашу истинную доктрину, наше истинное знамя составляетъ спиритуализмъ» [2]). Что сказалъ бы Сократъ о подобномъ сужденіи? Кажется, если спиритуализмъ—истинная доктрина, онъ долженъ быть истиннымъ свѣтомъ какъ въ исторіи философіи, такъ и во всякой другой области, а эклектизмъ есть заблужденіе; если же эклектизмъ—заблужденіе, то какъ онъ можетъ быть свѣтомъ истины? Таково представленіе Кузэна объ истинномъ. Посмотримъ, что говоритъ онъ о прекрасномъ. «Есть три рода красоты: красота физическая, умственная и нравственная... въ каждомъ изъ этихъ трехъ классовъ красоты есть двѣ главныя формы: прекрасное и высокое.... первообразомъ

---

[1]) См. X. Сократъ. Ксенофонтъ приводитъ тоже мнѣніе Сократа о лжецахъ—добровольномъ и невольномъ.

[2]) Du Vrai, du Beauet du Bien, introduction VIII.

и источникомъ этихъ двухъ высокихъ формъ прекраснаго служитъ самъ Богъ, безконечное Существо, потому что онъ есть для насъ разомъ—и самая непостижимая загадка и самое ясное, какое только мы могли бы найти, рѣшеніе всѣхъ загадокъ» [1]). Фраза очень красива, но, конечно, Сократъ нашелъ бы ее безусловно непонятной: три рода красоты, двѣ формы, одинъ первообразъ, Богъ—загадка и истина, истина и загадка. Кузэнъ приводитъ, по поводу своего опредѣленія прекраснаго, опредѣленіе Платона. Но платоново опредѣленіе относится не къ Богу, но къ неизмѣнному бытію, всегда одной и той же сущности вещей—Парменида, и въ этомъ видѣ имѣетъ смыслъ совсѣмъ иной и истинный. Для Платона, идея блага безконечно выше идеи прекраснаго и благо отличается отъ красоты, какъ причина отъ слѣдствія. Что касается опредѣленія добра, то новѣйшій Ипіасъ заимствуетъ ее у другихъ. «По какому признаку, говоритъ Кузэнъ, узнаемъ мы, что такое-то дѣйствіе—хорошо? Потому, что мотивъ этого дѣйствія, будучи выраженъ въ общемъ положеніи, является намъ правиломъ всеобщаго законодательства, которое разумъ предписываетъ всѣмъ разумнымъ и свободнымъ существамъ...» Такова мудреная мѣрка, примѣненная Кантомъ къ оцѣнкѣ нравственнаго характера дѣйствій? Голодъ и жажда служатъ такимъ мотивомъ дѣйствія, который, будучи выраженъ въ общемъ положеніи, кажется правиломъ всеобщаго законодательства, предписываемымъ разумомъ для всѣхъ разумныхъ и свободныхъ существъ; нравственно ли такое дѣйствіе? А что сказать о томъ, что и это жалкое опредѣленіе Кузэнъ долженъ былъ еще заимствовать у Канта, доказывавшаго, между прочимъ, что разумъ, къ которому взываетъ Кузэнъ, ничего не можетъ доказать [2]).

---

[1]) Du Vrai, du Beau, et du Bien p. 181, 182.
[2]) См. Критику чистаго разума.

VII.

Евтидемъ и Діонисіодоръ.

Евтидемъ и Діонисіодоръ были братья, уроженцы острова Хіоса. Изъ Хіоса они переселились въ городъ Туріосъ, гдѣ Евтидемъ сдѣланъ былъ даже военачальникомъ. Изгнанные изъ этого города, вслѣдствіе политическихъ смутъ, братья нашли себѣ убѣжище въ Греціи и поселились окончательно въ Аѳинахъ, съ цѣлью обучать военному искусству и краснорѣчію [1]). «Они учили, говоритъ Платонъ, вести тяжебныя дѣла и составлять защитительныя рѣчи». Въ Аѳинахъ они познакомились съ великими софистами и принялись за изученіе ихъ доктринъ; но начавъ это дѣло слишкомъ поздно для того, чтобы заниматься имъ съ искренностью молодыхъ людей, увлеклись, главнымъ образомъ, софистическими пріемами разсужденія и, благодаря уму, замѣчательному у Евтидема, легко поняли, какую пользу можно извлечь изъ этого искусства.

«Доселѣ, продолжаетъ Платонъ, ихъ талантъ ограничивался только тѣмъ, что выше сказано; но теперь они достигли послѣдней степени совершенства, и такой ловкости въ новомъ родѣ борьбы, что никто не могъ имъ противостоять, сдѣлались столь сильными въ состязаніяхъ, что о чемъ бы ни шла рѣчь, объ истинномъ или ложномъ, они опровергали все совершенно одинаково [2]). Евтидемъ былъ, по мнѣнію Аристотеля, основателемъ эристики [3]). Никто изъ великихъ софистовъ не пытался еще говорить обо всемъ за и противъ; всѣ они развивали свои ученія до крайнихъ выводовъ, но не уклонялись отъ нихъ. У Зенона и Мелисса

---

[1]) Xenophon. Dits memorables III. I. Platon. L' Evthydeme 271.
[2]) L' Evthydeme 272.
[3]) Rhitorique II. I.

смѣшеніе отвлеченныхъ понятій съ конкретными выразилось въ цѣлыхъ системахъ; отвлеченное пространство и дѣйствительное протяженіе, идеальное бытіе и бытіе дѣйствительное, перемѣны въ вещахъ, небытіе, пустота и матерія—всѣ эти понятія смѣшивались и спутывались. У Протагора начало абсолютнаго движенія доведено до утвержденія, что человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей, такъ какъ одна и таже вещь кажется хорошею одному, дурною—другому; большою—первому, малою—послѣднему. У Горгіаса, наконецъ, начало неизмѣннаго бытія доведено до отождествленія мышленія и бытія, что́ признавалъ онъ необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія какого бы то ни было знанія о неизмѣнномъ бытіи. Съ одной стороны провозглашалась необходимость абсолютнаго познанія, чтобы имѣть знаніе; съ другой—доказывалась возможность того положенія, что самыя противорѣчащія одно другому мнѣнія одинаково истинны. При такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о какомъ либо развитіи философіи; оставалось мѣсто только пустому краснорѣчію Ипіаса, или эристикѣ Евтидема. Всякій, кто находится въ Сициліи и видитъ мысленно аѳинскій портъ, видитъ ли двѣ триремы, находящіяся въ немъ? а если не видитъ двухъ триремъ, то какъ можетъ видѣть аѳинскій портъ? спрашиваетъ Евтидемъ, по словамъ Аристотеля [1]). По свидѣтельству Платона, Евтидемъ спрашиваетъ: какіе люди обыкновенно учатся:—умные, или невѣжды. Если учатся незнающіе, то они должны учиться тому, чего не знаютъ; но какъ можно учиться, когда не знаешь даже того, чему нужно учиться? Очевидно, нужно допустить, что учащіеся знаютъ, а не невѣжды [2]). Если бы Клиніасъ отвѣтилъ, что учатся знающіе, то затрудненіе осталось бы тоже. Какимъ образомъ знающіе могутъ учиться, если они знаютъ? Но Сократъ предупредилъ Клиніаса, чтобы онъ отвѣчалъ, что захочетъ. Первая форма доказательства Евтидема напоминаетъ ученіе Протагора, которому Евтидемъ, кажется, слѣдовалъ преимущественно, судя по одному мѣсту діалога *Кратилъ;* но второй

[1]) Aristote, L Rhetorique II. I.
[2]) L' Euthydéme 275, 276.

аргументъ напоминаетъ, очевидно, ученіе Горгіаса. Евтидемъ восходитъ въ этомъ направленіи даже до Парменида: «Тотъ, кто лжетъ, спрашиваетъ онъ, говоритъ ли о дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь? Если говоритъ о дѣлѣ, онъ не лжетъ, говоритъ истину; а если не говоритъ о дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, онъ говоритъ о чемъ-то абсолютно—несуществующемъ; но о томъ, что абсолютно не существуетъ, невозможно ни мыслить, ни говорить [1])».

Въ этой игрѣ понятіями былъ смыслъ болѣе серьезный, чѣмъ думаютъ. Платонъ преувеличиваетъ ее въ діалогѣ, носящемъ имя Евтидема, и представляетъ ее въ такомъ извращенномъ видѣ, что она является не болѣе, какъ смѣшнымъ злоупотребленіемъ словами. Онъ хочетъ показать двумъ софистамъ, на примѣрѣ Ктезиппа, одержавшаго побѣду въ спорѣ съ Діонисіодоромъ, какъ легко для подражанія искусство ихъ играть словами. Сократъ также заканчиваетъ свою бесѣду съ ними совѣтомъ учить искусству тайно, изъ опасенія, чтобы всѣ не научились ему слишкомъ легко [2]).

Чтобы утверждать и отрицать всякое положеніе, каково бы оно ни было, достаточно, если это положеніе конкретное, взять одно изъ выраженій въ смыслѣ отвлеченномъ, а если оно отвлеченное, то въ смыслѣ конкретномъ, сообразно съ тезисомъ, какой желательно доказать. Такъ, чтобы доказать противное первому встрѣчному положенію, погода прекрасна,—достаточно разсматривать выраженіе *прекрасна* въ смыслѣ абсолютномъ, въ смыслѣ красоты неизмѣнной, гармоничной во всѣхъ частяхъ, а не такой, которая бываетъ хороша сегодня, дурна завтра,—и прекрасная погода превратится въ положительно дурную, подобно статуѣ, у которой одинъ членъ красивъ, другой—худо сдѣланъ, или которая кажется прямою съ одной стороны и кривою съ другой. Эта иллюзія зависитъ отъ различія между понятіями отвлеченными и конкретными; послѣднія относятся всегда къ одному какому либо предмету, первыя—къ болѣе или менѣе значительному числу предметовъ и, слѣдовательно, обнимаютъ собою и всѣ

---

[1]) Ib. 288.
[2]) L' Euthydéme 288.

ихъ разности, противоположности. Человѣкъ малъ и великъ, молодъ и старъ, красивъ и дуренъ, хорошъ и худъ, а потому, что́ бы ни утверждалось о Павлѣ,—напримѣръ, что онъ золъ,—будетъ непремѣнно ложнымъ, если отнесемъ это къ общему понятію человѣкъ, взятому въ отвлеченномъ смыслѣ; человѣкъ вообще добръ, но и Павелъ человѣкъ, слѣдовательно онъ добръ. Здѣсь мы находимъ большую и меньшую посылки и заключеніе; большой, малый и средній терминъ; логика Аристотеля беретъ свое начало въ тонкостяхъ эристики; но Аристотель установилъ твердыя правила для логическаго мышленія, и тѣ изъ средневѣковыхъ, равно и новѣйшихъ философовъ, которые не поняли этихъ правилъ, опять *впали въ эристику* [1]).

Безсмертное платоновское опредѣленіе индукціи произошло также изъ эристики. «Единичное понятіе, говоритъ великій ученикъ Сократа, распространенное безусловно на нѣсколько другихъ, существующихъ отдѣльно, необходимо различать отъ нѣсколькихъ понятій, различающихся между собою, но обобщенныхъ въ одномъ, и, наконецъ, отъ понятія, входящаго въ содержаніе нѣсколькихъ общихъ понятій, совершенно различныхъ.... Для основательнаго уразумѣнія истины, предположимъ ли мы предметъ существующимъ, или несуществующимъ, или измѣненнымъ какою либо иною случайностію, всегда необходимо изслѣдовать, какія послѣдствія вытекаютъ изъ этого предположенія для самого предмета и для каждой изъ другихъ вещей, которыя мы возьмемъ и для нѣсколькихъ и для всѣхъ одинаково, и затѣмъ разсмотрѣть другія вещи какъ въ отношеніи къ нимъ самимъ, такъ и къ тѣмъ, которыя мы взяли, предполагаемъ ли мы ихъ существующими или несуществующими» [2]). По видимому, это еще языкъ софистики; много умовъ обманулось имъ; самъ Платонъ называетъ его діалектикой; между тѣмъ, это самая точная и самая совершенная формула индукціи, какая только существуетъ въ наукѣ. Въ переводѣ на современный языкъ она означаетъ: необходимо отвлечь общій

---

[1]) См. I. II. I. La Logique, de Stuart Mill.
[2]) Le Sophiste 253.

фактъ отъ частныхъ, въ которыхъ онъ содержится, разсмотрѣть его въ самомъ себѣ и во всѣхъ его отношеніяхъ, предположить его существующимъ и несуществующимъ, чтобы установить его твердо и вполнѣ постигнуть истину. Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ, когда они формулировали законы тяжести, движенія планетъ и тяготѣнія, Декартъ, когда онъ прилагалъ алгебру къ геометріи, Паскаль, когда открывалъ вычисленіе вѣроятностей, слѣдовали лишь точнымъ указаніямъ Платона [1]). Платонъ говоритъ только о понятіяхъ, идеяхъ; мы примѣнили его разсужденіе къ фактамъ, имѣя въ виду, что для Платона, какъ и для всѣхъ грековъ, вслѣдствіе пластическаго, конкретнаго способа ихъ воззрѣнія на идеи, послѣднія имѣли всѣ свойства фактовъ. Платонъ различаетъ идеи по относительной важности ихъ; Аристотель придаетъ еще больше точности этому различенію; тѣмъ не менѣе, оба они вѣрили, что факты вполнѣ соотвѣтствуютъ идеямъ. Всякое другое толкованіе дѣлаетъ не только ихъ ученія непонятными, но и всю исторію софистики темною. Ошибка въ этомъ отношеніи была столь естественна и глубока, что мегарская школа, по свидѣтельству Платона и Аристотеля, упорно отстаивала заблужденія софистовъ.

Въ діалогѣ «Эвтидемъ» Платонъ показываетъ намъ, какъ этотъ софистъ тщетно усиливается запутать Сократа въ свои сѣти. Софистъ пытался доказать, что всякій, кто знаетъ что нибудь, знаетъ все, такъ какъ всякій, знающій что нибудь, владѣетъ знаніемъ, а кто владѣетъ знаніемъ, тотъ знаетъ все. Напрасно софистъ усиливался убѣдить Сократа въ этой нелѣпости; послѣдній отвѣчалъ на всѣ его вопросы въ смыслѣ конкретномъ, отнюдь не дозволяя ему перейти къ отвлеченному: когда я знаю что нибудь, отвѣчаетъ Сократъ, то владѣю знаніемъ не всего, а только этого *что нибудь*. Аргументъ Эвтидема былъ на этотъ разъ только грубымъ софизмомъ; но въ трудныхъ вопросахъ нравственности и политики, эта ораторская борьба принимала видъ настоящаго боя на копьяхъ остроумія и находчивости, который тѣмъ болѣе возбуждалъ страсти, что сюда примѣши-

[1]) См. I. II. III. L' Induction, de Stuart Mill.

вались интересы гораздо болѣе могущественные, чѣмъ интересы тщеславія. Изъ этой борьбы выходили съ репутаціей глупца, или умнаго человѣка; репутація привлекала или разгоняла учениковъ; многочисленность ихъ доставляла довольство и уваженіе въ обществѣ. Кромѣ того, къ этому времени необходимость говорить предъ народнымъ собраніемъ, или предъ трибуналами, состоящими отъ 500 до 2000 судей, довела искусство владѣть рѣчью и изворотливость мысли до такой высокой степени, какую намъ трудно и вообразить теперь.

Мы не находимъ достаточно словъ для того, чтобы заклеймить презрѣніемъ эристику, эту позорную игру, состоящую въ *фокусничествѣ* человѣческою мыслью; искусство доказывать *за* и *противъ* кажется намъ послѣдней ступенью умственнаго упадка: одного его достаточно, по нашему мнѣнію, для объясненія быстраго разстройства и паденія Аѳинъ и Греціи. Но вотъ уже болѣе столѣтія, какъ мы идемъ тѣмъ же путемъ. Новѣйшая антиномистика имѣетъ безусловно тоже значеніе, какое имѣла древняя эристика, а мы и не подозрѣваемъ этого точно также, какъ софисты и греки въ свое время не подозрѣвали гибельнаго вліянія эристики.

Есть только одно различіе между антиномистикой и эристикой: первая вращается преимущественно въ области понятій отвлеченныхъ, вторая—въ области понятій конкретныхъ; но мышленіе грековъ было яснѣе, ихъ рѣчь лучше обработана, ихъ книги лучше написаны, понятія же нашихъ антиномистовъ менѣе ясны, рѣчь ихъ высокопарна, книги темны. Возьмемъ на удачу примѣръ изъ Канта:

«Тезисъ: Міръ имѣетъ начало во времени.

«Доказательство: Если допустимъ, что міръ не имѣетъ начала во времени, окажется, что до каждаго даннаго мгновенія протекла вѣчность и, значитъ, прошелъ безконечный рядъ слѣдовавшихъ одно за другимъ состояній вещей въ мірѣ. Но безконечность ряда состоитъ именно въ томъ, что онъ никогда не можетъ быть оконченъ... Итакъ, міръ имѣетъ начало.

«Антитезисъ: Міръ не имѣетъ начала.

«Доказательство: Если предположить, что міръ имѣетъ начало, получится такой выводъ: такъ какъ начало есть существованіе, которому предшествуетъ время, когда вещи

не было, то міру должно было предшествовать время, когда его не было, то есть пустое время. Но ничто не можетъ начать существованіе въ пустомъ времени,—слѣдовательно, міръ не имѣетъ начала».

Предположимъ другую антиномію:

«Тезисъ: существуютъ линіи.

«Доказательство: Если допустимъ, что нѣтъ линій, тогда всѣ предметы смѣшаются, мы уже не будемъ различать ни ихъ формъ, ни ихъ цвѣтовъ; міръ станетъ для насъ темнымъ. И такъ линіи существуютъ.

«Антитезисъ: Нѣтъ линій.

«Доказательство: Если допустимъ, что линіи существуютъ, тогда предметы будутъ существовать внѣ насъ, не имѣя ни широты, ни глубины, что мы представить не можемъ; и такъ, нѣтъ линій».

Въ обѣихъ антиноміяхъ игра понятіями одинакова: въ послѣдней полагается, въ основу доказательства, отвлеченное понятіе линіи, тогда какъ въ тезисѣ и заключеніи имѣется въ виду понятіе о конкретныхъ линіяхъ; точно также и въ антиноміи Канта отвлеченное понятіе о времени, не имѣющемъ ни начала, ни конца, полагается при наличности, въ тезисѣ и заключеніи, конкретнаго понятія времени, которое дѣйствительно проходитъ и продолжается, и въ обоихъ случаяхъ положеніе одного изъ понятій дѣлаетъ невозможнымъ заключеніе къ другому. Эвтидемъ доказывалъ такимъ же образомъ, что тотъ, кто лжетъ, говоритъ истину, а кто знаетъ нѣчто, знаетъ все, переходя отъ частнаго (конкретнаго) значенія словъ къ общему.

Когда же, наконецъ, поймемъ, что, не обманываясь значеніемъ словъ и не играя смысломъ понятій, мы не можемъ не только образовать противорѣчивыя понятія, но даже выразить противорѣчивыя сужденія? Полагать, что можно утверждать и отрицать одновременно то или другое, не измѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ значенія понятій и смысла словъ, значило бы допускать нелѣпость, немыслимое предположеніе [1]).

---

[1]) См. книг. II. VII. Антиноміи Герберта Спенсера.

VIII.

Продикъ.

Эристика была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ систематическаго смѣшенія понятій школъ элейской и іонійской. Точно также антиномистика Канта была естественнымъ слѣдствіемъ заблужденій сенсуалистической и идеалистической школъ: аргументы этихъ школъ встрѣчаются въ каждой изъ антиномій Канта. Но тогда какъ новѣйшая философія упорно отстаиваетъ свои заблужденія, греки были счастливѣе; они нашли лѣкарство въ самыхъ крайностяхъ болѣзни. Они понимали свои отвлеченныя и общія понятія конкретно, поэтому чувства и опытъ, силою своего вліянія, удерживали ихъ мысль въ опредѣленныхъ границахъ; а наши новѣйшіе софисты, переступили эти границы и споры ихъ вращаются въ области отвлеченныхъ понятій.

Переходъ греческаго умозрѣнія въ руки грамматиковъ и учителей краснорѣчія породилъ всевозможныя злоупотребленія эристики; но онъ же имѣлъ своимъ послѣдствіемъ и болѣе тщательное изученіе свойства и значенія терминовъ и словъ. Всякая, вновь открытая тонкость вела за собой другую. Протагоръ—первый подалъ тому примѣръ своимъ раздѣленіемъ словъ по родамъ; но болѣе всѣхъ софистовъ отличился въ этомъ новомъ направленіи изслѣдованій Продикъ, учитель Сократа [1]).

Урожденецъ Кеоса, Продикъ прибылъ въ Аѳины, подобно Иппіасу и Горгіасу, посломъ для защиты интересовъ своего отечества. Какъ ораторъ, онъ имѣлъ въ Аѳинахъ такой успѣхъ, что поселился здѣсь и открылъ школу. Его голосъ отличался необыкновенною силой; но его здоровье

---

[1]) Cp. Cougni, De Prodico Ceio; Zeller, Phil. d. Gr. Iter, th. 738.

было слабо; Платонъ разсказываетъ намъ, что въ домѣ Калліаса Продикъ давалъ свой урокъ, лежа, окутанный мѣхами и одѣялами [1]). Изъ всѣхъ софистовъ онъ былъ самымъ корыстолюбивымъ; по свидѣтельству Филострата, Продикъ разсылалъ по греческимъ городамъ своихъ агентовъ вербовать учениковъ [2]), и постоянно повторялъ изреченіе Епихарма: рука руку моетъ, давайте и получайте [3]). Не смотря на эти крайности, Ксенофонтъ называетъ его мудрымъ и разсказываетъ намъ о его превосходной апологіи Геркулеса, встрѣтившаго на своемъ пути сластолюбіе и добродѣтель; Ксенофонтъ замѣчаетъ, сверхъ того, что Продикъ украшалъ свои мысли превосходнымъ произношеніемъ [4]). Аристофанъ указываетъ на него, вмѣстѣ съ Сократомъ, какъ на софиста, котораго слушали наиболѣе охотно [5]). Его рѣчи были до крайней степени обработаны. Горгіасъ ставилъ ему въ упрекъ, что онъ много терялъ отъ частыхъ повтореній [6]). Кто только не слыхалъ похвальной его рѣчи Геркулесу? [7]). Онъ процвѣталъ около 96-й олимпіады. Кромѣ Сократа, Θераменъ, Исократъ, Еврипидъ, Критіасъ были его учениками.

Другъ Протагора, Продикъ принадлежалъ къ іонійской школѣ и первый, кажется, осмѣлился приступить къ свободному рѣшенію вопроса о происхожденіи боговъ. Въ ту эпоху нужно было имѣть много смѣлости, чтобы рѣшиться на это. Греки и въ особенности аѳиняне предоставляли своимъ философамъ и поэтамъ самую широкую свободу разсуждать о значеніи и дѣйствіяхъ боговъ. Вѣрованія, переходя изъ одного города въ другой, отъ одного семейства къ другому, измѣнялись подъ вліяніемъ народныхъ легендъ и воображенія отдѣльныхъ лицъ. Аристофанъ, въ своихъ «Лягушкахъ», безопасно могъ осмѣивать хитрость и лживость Меркурія,

---

[1]) Le Protagoras 315.
[2]) Vie de Sophistes 496.
[3]) Axiochus. Dialogue du faux Platon.
[4]) Dits memorables II. 1. 21.
[5]) Облака.
[6]) Xenophon. l c.
[7]) Cp. Zeller. Phil. der Gr., th., 740. note 1.

слабоуміе и сластолюбіе Геркулеса. Но греки не дозволяли оспаривать самое существованіе боговъ и героевъ; эти священныя лица играли весьма важную роль въ народномъ воображеніи, такъ какъ они глубоко проникали историческое преданіе, были связаны съ легендами о происхожденіи городовъ и почитались виновниками и защитниками частнаго и общественнаго законодательства [1]). Оспаривать ихъ существованіе значило подвергать сомнѣнію не только исторію, но и самое существованіе государства. Ни Мелиссъ, ни Протагоръ не рѣшались касаться этого опаснаго вопроса. Продикъ, отличавшійся большею смѣлостью, утверждалъ, что боги суть не что иное, какъ явленія природы, отъ которыхъ люди получаютъ какую нибудь пользу. «Онъ первый, говоритъ Цицеронъ, указалъ на это происхожденіе боговъ» [2]).

Доказательства не существованія Зевса приписываемыя Аристофаномъ въ его «Облакахъ» Сократу, принадлежатъ Продику. По словамъ Ксенофонта, «Сократъ не занимался физикою [3]); а заниматься ею въ ту эпоху значило касаться вопроса о происхожденіи боговъ. Самъ Аристофанъ, впрочемъ, указываетъ на Продика, какъ на дѣйствительнаго автора этихъ доказательствъ, когда говоритъ въ баснѣ «Птицы» двумъ аѳинянамъ: «Вы научитесь отъ насъ знанію небесныхъ явленій, природы птицъ, происхожденія боговъ и рѣкъ, преисподней и хаоса; тогда можете сказать Продику: прощай... [4]) Нѣтъ Зевса, говорилъ Продикъ, потому что никогда не бываетъ дождя безъ облаковъ, а если бы Зевсъ посылалъ дождь, онъ могъ бы, конечно, дѣлать это и при безоблачномъ небѣ..... Не онъ и собираетъ дождевыя облака; ихъ тяжесть влечетъ ихъ другъ къ другу, они сталкиваются и разрываются..... Не Зевсъ, наконецъ, производитъ громъ, но вихрь, который, нагромождая облака одни на другія, заставляетъ ихъ производить громъ, вслѣдствіе ихъ плотно-

---

[1]) Ср. Tustel de Coulanges, lacite antique.
[2]) De natura deorum. 1. 42.
[3]) Dits memorables. 1. 1.
[4]) Птицы Аристоф.

сти» [1]). Продикъ былъ присужденъ выпить ядъ [2]), но будучи хитрѣе и изворотливѣе Сократа, избѣжалъ смерти.

Въ риторикѣ Продикъ настаиваетъ на важности приступа въ рѣчи и доказываетъ, по свидѣтельству Квинтиліана, что ни что такъ не способно привлекать вниманіе судей [3]). Онъ указывалъ выгоды выраженій кстати и, по свидѣтельству Аристотеля, слѣдовалъ своимъ собственнымъ правиламъ, когда кричалъ своимъ слушателямъ, готовымъ заснуть, что онъ сейчасъ откроетъ имъ нѣчто такое, чему училъ обыкновенно только за 50 драхмъ [4]). За такую цѣну давались имъ уроки о прекрасномъ. Сократъ замѣчаетъ, что не можетъ говорить о прекрасномъ, потому что уроки объ этомъ бралъ онъ у Продика только за одну драхму [5]).

Впрочемъ, Продикъ оказалъ заслугу наукѣ не своимъ ученіемъ о происхожденіи боговъ, какъ бы ни было оно замѣчательно, не преподаваніемъ риторики, не апологіями, или трактатомъ «Противъ страха смерти», извлеченіе изъ котораго передаетъ намъ Аксіохъ въ «Лже-Платонѣ»; онъ положилъ начало возрожденію философіи своими изслѣдованіями о точномъ значеніи словъ, ихъ синонимикѣ, крайностяхъ и злоупотребленіяхъ въ пользованіи синонимами [6]). Можетъ показаться страннымъ, конечно, что мы приписываемъ такое важное значеніе изслѣдованіямъ, сдѣлавшимся, въ наше время, столь простыми и элементарными. Но во времена софистики, когда смыслъ выраженій то и дѣло былъ искажаемъ, и прямое значеніе ихъ постоянно измѣнялось, изслѣдованіе о синонимахъ и свойствахъ словъ заключало въ себѣ въ дѣйствительности не иное что, какъ живую картину умственнаго и нравственнаго ученія эпохи и постоянныя ссылки на опытъ и примѣры. Платонъ говоритъ о тонкихъ различіяхъ, какія находитъ Продикъ между выраже-

---

[1]) Les Nuées.
[2]) Suidas, au mot Prodicus.
[3]) Quintil. L. IX. 1.
[4]) Arist. Rhetor. III. 14. 17.
[5]) Platon. Le Cratyle 384.
[6]) Platon. Le Protagoras 340. 350.—le Cratyle 384.—Le Laches 117.—Le Evthydeme 277. 304.

ніями: хотѣніе и желаніе, страхъ и боязнь, а Аристотель, въ своемъ опредѣленіи софизма elenchi, показываетъ намъ, какую пользу философія должна была извлечь отсюда. «Не достаточно ли, говоритъ онъ, простой перемѣны въ произношеніи для того, чтобы одно и тоже слово означало нѣчто иное? Въ своемъ письменномъ начертаніи слово остается неизмѣннымъ и по входящимъ въ составъ его буквамъ и по способу ихъ изображенія; но есть знаки, обусловливающіе при произношеніи измѣненіе въ смыслѣ рѣчи. Правильнымъ расположеніемъ словъ при произношеніи устраняется двоякій смыслъ ихъ. Не одно и тоже сказать: мы видѣли своими глазами такого-то человѣка страдающаго, или сказать: мы видѣли такого-то человѣка страдающаго глазами [1]).

Изслѣдованія Продика послужили исходнымъ пунктомъ для новаго направленія философіи; но самъ онъ оставался тѣмъ не менѣе софистомъ. Его объясненія о происхожденіи боговъ заимствованы изъ современныхъ ему, незначительныхъ или мнимыхъ знаній о природѣ, а его рѣчи и нравоучительныя апологіи основаны на преданіяхъ и легендахъ; ихъ цѣнность не выше той, какую имѣли подобныя же произведенія Протагора. Что касается изслѣдованій Продика о свойствахъ выраженій, то онъ велъ ихъ безъ метода и принципа, запутался въ раздѣленіяхъ и тонкостяхъ, смѣшныя стороны которыхъ указываетъ намъ Платонъ [2]) и примѣръ которыхъ приводитъ Аристотель въ своемъ «Трактатѣ о софизмахъ»: необходимо, говоритъ онъ, обращать вниманіе на то, не признается ли что нибудь случайнымъ признакомъ (акциденціей) самому себѣ [3]), будучи принимаемо за нѣчто иное лишь потому, что имѣетъ иное названіе, какъ, напри-

---

[1]) Arist. De Soph. elench. XX. 5. Одно и тоже слово ὀφθαλμοῖς Аристотель ставитъ въ первой фразѣ съ членомъ τοῖς, а во второй безъ члена.

[2]) Le Protagoras 315.

[3]) Акциденція συμβεβηκός, не есть, по Аристотелю, ни родъ, ни неотъемлемое свойство, ни опредѣленіе вещи: она бываетъ въ вещи, но можетъ быть и не быть въ ней, напримѣръ, бѣлизна. Арист. Soph. 1, 4.

Примѣч. переводч.

мѣръ, Продикъ дѣлилъ наслажденіе на радость, веселіе и довольство. Но все это суть названія того же самаго наслажденія. И такъ, если кто скажетъ, что радость есть случайный признакъ довольства, будетъ говорить, что одно и тоже служитъ случайнымъ признакомъ самому себѣ [1]). Чтобы совершить въ философіи переворотъ, начатый Продикомъ, нужны были не только геній и нравственное величіе Сократа, но и пріобрѣтенное горькимъ опытомъ сознаніе крайностей софистики.

---

[1]) Les Topiques 11. 2.

IX.

Полосъ, Тразимахъ, Антифонъ, Каллисѳенъ.

Когда Аристофанъ излагаетъ въ «Облакахъ» мнѣнія Продика, прикрывая ихъ именемъ Сократа, онъ воспроизводитъ, по крайней мѣрѣ, общій духъ софистики, съ которымъ намѣренъ былъ вступить въ борьбу. Но когда онъ обвиняетъ софистовъ, справедливо и несправедливо, то открываетъ намъ лишь глубокую перемѣну, происшедшую въ нравахъ аѳинянъ. «Я хочу сказать, начинаетъ онъ справедливо, каково было прежнее воспитаніе въ тѣ славные дни, когда я училъ справедливости и когда скромность царила въ нравахъ. Тогда воспитаніе юношества было строгимъ...—Оно образовало воиновъ маравонскихъ. А потому, молодой человѣкъ, не колеблясь, бери меня въ руководители: ты научишься ненавидѣть тяжебныя дѣла, не посѣщать бань, стыдиться безчестныхъ вещей, негодовать, если кто станетъ смѣяться надъ твоей стыдливостью, почтительно вставать предъ стариками..... Если же ты усвоишь нынѣшніе нравы, то скоро у тебя будутъ блѣдный цвѣтъ лица, узкія плечи, впалая грудь; будешь предпочитать теплыя ванны, оставишь занятія гимнастикой, пріобрѣтешь страсть къ публичнымъ мѣстамъ и зрѣлищамъ..... будешь походить на большинство зрителей, слушающихъ насъ». Вкусы и привычки аѳинянъ, дѣйствительно, измѣнились. Огромныя богатства города, пышные праздники, шумные публичные споры, роскошныя театральныя зрѣлища, утонченность частной жизни, развитіе торговли, постепенно возраставшее число рабовъ и иностранцевъ, все это, въ теченіе немногихъ лѣтъ, измѣнило общественный духъ. Блескъ преподаванія софистовъ, ихъ краснорѣчіе, заблужденія и успѣхи лишь увеличивали опасность. Аристофанъ вполнѣ видѣлъ ее; но когда онъ обвиняетъ софистовъ, утверждая, что они были причиной этой опасности,

клевета его становится фальшивой, какъ и его комедія. Еслибъ мы признали вѣрнымъ портретъ софистовъ, нарисованный Аристофаномъ, должны были бы также повѣрить ему на слово, когда онъ рисуетъ во «Всадникахъ» аѳинскій демосъ; тамъ слуги гораздо лучше, чѣмъ господинъ. Но злыя сатиры Аристофана не измѣнили теченія событій.

Началась несчастная пелопонезская война. Главной причиной ея была зависть Греціи къ возраставшему могуществу Аѳинъ; быстро превратилась она, подъ вліяніемъ новыхъ страстей, въ ужасную и всеобщую междоусобную войну [1]). Аѳиняне не стояли уже на высотѣ своей задачи. Периклъ умеръ; началась внезапно моровая язва; кожевникъ Клеонъ принялъ на себя управленіе дѣлами; Алкивіадъ поставилъ свое честолюбіе и тщеславіе главными двигателями аѳинской политики, и ослѣпленный народъ принималъ самыя важныя рѣшенія подъ вліяніемъ тѣхъ же страстей [2]). Аѳинскія войска подвергались нечаяннымъ нападеніямъ, аѳинскіе военачальники терпѣли поряженія; а когда были побѣдителями, ихъ осуждали на смерть, если не убрали съ поля сраженія труповъ убитыхъ, хотя бы причиной тому была непогода [3]). За разореніемъ Сициліи послѣдовали:

---

[1]) Thucydide III. 83.

[2]) Ср. La decision de la guerre de Sicile. Thucyd. VI. 24.

[3]) Погребеніе мертвыхъ считалось у грековъ священною обязанностью; народъ вѣрилъ, что тѣни непогребенныхъ на цѣлое столѣтіе лишаются покоя и блуждаютъ по берегамъ Стикса. Послѣ аргинузской битвы поднялась сильная буря, помѣшавшая навархамъ собрать тѣла убитыхъ. За это навархи были преданы суду. На судѣ свидѣтельскими показаніями была вполнѣ доказана невиновность наварховъ и народъ несомнѣнно оправдалъ бы ихъ, если бы вопросъ о винѣ ихъ былъ пущенъ на голоса немедленно. Но завистники славы наварховъ нашли предлогъ отложить дѣло до другаго дня и употребили всѣ средства къ тому, чтобы воспламенить народныя страсти... Случилось такъ, что на другой день эпистатомъ (предсѣдателемъ народнаго собранія) былъ Сократъ. Видя несправедливость дѣла, Сократъ отказался пустить вопросъ на голоса, не смотря на угрозы взволнованнаго народа. Вслѣдствіе этого рѣшеніе дѣла опять было отложено. На третій день, когда предсѣдательствовалъ другой эпистатъ, невинные навархи были осуждены.

Примѣч. переводч.

олигархическій заговоръ, завоеваніе города, тридцать тиранновъ, возвращеніе демагогіи, и раздраженные несчастіями, аѳиняне сдѣлались тѣмъ нетерпѣливымъ, нервнымъ, непостояннымъ народомъ, лихорадочныя черты котораго даютъ намъ видѣть ораторы. Долгое время, однако, аѳиняне сохраняли еще благородныя качества великодушія, самопожертвованія и преданности. Не смотря на свои страданія, они не заключаютъ мира, не желая заключать его на унизительныхъ условіяхъ; распоряженіе объ избіеніи жителей Митилены не даетъ имъ покоя и они отмѣняютъ его на другой день; послѣ разоренія Сициліи и возмущенія Хіоса, аѳиняне принимаютъ самыя мудрыя мѣры и воодушевляются своей древней героической энергіей [1]). Но у нихъ не было руководителей и они не могли найти ихъ, за исключеніемъ или неспособныхъ, какъ Никіасъ, или развращенныхъ, какъ Алкивіадъ, или вѣроломныхъ, какъ Фриникъ, или измѣнниковъ, какъ Пизандръ [2]). Какъ растенія увядаютъ, начиная съ цвѣтовъ, такъ угасаютъ и народы, начиная съ ихъ вождей. Воспитаніе образуетъ народы, передаетъ младшимъ поколѣніямъ умственныя преданія и развиваетъ патріотическія чувства; образованіе даетъ государственныхъ людей, знакомитъ ихъ съ наличными силами государства и способами наилучшаго пользованія ими. Когда воспитаніе и образованіе извращены, двѣ главныя артеріи, поддерживающія жизнь государствъ, прекращаютъ свою дѣятельность.

Доктрины софистовъ и реакція противъ ихъ крайностей дадутъ Греціи Сократа, Платона и Аристотеля, обученіе ораторскому искусству дастъ ей Эсхила и Демосѳена, уроки грамматики и стилистики—Ѳукидида и Ксенофонта; но аѳиняне уже не найдутъ великихъ государственныхъ людей. Простота нравовъ исчезла, республиканское правленіе становилось болѣе и болѣе труднымъ; въ тоже время софисты продолжали искать могущество и силу отечества только въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ о нравственности, думая, что краснорѣчіе и популярность достаточны для управленія на-

[1]) Ср. Thucydide VIII. 2. 15.—Niebuhr. Alt Geschichte II. 168.

[2]) Thucydide VIII. 3. 54.

родами; не въ такой, конечно, школѣ могли образоваться Солоны и Ѳемистоклы.

Полосъ агригентскій, котораго Платонъ ставитъ наравнѣ съ Продикомъ и Горгіасомъ [1]), былъ несдержанный ораторъ и пользовался нѣкоторой извѣстностью, какъ писатель, хотя и злоупотреблялъ, кажется, образами, сентенціями и повтореніями словъ; Платонъ называетъ его рѣчи *храмомъ музъ* [2]). Подобно Протагору, онъ отличался въ описаніи пороковъ и добродѣтелей и выводилъ общественную и государственную жизнь изъ чувства справедливости. «Справедливость, по его мнѣнію, заслуживаетъ названія матери и кормилицы всѣхъ другихъ добродѣтелей. Безъ нея невозможно быть ни умѣреннымъ, ни мужественнымъ, ни благоразумнымъ, потому что она вноситъ гармонію, миръ и порядокъ во всю душевную жизнь..... Другія добродѣтели полезны лишь въ томъ или иномъ отношеніи и касаются только отдѣльныхъ лицъ; а справедливость оказываетъ вліяніе на всѣ стороны жизни и даетъ себя чувствовать множеству людей. Она управляетъ вселенною, съ неограниченной властью; она—провидѣніе, гармонія и, наконецъ, правосудіе ея. Такъ опредѣлили боги-благодѣтели. Въ государствѣ она называется не безъ основанія миромъ и хорошимъ закономъ. Въ семьѣ отъ нея зависитъ взаимное согласіе мужа и жены, любовь слугъ къ своимъ господамъ, заботливость господъ о своихъ слугахъ. Она управляетъ и сохраняетъ и цѣлое и части; утверждая всюду царство согласія и дружбы» [3]). Кто изъ нашихъ доктринеровъ не гордился бы, написавъ такую превосходную страницу? Къ сожалѣнію, не краснорѣчивыя страницы, не мечты о возвышенныхъ чувствахъ или идеальныхъ учрежденіяхъ, образуютъ государственныхъ людей. Имъ необходимо глубокое изученіе умственныхъ и нравственныхъ силъ и средствъ народовъ, чтобы управлять сообразно съ учрежденіями, къ какимъ народы способны; но когда Аристотель подастъ примѣръ такого изу-

---

[1]) Le Theages 454.
[2]) Le Phedon 247, 448.—Le Gorgias 356. 396. 448.
[3]) Le Scoliaste c. II.

ченія, будетъ уже слишкомъ поздно,—Греція уже перестанетъ существовать.

Полосъ былъ такъ далекъ отъ пониманія условій, необходимыхъ для осуществленія справедливости между людьми, что риторику, въ которой софисты, между прочимъ, учили своихъ учениковъ искусству говорить предъ народомъ и управлять имъ, считалъ лишь искусствомъ хорошо располагать слова и фразы [1]). Онъ издалъ трактатъ о матеріи и хвастался, что первый сдѣлалъ краснорѣчіе искусствомъ [2]). Вѣроятно, сдѣланное имъ, опредѣленіе краснорѣчія, было такимъ же блестящимъ описаніемъ, какъ и описаніе справедливости; но въ сущности оно не могло быть отличнымъ отъ того, какое даетъ намъ Платонъ. Неопредѣленный характеръ его понятія о справедливости препятствовалъ ему понять болѣе практически и самую науку, знаніемъ которой онъ наиболѣе славился.

Тразимахъ халкидонскій, изобрѣтатель прозаическаго ритма, [3]) имѣлъ, повидимому, болѣе практическій взглядъ на государственное управленіе. По его опредѣленію, справедливое, есть то, «что полезно сильнѣйшему», а подъ сильнѣйшимъ онъ разумѣлъ правительство, утвердившееся въ каждомъ государствѣ, тираннію въ однихъ, демократію въ другихъ, аристократію въ третьихъ. Несправедливы, по его мнѣнію, тѣ, которые заботятся исключительно о личной пользѣ, эксплоатируютъ другихъ, пріобрѣтаютъ богатство и благосостояніе на счетъ справедливыхъ. Поэтому, для водворенія порядка въ государствахъ, необходимо, чтобы справедливые и слабые повиновались правителямъ и дѣлали все, что можетъ способствовать успленію ихъ власти въ борьбѣ съ преступленіями несправедливыхъ. Но для Платона легко было доказать Тразимаху, что если сами правители государства не принадлежатъ къ числу справедливѣйшихъ людей, то государства приходятъ въ растройство и общество перестаетъ существовать. Вѣдь и шайки разбойниковъ, со-

---

[1]) Platon, le Gorgias 462.
[2]) Ibid 415. 417.
[3]) Ciceron. de Oratore 111. 41.

вершающихъ несправедливости по отношенію ко всѣмъ, соблюдаютъ справедливость относительно другъ друга» [1]).

Антифонъ аѳинскій даетъ намъ мѣру для оцѣнки политическаго знанія софистовъ. «Онъ былъ, говоритъ Ѳукидидъ, правой рукой Пизандра въ олигархическомъ заговорѣ; а именно онъ организовалъ этотъ заговоръ и принималъ въ немъ самое горячее участіе. Будучи однимъ изъ даровитѣйшихъ аѳинянъ своего времени, онъ отличался большою ловкостью какъ въ изобрѣтеніи средствъ, такъ и въ искусствѣ слова. Никогда онъ не бралъ на себя почина въ собраніяхъ, или въ какомъ нибудь спорѣ; народъ не довѣрялъ ему, зная силу его краснорѣчія; никто не былъ способнѣе его давать хитроумные совѣты какъ тѣмъ, кому предстояло защищаться предъ судомъ, такъ и тѣмъ, кто хотѣлъ держать рѣчь въ народномъ собраніи. Когда совѣтъ 400 [1]) палъ и члены его подверглись преслѣдованію со стороны демократіи, Антифонъ защищался лучше всѣхъ и избѣжалъ смертной казни» [2]).

Каллисѳенъ, послѣдній изъ великихъ софистовъ, имя котораго заслуживаетъ упоминанія, возвелъ личное поведеніе Антифона на степень доктрины. Нужно, говоритъ онъ, отличать справедливость, какъ опредѣляетъ ее законодательство, отъ справедливости естественной. Послѣдняя составляетъ единственное—первоначальное и истинное право; по этому, именно, праву, всюду люди умные и сильные должны господствовать надъ другими. Во имя этого права Ксеркъ объявилъ войну Греціи, его отецъ напалъ на страну скиѳовъ; на немъ же основываются государства и семейства. Если бы даже слабые и народная масса устанавливали законы, опредѣляли, что̀ похвально и что̀ дурно, сообразно съ своими собственными выгодами, и тогда они не смогли бы уничтожить этотъ законъ природы, по которому лучшіе, умнѣйшіе и храбрѣйшіе стоятъ выше ихъ и господствуютъ

---

[1]) De la Republique 1. 343.

[2]) Разумѣется совѣтъ 400, смѣнившій на нѣкоторое время демократическое правленіе въ Аѳинахъ, въ концѣ пелопонезской войны. Примѣч. переводч.

[3]) Thucydide VIII. 68.

надъ ними» [1]). Сила есть право. Но сила перестаетъ быть правомъ, если не преобладаетъ надъ нимъ. Вотъ другой софизмъ, сдѣлавшійся знаменитымъ въ наше время.

Когда Іоганнъ Христіанъ Вольфъ, основатель нѣмецкой софистики, смѣшалъ въ 1740 году естественныя обязанности съ естественными правами, онъ не подозрѣвалъ, что его софизмъ приведетъ во Франціи къ Соціальному контракту, а въ его отечествѣ къ афоризму: сила выше права. Когда Гегель утверждалъ, что древніе софисты научили грековъ руководиться въ своей дѣятельности свободнымъ мышленіемъ, а не оракулами, обычаями, страстями и мимолетными впечатлѣніями, онъ опустилъ изъ виду, что если ученія софистовъ вели къ ослабленію обычаевъ и вѣрованій, то должны были повести, въ концѣ концовъ, къ признанію всѣхъ страстей дозволенными, всѣхъ преступленій законными. Ѳукидидъ лучше понималъ послѣдствія софистическихъ ученій, когда рисовалъ потрясающую картину греческихъ междуусобныхъ войнъ. «Чѣмъ продолжительнѣе была борьба, говоритъ онъ, тѣмъ болѣе обнаруживались вѣроломство при нападеніяхъ и жестокость мести. Общепринятый смыслъ словъ утратился. Хвастовство смѣшивалось съ дѣйствительнымъ достоинствомъ, осторожность казалась трусостью, безразсудная отвага — мужественнымъ самопожертвованіемъ... даже узы кровнаго родства были попираемы ногами и согласіе между партіями, имѣвшими въ виду не общій интересъ, а удовлетвореніе личныхъ честолюбій поддерживалось только общностью преступленій» [2]). Можно подумать, что эти строки написаны въ нашемъ вѣкѣ; въ дѣйствительности онѣ написаны въ вѣкъ Перикла. Такое быстрое общественное и политическое разложеніе Греціи и Аѳинъ поразительно.

Крайне либеральное и демократическое государственное устройство Аѳинъ было хорошо лишь до тѣхъ поръ, пока геній правителей и устойчивыя преданія народа поддерживали его; но когда наступило время бѣдствій и нравы испортились, оно открыло широкій просторъ всевозможнымъ зло-

---

[1]) Platon, le Gorgias 482, 483.
[2]) Thucydide III. 42.

употребленіямъ. Избраніе должностныхъ лицъ по жребію изъ гражданъ, не имѣвшихъ ни прежней доблести, ни знанія писаннаго законодательства, ни другой гарантіи противъ опасныхъ новыхъ законовъ, кромѣ отвѣтственности ихъ составителей; доносъ, сдѣлавшійся роковымъ слѣдствіемъ этого, тайныя общества, составлявшіяся съ цѣлію обезпечить за собою голоса въ народныхъ собраніяхъ и судахъ, при разборѣ тяжебныхъ дѣлъ; молодежь скороспѣлая и буйная, учившаяся у софистовъ и, благодаря легкости возвышенія, наводнившая народныя собранія и суды, — вотъ неизбѣжныя слѣдствія либерализма государственнаго устройства. Они убили бы всякій другой народъ, даже гораздо скорѣе, чѣмъ аѳинянъ [1]). Подпавшій подъ власть своихъ ораторовъ, ослѣпленный сикофантами, сбитый съ пути софистами, этотъ несчастный народъ остался, тѣмъ не менѣе, достойнымъ удивленія въ самомъ паденіи своемъ. Онъ хранилъ еще воспоминаніе объ умственномъ и нравственномъ величіи, создавшемъ чудеса въ эпоху его блеска.

---

[1]) Жалобы Аристофана на вліяніе молодыхъ людей на дѣла—постоянны (См. les Acharniens, les Chevaliers, l' Assemblés des femmes).

X.

Сократъ.

Аристофанъ считалъ Сократа опаснѣйшимъ изъ софистовъ, котораго справедливо приговорили судьи къ смерти (выпить ядъ) за отрицаніе отечественныхъ боговъ; Г. Гротъ видитъ въ Сократѣ, какъ бы пророка и называетъ его знаменитѣйшимъ изъ софистовъ [1]); наши идеалисты, наоборотъ, считаютъ Сократа заклятымъ врагомъ софистовъ и отцемъ идеалистическихъ началъ и ученія. Величіе генія Сократа не поддается, повидимому, точному измѣренію. Онъ ведетъ борьбу съ софистами, но остается товарищемъ ихъ, посылаетъ къ нимъ учениковъ и самъ—ученикъ ихъ [2]). Какъ философъ, онъ не вѣритъ въ олимпійскихъ боговъ, но въ тоже время вѣритъ во множество боговъ, въ предзнаменованія и оракуловъ [3]). Какъ мудрецъ, онъ утверждаетъ, что лучше терпѣть страданіе, чѣмъ причинять его [4]), и въ тоже время учитъ гетеру Ѳеодоту искусству нравиться [5]). Страстно преданный истинѣ, онъ доказываетъ, однако, что намѣренный лжецъ лучше лжеца невольнаго [6]). Будучи храбрымъ воиномъ, онъ полагаетъ храбрость въ знаніи опасности [7]). Помогаетъ Эврипиду своими совѣтами [8]), но презираетъ поэтовъ и поэзію. Музы Акрополя, говорятъ, были дѣломъ его рукъ [9]); но онъ низко цѣнитъ искусства и художниковъ. Рѣчь его

---

[1]) G. Grote. Hystory of Grece. VII. 499.
[2]) Platon. Le Menon 264; le Cratyle 384; le Grand Hippias 282.
[3]) Xenophon. Dits memorables J. I.
[4]) Platon. Le Criton 49.
[5]) Xenophon. Dits memorabls III. II.
[6]) Platon. Le Petit Hippias.—Xenophon. Dits memor. IV. 2.
[7]) Xenophon ib. V. 3.
[8]) Diogene de Laerte. II. 4.
[9]) Idem, ibid.

неотразима подобно рѣчи Улисса [1]); онъ убѣждаетъ, въ чемъ захочетъ, и въ тоже время осыпаетъ насмѣшками ораторовъ и ихъ красивыя рѣчи. Проводя цѣлые дни въ размышленіяхъ, довольствуется, однакоже, самыми простыми примѣрами и доказательствами. Владѣя всѣми знаніями своего времени, отказывается сообщать ихъ своимъ ученикамъ [2]). Простой въ образѣ жизни и иногда даже вульгарный, не въ дурномъ смыслѣ, онъ воплощаетъ въ себѣ все прекрасное, все величіе Греціи [3]). Таковъ былъ сынъ Финареты, повивальной бабки. Удастся ли намъ объяснить его характеръ, знаніе, искусство и значеніе для современниковъ и потомства?

Протагоръ признавалъ ощущеніе мѣрою вещей; Горгіасъ оспаривалъ возможность достовѣрнаго знанія о бытіи; Продикъ пытался опредѣлить точное значеніе словъ; идеи смѣшивались въ эклектизмѣ Ипніаса, какъ и въ эристикѣ Эвтидема; смыслъ понятій былъ извращаемъ не только сообразно съ заблужденіями представителей философскаго мышленія, но и въ угоду честолюбію ихъ учениковъ и страстямъ политическихъ партій. Является Сократъ. Воспитанный въ духѣ доктринъ V вѣка, онъ былъ знакомъ съ ученіями Гераклита и Парменида [4]); видѣлъ образованіе школъ элеатской и іонійской и переходъ ихъ отъ софистики къ эристикѣ; былъ свидѣтелемъ ихъ заблужденій и крайностей, и въ тоже время видѣлъ начало разложенія своего отечества и отчетливо понималъ причины этого разложенія [5]). При такихъ обстоятельствахъ, имѣй Сократъ хотя небольшое честолюбіе или малѣйшую слабость, и онъ вмѣсто того, чтобы господствовать надъ мыслью своего времени, былъ бы увлеченъ ею; сдѣлался бы публичнымъ ораторомъ, возвысился бы до званія архонта или стратега, льстилъ бы народу и подвергся бы общей испорченности. Но съ умственнымъ величіемъ соединялось въ Сократѣ нравственное величіе.

---

[1]) Xenophon. Dits memorab. IV. 7.
[2]) Idem, ibid. I. I.
[3]) Diogene de Laerte II. 4.
[4]) Platon, le Parmenide, 128.
[5]) Ср. Xenophon. Dits memorables III. 4.

Мы говорили уже о могуществѣ синтеза геніальныхъ людей [1]); никто не владѣлъ имъ болѣе Сократа; твердою рукой онъ принялся за дѣло умственнаго и нравственнаго возрожденія Греціи.

Чтобы пожемъ легко было подрѣзывать вѣтви дерева, онъ долженъ имѣть форму рѣзца; для изготовленія хорошихъ воинскихъ доспѣховъ необходимо оружейному мастеру приспособлять ихъ къ формамъ тѣла, врачъ можетъ вылечивать отъ недуговъ лишь подъ условіемъ знанія болѣзни и лекарства; кормчій можетъ хорошо править кораблемъ въ томъ только случаѣ, если онъ опытенъ въ мореплаваніи. Эти элементарныя истины кажутся намъ оригинальностью сократова ума. Мы пользуемся громкимъ именемъ опыта, любимъ ссылаться на безсмертныя открытія естественныхъ наукъ: но дѣйствительный и обширный опытъ, опытъ ежедневный, остается непонятнымъ для насъ, и самыя простыя условія истины ускользаютъ отъ насъ. Сократъ—первый и, быть можетъ, онъ одинъ, понялъ, что мышленіе въ области самыхъ широкихъ и отвлеченныхъ умозрѣній своихъ подчинено тѣмъ же законамъ достовѣрности, что и въ самой простой и обычной своей дѣятельности. Ножъ, чтобы быть хорошимъ, долженъ быть приспособленъ къ его назначенію; горшокъ, чтобы быть пригоднымъ, долженъ быть приспособленъ къ его употребленію; точно также—понятіе, чтобы быть истиннымъ, должно соотвѣтствовать своему предмету. Таково было опредѣленіе истины у Сократа, исключавшее возможность дать ей какое либо иное опредѣленіе. Мы прилагаемъ нѣкоторыя понятія къ различнымъ предметамъ. Мы называемъ прекраснымъ горшокъ, приспособленный къ его назначенію,—прекрасною статую, всѣ части которой соотвѣтствуютъ одна другой и той цѣли, которую имѣлъ въ виду художникъ; точно также мы называемъ прекрасною красивую женщину, говоримъ о богахъ, что они еще прекраснѣе; но для того, чтобы составить правильное понятіе о прекрасномъ, необходимо выдѣлить изъ всѣхъ этихъ предметовъ, безъ исключенія, то именно, за что мы называемъ

[1]) Introduction p. 6.

ихъ прекрасными, не обращая вниманія на случайности и минутныя впечатлѣнія, при которыхъ и дурныя вещи могутъ показаться намъ прекрасными [1]). Тоже самое необходимо для образованія понятій о справедливомъ, добромъ, полезномъ и всѣхъ вообще понятій, служащихъ основою для нашихъ познаній. Къ этому именно и стремился Сократъ. По свидѣтельству Ксенофонта, «Сократъ бесѣдовалъ всегда о томъ, что имѣетъ значеніе для человѣческой жизни,—о томъ, что такое благочестіе и нечестіе, честность и безчестіе, справедливость и несправедливость,—въ чемъ состоитъ мудрость и глупость, мужество и малодушіе, что такое государство и какимъ долженъ быть государственный человѣкъ, что такое правительство и какъ должно управлять» [2]). Ни ученія нашихъ идеалистовъ, ни доктрины нашихъ сенсуалистовъ не имѣютъ въ виду этой глубокой мысли Сократа. Но когда Стевэнъ и Галилей, Тихо-Браге и Кеплеръ стремились открыть, среди неуловимыхъ и постоянно мѣняющихся явленій небесныхъ и земныхъ, общіе законы, остающіеся при всѣхъ обстоятельствахъ непзмѣнными, они имѣли въ виду тоже, что и Сократъ, и шли къ цѣли тѣмъ же путемъ. Сходство метода становится особенно поразительнымъ, когда вспомнимъ о той конкретной, пластичной формѣ, въ какой греки представляли общія понятія. Стремиться, посредствомъ кропотливаго и постояннаго наблюденія фактовъ и предметовъ, къ опредѣленію того, почему они кажутся намъ прекрасными, добрыми, справедливыми, полезными, истинными,—къ уясненію понятій, служащихъ основой нравственности и политикѣ, изученію искусствъ и наукъ, познаніямъ о природѣ и практической жизни,—это значило изслѣдовать ихъ роды [3]) и ихъ различія, и полагать твердыя устои знанію. Въ этомъ заключался подвигъ возрожденія греческой мысли.

Только чрезъ постепенную выработку точныхъ и полныхъ понятій о взаимныхъ отношеніяхъ между вещами,

---

[1]) Ср. Platon, le Grand Hippias.
[2]) Xenophon. Dits memorables 1. 1.
[3]) Xenophon. Memoires 1, 1.

человѣческій умъ доходитъ до общихъ научныхъ понятій. Тѣ понятія, какими владѣетъ необразованный человѣкъ, напримѣръ, о соли, камнѣ, животномъ, безконечно бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ понятія химика, или натуралиста; въ содержаніе послѣднихъ вошли всѣ пріобрѣтенія, добытыя естественными науками въ теченіе вѣковъ. Всякій, кто желаетъ хотя нѣсколько понять великую цѣль философствованія Сократа, не долженъ ни на минуту терять изъ виду этотъ характеръ общихъ понятій.

Намъ извѣстны теперь, помимо общихъ понятій о вещахъ, законы, опредѣляющіе и самыя сложныя и самыя простыя отношенія между ними. Было бы неразумно, конечно, требовать отъ Сократа, чтобы онъ открылъ эти законы; но его взглядъ на общія понятія и раскрытіе ихъ путемъ изслѣдованія и наблюденія служили подготовительною ступенью для всѣхъ новѣйшихъ открытій. Успѣхи, ежедневно достигаемые нами въ научной области, стоятъ въ зависимости отъ великихъ открытій XVI-го столѣтія; открытія XVI-го столѣтія подготовлены долгими работами схоластиковъ и арабовъ, черпавшихъ полными руками изъ компиляцій римскихъ писателей эпохи паденія; римскіе писатели были не болѣе какъ передатчики знаній Архимеда, Иппарха, Эвклида, Евдокса, Θеофраста, близко примыкавшихъ къ Аристотелю и Платону; а ученія сихъ послѣднихъ имѣли для себя исходнымъ пунктомъ философію Сократа. Такимъ образомъ, если современная цивилизація обязана своими вѣрованіями христіанству, то своею наукой она обязана Сократу; онъ первый опредѣлилъ существенныя свойства научнаго знанія и указалъ вѣрный путь къ нему.

Пространныя философскія бесѣды Сократа, соединенныя съ самыми простыми разсужденіями изъ области практической жизни, не должны, поэтому, удивлять насъ. Поваръ владѣетъ наилучшимъ понятіемъ о поваренномъ искусствѣ, такъ какъ онъ знаетъ всѣ блюда и вкусы гостей; медикъ лучше, чѣмъ кто либо, знаетъ все, касающееся здоровья, такъ какъ знаетъ болѣзни и лекарства; точно также всякій, кто хочетъ преподавать какую либо науку, долженъ владѣть самымъ совершеннымъ общимъ понятіемъ о ней, пріобрѣ-

теннымъ чрезъ изученіе всѣхъ данныхъ, входящихъ въ ея составъ. Истина состоитъ въ согласіи идеи съ ея предметомъ, а наука—въ согласіи всѣхъ частныхъ ея данныхъ съ общимъ понятіемъ, въ ней заключающимся. Горгіасъ, имѣющій притязаніе обучать искусству управленія людьми посредствомъ слова, долженъ знать, что такое справедливость; Протагоръ, желающій учить мудрости, долженъ знать, что есть благо; Ипніасъ, бесѣдующій объ искусствахъ и наукахъ, долженъ знать, что есть прекрасное; Алкивіадъ, стремящійся достигнуть государственной власти, долженъ учиться, чтобы знать механизмъ и средства государства. Въ виду софистическихъ заблужденій, подобныя требованія произвели полный переворотъ въ наукѣ мышленія.

Дельфійскій оракулъ провозгласилъ Сократа мудрѣйшимъ изъ грековъ [1]). Сократъ страстно увлекается своимъ высокимъ призваніемъ, идетъ къ гетерѣ Θеодотѣ, къ оружейнику Пистіасу [2]), къ художникамъ, поэтамъ, ораторамъ, и убѣждается, что всѣ они, претендуя блистать своимъ искусствомъ, ремесломъ, или наукой, не знаютъ даже того, въ чемъ состоитъ ихъ искусство, ремесло, наука. Для Сократа знаніе стало всѣмъ: «оно—единственное благо, а невѣжество—единственное зло» [3]). Лжецъ сознательный кажется ему лучше лжеца безсознательнаго, потому что первый, по крайней мѣрѣ, знаетъ истину [4]); Сократъ полагаетъ мужество въ знаніи опасности, потому что безотчетное мужество кажется ему свойственнымъ животному. Лишь благодаря знанію суетности богатства и пагубнаго вліянія страстей, мудрецъ умѣетъ довольствоваться немногимъ и дѣлается счастливѣйшимъ изъ людей [5]); только благодаря пониманію красоты правды, онъ готовъ скорѣе терпѣть страданіе, чѣмъ быть его причиной [6]). Добродѣтель, справедливость, благо,

---

[1]) Xenophon. Dits memorables IV. 3.
[2]) Id. ib. III. X.
[3]) Diogéne de Laerte 11. 4.
[4]) Ксенофонтъ согласно съ Платономъ передаетъ это мнѣніе Сократа. (См. p. 116. note 1).
[5]) Xenophon. Dits memorables 1. 4.
[6]) Platon, le Criton, 49.

красота отождествляются Сократомъ съ нашимъ знаніемъ о нихъ.

Сократъ не желалъ вести съ своими учениками бесѣды о явленіяхъ небесныхъ, хотя, по свидѣтельству Ксенофонта, очень хорошо былъ съ ними знакомъ. Онъ не находилъ никакого отношенія между очевидными фактами практической жизни и мечтательными умозрѣніями эпохи. «Нисколько нерасположенный разсуждать, подобно многимъ другимъ, о природѣ вообще,—изслѣдовать происхожденіе того, что софисты называютъ міромъ, и искать причинъ образованія небесныхъ тѣлъ, Сократъ доказывалъ неразуміе людей, увлекающихся подобными умозрѣніями..... Онъ удивлялся, какъ они не поймутъ, что человѣку нельзя проникнуть въ эти тайны: люди, хвастающіеся своимъ умѣньемъ говорить о нихъ, не могутъ придти ни къ какому соглашенію въ своихъ воззрѣніяхъ и походятъ на глупцовъ..... Въ своихъ безпокойныхъ попыткахъ познать природу, одни утверждаютъ, что есть только одна сущность, другіе, что сущностей безконечное число; одинъ увѣряетъ, что все находится въ постоянномъ движеніи, другой—что ни что не движется; одни доказываютъ, что все раждается и погибаетъ, другіе—что ни что не зараждается и ни что не разрушается [1]). По той же причинѣ, Сократъ полагалъ, что достаточно знать изъ геометріи только то, что необходимо для измѣренія полей. Вездѣ, гдѣ непосредственная очевидность ускользала отъ его взора, онъ останавливался и сознавался въ своемъ незнаніи.

По тѣмъ же побужденіямъ, Сократъ не придавалъ особеннаго значенія отвлеченнымъ и безусловнымъ понятіямъ. Онъ ясно видѣлъ, что истинное знаніе состоитъ въ согласіи понятій между собою, прекрасное—въ гармоніи впечатлѣній, добро—въ согласіи людей другъ съ другомъ; онъ далъ образцы правильной индукціи Платону, оставилъ типы вѣрныхъ умозаключеній Аристотелю; но не подмѣтилъ, какимъ образомъ тѣ и другіе имѣютъ свой источникъ въ его собственномъ мышленіи. Онъ остался человѣкомъ чисто прак-

[1]) Xenophon. Dits memorables 1, 4.

тическаго знанія, глубоко понимая все его величіе и характерныя особенности.

Доказательства существованія Провидѣнія, приводимыя Сократомъ, почерпались имъ въ аналогіяхъ конкретнаго міра. «Ты знаешь, говорилъ онъ, что душа, заключенная въ твоемъ тѣлѣ, управляетъ имъ, какъ ей угодно. Точно также, надо полагать, и мудрость, присущая всему существующему, управляетъ этой великой вселенной по своей волѣ. Да и можетъ ли быть иначе? Если твой глазъ можетъ видѣть на нѣсколько стадій впередъ, ужели око божіе не можетъ обнять все существующее? Если твой умъ можетъ думать одновременно объ Аѳинахъ, Египтѣ и Сициліи, почему же умъ божій не можетъ мыслить одновременно обо всемъ существующемъ?» [1]) Самая вѣра Сократа во множество боговъ, оракуловъ и предзнаменованія не имѣла иного основанія, кромѣ характеристическихъ особенностей его знанія. «Мы должны вопрошать боговъ, говоритъ онъ, только о вещахъ, недоступныхъ нашему знанію; но безумно дѣлать это относительно вещей, доступныхъ нашему пониманію и нашимъ силамъ» [2]). Онъ былъ послѣдователенъ до конца и въ самыхъ исканіяхъ истины остался аѳинянином и грекомъ.

Софисты, запутавшіеся въ безпорядочныхъ умствованіяхъ, называли ироніей признаніе Сократа въ своемъ незнаніи. Но добросердечіе остроумнѣйшаго изъ аѳинянъ было совершенно чуждо того презрительнаго чувства личнаго превосходства, которое, въ наше время, сдѣлалось источникомъ ироніи.

Мы можемъ до извѣстной степени дать себѣ отчетъ въ знаніи и методѣ Сократа; но его діалектика, его искусство въ словѣ, не поддается точному опредѣленію, потому что, намъ трудно составить ясное представленіе о глубокомъ пониманіи Сократомъ людей и обстоятельствъ своего времени. Разсуждать съ людьми съ такою легкостью, какъ дѣлалъ

---

[1]) Xenophon. Dits memorables 1, 4.
[2]) Platon. De la Republique 1. 337.

это Сократъ, и направлять умы собесѣдниковъ, посредствомъ ихъ же собственнаго размышленія, къ тому заключительному выводу, какого онъ желалъ, возможно было лишь при томъ условіи, чтобы ни одна мысль ихъ не укрылась отъ него, ни одна черта ихъ характера не ускользнула отъ его вниманія. Это составляло тайну генія Сократа. Искусствомъ ставить вопросы и давать точные отвѣты владѣли въ совершенствѣ Протагоръ и Горгіасъ; искусство Сократа было совсѣмъ иного рода. Платонъ въ «Пирѣ» описываетъ намъ чудесное обаяніе, какое производило оно на умы; Ксенофонтъ также даетъ намъ, быть можетъ, наиболѣе точное понятіе о немъ въ *своихъ «Бесѣдахъ»*, столь простыхъ и увлекательныхъ, особенно въ бесѣдѣ молодаго Эвтидема, которому Сократъ доказываетъ его невѣжество [1]). Бесѣдуя съ каждымъ о томъ, что считалъ всего лучше извѣстнымъ ему, Сократъ открывалъ своему собесѣднику, посредствомъ самыхъ простыхъ, повидимому, вопросовъ, истины, которыми тотъ владѣлъ, тѣ сокровища знанія, которыя смутно понимались имъ. Вся жизнь Сократа была свѣтлымъ образцомъ строгаго выполненія изреченія, начертаннаго на дельфійскомъ храмѣ: познай самого себя. Онъ презиралъ длинныя рѣчи, въ которыхъ софизмъ прикрывается многословіемъ, ошибка прячется подъ образомъ, невѣжество становится неуловимымъ въ быстромъ потокѣ фразъ. На каждый свой вопросъ предугадывалъ отвѣтъ; благодаря этому, онъ незамѣтно овладѣвалъ умами собесѣдниковъ, чтобы направлять ихъ сообразно съ своими цѣлями; освобождалъ ихъ, какъ говоритъ Платонъ, отъ гордаго самомнѣнія, показывая, что они знали только то, что дѣйствительно знали, но не болѣе, и это было самое пріятное и прочное освобожденіе [2]). Сократъ говорилъ, что діалектическому искусству, о которомъ мы можемъ составить лишь весьма неясное понятіе, научился онъ у своей матери, повивальной бабки, и что это было искусство помогать уму рождать мысль [3]). Платонъ извлекъ

---

[1]) Xenophon. Dits memorables IV. 2
[2]) Cit. p. 70.
[3]) Platon, le Théétete 150.

отсюда свое знаменитое опредѣленіе индукціи; но самъ Сократъ никогда не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ инстинктивномъ тактѣ и непосредственномъ знаніи, благодаря которымъ онъ овладѣвалъ и руководилъ умами.

Что Сократъ, дѣйствительно, не давалъ себѣ отчета въ своемъ необыкновенномъ могуществѣ, это указываетъ намъ его вѣра въ своего добраго генія—(демонъ Сократа). Обвинительный актъ ставитъ ему въ вину эту вѣру; объ ней передаетъ намъ и Ксенофонтъ [1]); Платонъ въ выраженіяхъ почти тождественныхъ говоритъ, что его учитель никогда не ошибался въ своихъ совѣтахъ, дававшихся имъ какъ бы по внушенію своего демона [2]). Очевидно, вѣра Сократа въ демона [3]) не была ни особаго рода галлюцинаціею: послѣдняя часто обманывала бы его; ни тѣмъ глубокимъ вѣрованіемъ, какое имѣли пророки: такая вѣра поглотила бы всецѣло его жизнь и мысль. Потому, мы не можемъ объяснить ее въ Сократѣ иначе, какъ инстинктивнымъ пониманіемъ людей и обстоятельствъ своего времени. Этому онъ былъ обязанъ своими предвидѣніями, удивлявшими его самого; привыкнувъ къ нимъ и не зная ихъ истинной причины, Сократъ приписывалъ ихъ внушеніямъ высшаго духа, тогда какъ они были лишь естественнымъ плодомъ въ высокой степени вѣрной и свѣтлой его мысли. Впрочемъ, тотъ фактъ, что Сократъ не давалъ себѣ отчета въ своемъ геніѣ, доказывается, быть можетъ, лучше всякихъ выдержекъ изъ Платона и Ксенофонта, мнѣніемъ Сократа, что добродѣтель есть предметъ знанія и что лжецъ намѣренный лучше лжеца невольнаго. Еслибъ у другихъ онъ не замѣчалъ могущества инстинктовъ и характера, вліянія привычекъ и страстей, какимъ образомъ онъ могъ бы замѣтить ихъ у самого себя? Его задачею было, прежде всего, исканіе истиннаго знанія;

---

[1]) Xenophon. Dist memorables 1. 1.

[2]) Le Phedon 242.

[3]) Шлейермахеръ (Platons Werke 1, 2, 432) и Целлеръ (Phil. der Gr. 2 th. 64) смотрятъ на сократова демона, какъ на вдохновеніе, казавшееся Сократу какъ бы божественнымъ голосомъ. Гротъ видитъ въ Сократѣ особаго рода пророка.

Примѣч. переводч.

но въ тѣхъ вопросахъ, рѣшенія которыхъ не давалъ ему собственный опытъ, онъ отдавался своей наивной и простой вѣрѣ, и какъ вѣрилъ въ оракуловъ и предсказанія, точно также объяснялъ внушеніями демона и проблески своего генія.

Его безсмертный принципъ тожества добра съ знаніемъ добра совершенно вѣренъ. Сократъ первый понялъ могущество человѣческаго разума, и хотя у него не было достаточно данныхъ для того, чтобы постигнуть вліяніе инстинктовъ и характеровъ на цѣлыя поколѣнія и на исторію народовъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать справедливою мысль, что только посредствомъ знанія люди достигнутъ нѣкогда господства и власти надъ этимъ вліяніемъ. О Сократѣ можно сказать тоже, что о скульпторахъ аѳинскихъ: они владѣли удивительнымъ пониманіемъ формъ и движеній жизни, не будучи въ состояніи замѣнить долото рѣзцомъ.

Всего менѣе намъ извѣстна государственная дѣятельность Сократа. Въ званіи воина, онъ спасъ жизнь Ксенофонта въ битвѣ при Деліумѣ, Алкивіада—при Потидеѣ, и уступилъ послѣднему присужденную за храбрость награду [1]). Избранный предсѣдателемъ суда притановъ, онъ противосталъ народному гнѣву, отказался дать согласіе на обвиненіе наварховъ, оставившихъ на полѣ сраженія трупы убитыхъ воиновъ [2]) и сложилъ съ себя званіе притана. Съ этого времени, кажется, Сократъ всецѣло посвятилъ себя воспитанію согражданъ и юношества. Когда Антифонъ спросилъ его, почему онъ, взявъ на себя трудъ подготовки государственныхъ людей, самъ не принимаетъ участія въ политикѣ, такъ хорошо ему знакомой, Сократъ отвѣчалъ: «Какого рода дѣятельностію я могу принести больше пользы государству? тогда ли, когда посвящу ему свою личную дѣятельность, или когда постараюсь подготовить для него большое число гражданъ, способныхъ заниматься государственными дѣлами [3])? Утромъ Сократъ выходилъ изъ дому, гулялъ, посѣ-

---

[1]) Diogéne de Laerte. 11. 1.
[2]) Xenophon. Dits memorables 1. 1.
[3]) Ibid. 1. 4.

щалъ гимназіи, появлялся на агорѣ въ тѣ часы, когда тамъ было наибольшее стеченіе народа, и проводилъ остальное время дня тамъ, гдѣ могъ встрѣтить многолюдныя собранія, часто бесѣдовалъ въ нихъ и всякій, кто желалъ, могъ его слушать [1]). Никогда онъ не принималъ никакого вознагражденія за свой трудъ и всѣмъ одинаково сообщалъ знаніе, какимъ владѣлъ самъ [2]). Вліяніе его, надо полагать, было очень велико. 30 тирановъ, достигнувъ власти, запретили Сократу бесѣдовать съ народомъ,—что̀ онъ, обыкновенно, дѣлалъ [3]); а демагоги, захвативъ въ свои руки управленіе государственными дѣлами, обвиняли Сократа не въ одномъ только невѣріи въ бытіе отечественныхъ боговъ и въ желаніи ввести новыхъ, но, главнымъ образомъ, въ презрѣніи къ установленнымъ законамъ и въ развращеніи юношества [4]). Дѣйствительно, онъ искалъ знакомства преимущественно съ молодыми людьми знатнаго происхожденія, имѣя въ виду научить ихъ, въ чемъ заключаются важнѣйшіе интересы частнаго и общественнаго блага. Онъ любилъ свои Аѳины и отдавалъ справедливость прекрасному характеру своего народа [5]); но онъ оплакивалъ демагогическія учрежденія Аѳинъ и не допускалъ мысли, чтобы *бобы* [6]) могли рѣшать вопросъ о способности гражданъ къ политической дѣятельности. Онъ предпочиталъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ учрежденія Спарты и Крита [7]). «На Киропедію» Ксенофонта и «Государство» Платона можно смотрѣть не иначе, какъ на блѣдныя отраженія дѣйствительнаго ученія Сократа. Онъ поплатился за это ученіе своею жизнью, и его ученики

---

[1]) Xenophon. Dits memorables 1. 2.
[2]) Idem, ibid.
[3]) Platon, le Premier Alcibiad.
[4]) Xenophon. Dits memorables.
[5]) Platon, le Criton, 14.
[6]) Этими словами Сократъ указываетъ на особый способъ голосованій, употреблявшійся въ аѳинскомъ народномъ собраніи. Часто при выборѣ должностныхъ лицъ употреблялась закрытая баллотировка посредствомъ камешковъ, *бобовъ*, или черепковъ (Очеркъ греческихъ древностей Страшкевича стр. 299).
Примѣч. переводч.
[7]) Xenophon. Dits memorables 1.

сдѣлались болѣе осторожными. Впрочемъ, усилія Сократа были безплодны. Характеры утратили прежній свой закалъ. Алкивіадъ живетъ хорошо, пока остается съ Сократомъ, но, вышедши изъ-подъ его вліянія, увлекается подобно Критіасу. «Гордые своею знатностью, говоритъ Ксенофонтъ, ослѣпленные счастіемъ, отуманенные своимъ могуществомъ, избалованные низкимъ угодничествомъ, развращенные всѣми этими обстоятельствами, вмѣстѣ взятыми, они легко были захвачены общимъ теченіемъ, увлекшимъ Аѳины къ паденію. Ксенофонтъ убѣгаетъ въ Лакедемонъ, Платонъ не принимаетъ участія въ дѣлахъ. Въ Аѳинахъ не было болѣе мѣста для серьезныхъ и честныхъ людей.

Сократъ палъ жертвою ненависти софистовъ, честолюбцевъ и демагоговъ. «Когда въ собраніи, судившемъ Сократа, были сосчитаны голоса, оказалось за его осужденіе большинство въ 281 голосъ. Когда судьи стали совѣщаться, подвергнуть ли его наказанію или денежному штрафу, онъ самъ оцѣнилъ себя въ 25, а по Еввулиду, во сто драхмъ. Когда судьи громко выразили свое изумленіе по этому поводу, Сократъ сказалъ: объявляю наказаніе, котораго заслуживаю: меня слѣдуетъ содержать на государственный счетъ въ Пританеѣ. Тотчасъ 80 новыхъ голосовъ высказались за наказаніе его смертью. «Онъ не пожелалъ защищаться, отказался бѣжать и, вѣрный себѣ до послѣдней минуты, умеръ, подавая примѣръ уваженія къ законамъ [1]). Это было лучшею его защитой. Не имѣя возможности возвратить Аѳинамъ Мильтіадовъ и Аристидовъ, онъ палъ подъ тяжестью своей задачи, оставивъ своему отечеству—двухъ величайшихъ мыслителей, человѣчеству—одну изъ прекраснѣйшихъ страницъ его исторіи, наукѣ—откровеніе человѣческаго генія въ немъ самомъ.

Гротъ увѣряетъ, что нигдѣ не встрѣчается слѣдовъ того, чтобы аѳиняне пожалѣли когда либо объ осужденіи Сократа. И неудивительно; не быть понятымъ—такова участь всѣхъ истинныхъ геніевъ, жившихъ въ эпохи паденія. Пьедесталомъ для людей, добившихся почета въ эти печальныя

[1]) Diogene de Laerte, 11. 4. Platon, le Critias.

времена, служитъ, обыкновенно, безуміе ихъ современниковъ. Ихъ крайности въ политикѣ считаются силою; тонкости въ литературѣ—талантомъ; шаткость характера называется умѣньемъ жить, интриги ловкостью; отсутствіе совѣсти—игрою случая, софизмы—знаніемъ; напыщенныя фразы заступаютъ мѣсто отсутствующихъ идей; возбужденіе страстей замѣняетъ истину, которой недостаетъ; взаимное удивленіе людей партіи замѣняетъ заслугу; вредныя честолюбія партіи захватываютъ власть, и народы гибнутъ, потому что не могутъ понять тѣхъ людей, которые одни были бы въ силахъ спасти ихъ. Воздвигаютъ золотыя статуи Горгіасамъ, ввѣряютъ государственные интересы Клеонамъ, а Сократовъ осуждаютъ на смерть, не будучи способными даже пожалѣть о нихъ!

КНИГА ВТОРАЯ.

СОВРЕМЕННЫЕ АНГЛІЙСКІЕ СОФИСТЫ.

I.

Философія XVIII вѣка.

Путемъ изслѣдованія простыхъ идей, по великой мысли Декарта, новая философія освободилась отъ излишнихъ дроблений, тонкостей и софизмовъ, унаслѣдованныхъ ею отъ схоластики. Новый методъ привелъ Декарта къ примѣненіямъ и заключеніямъ, и послѣдовательнымъ, и важнымъ. Онъ далъ Декарту возможность показать въ полномъ свѣтѣ величіе человѣческаго мышленія, въ его знаменитой энтимемѣ,—вывести изъ одной идеи Бога доказательство существованія Его, опредѣлить матерію протяженіемъ и матеріальныя явленія движеніемъ. Но методъ Декарта былъ неполонъ; и привелъ его къ необходимости признать простыя идеи врожденными, отличать ихъ отъ идей чувственныхъ, казавшихся ему, вслѣдствіе этого, недостаточными и недостовѣрными. Общаго критерія онъ не нашелъ; дѣйствіе непротяженнаго *я* на протяженную матерію и тѣло стало непостижимою тайной, а теорія вихрей, естественно слѣдовавшая изъ опредѣленія явленій движеніемъ, оказалась неосновательною гипотезой. Уже Локкъ, первый и, быть можетъ, величайшій изъ учениковъ его, отвергъ врожденныя идеи, на томъ основаніи, что дѣти и дикари не владѣютъ этими идеями. Локкъ утверждалъ, что рефлексія отвлекаетъ эти идеи отъ идей сложныхъ; и если, оставаясь вѣрнымъ мысли Декарта, онъ допускалъ, что однѣ простыя идеи даютъ намъ знаніе досто-

вѣрное, а равно и доказательство бытія Божія, то вмѣстѣ съ симъ дѣлилъ и качества вещей на первичныя и вторичныя, соотвѣтственно тому, какимъ идеямъ соотвѣтствовали они, простымъ или сложнымъ. Но Локкъ не смогъ лучше своего учителя объяснить отношенія, существующія между идеями простыми и сложными. Его ученіе натолкнулось на тоже затрудненіе, предъ которымъ остановилось и ученіе Декарта.

Спиноза пошелъ далѣе. Онъ допускалъ, что идеи простыя и идеи чувственныя адэкватны своему объекту, изслѣдовалъ ихъ взаимную зависимость, пришелъ къ идеѣ субстанціи, предполагаемой всѣми другими, и заключилъ о существованіи субстанціи, безконечной въ своихъ аттрибутахъ, и конечной въ модусахъ аттрибутовъ. Но прежнее затрудненіе снова явилось въ третьей формѣ. Спиноза, какъ и Локкъ, не могъ выяснить отношенія между адэкватными идеями простыми и адэкватными идеями конкретными, между безконечною субстанціей и конечными ея модусами. Мальбраншъ положилъ идею безконечнаго протяженія въ основу своего ученія и пришелъ къ заключенію, что мы все созерцаемъ въ вездѣсущемъ Богѣ; но подобно своимъ предшественникамъ, не имѣя возможности, объяснить отношеніе между протяженными вещами и непротяженнымъ *я*, онъ предположилъ, для установленія согласія между явленіями внѣшняго міра и состоянія духа, чудесное дѣйствіе случайныхъ причинъ (causa occasionalis). Наконецъ, Лейбницъ полагалъ, что устраняетъ всѣ эти затрудненія, перенося дѣйствующую монаду въ конкретный міръ; но онъ ничего не объяснилъ, предположилъ существованіе предустановленной гармоніи между міромъ идеальнымъ и міромъ внѣшнимъ и закончилъ совершеннымъ отдѣленіемъ истинъ необходимыхъ отъ истинъ случайныхъ.

Послѣ Лейбница, новая философія утратила свою строгую логичность, свободу и полноту. XVII-й вѣкъ завѣщалъ XVIII-му нѣкоторыя основныя начала, не подлежавшія сомнѣнію: ощущеніе—ясное, чистое, непосредственное, котораго мы не можемъ не чувствовать такимъ, какимъ его испытываемъ, идеи — безусловныя, необходимыя, которыхъ не

можемъ не мыслить, разъ мы сознали ихъ. XVIII-й вѣкъ принялъ эти начала и усвоилъ ихъ; но XVII-й вѣкъ оставилъ ему и цѣлый рядъ гипотезъ, мистическихъ или мечтательныхъ; таковы: противоположность между протяженнымъ міромъ и непротяженнымъ *я*, первичныя качества и вторичныя, конечные модусы безконечной субстанціи; созерцаніе вещей въ Богѣ, случайныя причины, предустановленная гармонія. Ни одной изъ этихъ гипотезъ, XVIII-й вѣкъ не приметъ и едва удостоитъ улыбки. Никто не подозрѣвалъ ни на минуту, что новая философія беретъ на себя дѣло невозможное, такъ какъ гипотезы, ею пренебреженныя, были строгими выводами изъ тѣхъ самыхъ основныхъ началъ, которыя приняла и она. Противорѣчіе заключалось, слѣдовательно въ исходномъ пунктѣ философіи XVIII вѣка; оно останется присущимъ всѣмъ ея изслѣдованіямъ и отразится во всѣхъ ея доктринахъ. Одни станутъ отрицать идею, другіе — ощущеніе, иные будутъ стремиться объяснить идею изъ ощущенія, или наоборотъ, но никто не будетъ въ состояніи приблизить насъ хоть на шагъ къ пониманію ощущенія или идеи. Будутъ обращаться къ здравому смыслу и разсудку, къ исторіи и наукѣ, къ чувству любви къ истинному, доброму и прекрасному, и все это только для того, чтобы снова возвратиться къ прежнему различенію идей чувственныхъ отъ идей необходимыхъ, которое имѣло своимъ послѣдствіемъ рѣшенія XVII-го вѣка и не допускало иныхъ. Такимъ образомъ философія XVIII вѣка поневолѣ восприняла характеристическія свойства новой софистики.

Берклей, выходя изъ локкова дѣленія качествъ на первичныя и вторичныя, пришелъ къ выводу, что отвлеченныя понятія, будучи чистыми продуктами мышленія, равны конкретнымъ понятіямъ. Онъ систематически смѣшивалъ по значенію идеи чувственныя съ идеями отвлеченными, почему объективный міръ потерялъ въ его глазахъ самостоятельное существованіе. Юмъ, наоборотъ, въ первичныхъ качествахъ вещей искалъ источникъ качествъ вторичныхъ, причину и сущность ихъ, но не встрѣчая нигдѣ въ дѣйствительномъ существованіи и слѣдованіи явленій ни этой причины, ни этой сущности, отбросилъ какъ призракъ то

знаніе, какое даютъ намъ идеи причины и сущности. Очевидно, у Юма мы встрѣчаемъ смѣшеніе идей прямо противоположное тому, какое сдѣлано Берклеемъ. Ридъ возражалъ противъ скептицизма Юма, ссылаясь на всеобщность вѣры въ постоянство явленій природы и всеобщее довѣріе къ свидѣтельству другихъ. Онъ сдѣлалъ изъ всей доктрины Юма одинъ длинный софизмъ *elenchi*, ибо дѣйствительно надлежало объяснить причину этой вѣры и довѣрія. Кондильякъ, напротивъ, сводилъ всѣ явленія нашей умственной жизни къ ощущеніямъ, такъ что вся его доктрина превратилась въ постоянное petitio principii. Какъ возможно первое ощущеніе безъ какой бы то ни было дѣятельности, свойственной нашему разуму? Отвѣтъ Кондильяка на этотъ вопросъ былъ только ловкой литературной фразой, прикрывавшей пустоту его основнаго начала. Наконецъ, Кантъ свелъ заблужденія всѣхъ прежнихъ философовъ въ своей *Критикѣ чистаго разума*, противоположилъ аргументы однихъ аргументамъ другихъ, познанія a priori познаніямъ a posteriori, и, обманываясь относительно абстрактнаго и конкретнаго значенія, какое могутъ принимать поочередно наши идеи, сдѣлался основателемъ антиномистики. Это была эпоха великихъ софистовъ въ новой философіи; они одни могутъ быть сравниваемы, по строгой логичности своихъ декукцій, силѣ анализа и блестящему изложенію, съ лучшими представителями древней софистики—Зенономъ элейскимъ, Мелиссомъ, Горгіасомъ и Протагоромъ.

Если бы софистическія школы новаго времени ограничили область своихъ изслѣдованій метафизикою, опасность, какую онѣ могли представлять, была бы невелика; но онѣ распространили свои умозрѣнія на область нравственности и политики. Лейбницъ включилъ въ число необходимыхъ истинъ начала нравственности и утверждалъ, что эти начала столько же необходимы и доказываются съ такою же очевидностью, какъ и математическія аксіомы. Вольфъ, ученикъ Лейбница, принялъ на вѣру это мнѣніе. Если существуютъ необходимыя начала нравственности, то существуютъ и обязанности, присущія самой природѣ человѣка, а эти обязанности служатъ источникомъ правъ, имъ соотвѣтствующихъ, столь же

необходимыхъ и естественныхъ. «Какъ естественныя и необходимыя, эти права въ такой же мѣрѣ, какъ и обязанности, принадлежатъ природѣ каждаго человѣка: каждый имѣетъ одни и тѣже права и всѣ пріобрѣтаютъ право противодѣйствовать всякому, кто захотѣлъ бы нарушить чьи либо права; равенство всѣхъ и первобытная общность составляютъ естественное право: каждый обязанъ содѣйствовать совершенствованію другаго». Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ мнимыхъ правъ былъ Соціальный контрактъ (Le Contrat social) [1]). Никто не замѣтилъ, что смѣшеніе отвлеченно понимаемаго долга съ долгомъ дѣйствительнымъ, абсолютнаго права съ конкретными правами, было тоже самое по существу, что и смѣшеніе понятій отвлеченныхъ съ конкретными, общихъ съ частными. Такова была мораль идеалистической школы.

Школа сенсуалистическая имѣла свою мораль. Если ощущенія служатъ источникомъ нашихъ идей, то страсти являются, въ такомъ случаѣ, критеріемъ нашихъ дѣйствій. Адамъ Смитъ сводитъ всѣ наши чувствованія (affections) къ симпатіи. Дидро полагаетъ, что люди роковымъ образомъ бываютъ добрыми или злыми; Гельвецій считаетъ эгоизмъ и пользу основными двигателями человѣческихъ дѣйствій. Эгоизму и пользѣ онъ усвоилъ значеніе безусловныхъ и первыхъ началъ, подобно тому, какъ Вольфъ и Руссо превратили обязанности въ неотъемлемыя права.

Всѣ безразлично стремились найти истину, добро и справедливость; въ этомъ стремленіи полагаютъ славу мыслителей XVIII вѣка. Протагоръ, Полосъ, Тразимахъ въ такой же мѣрѣ усиливались опредѣлить истину, добро и справедливость, но не имѣли возможности достигнуть своей цѣли по тѣмъ же причинамъ, которыя воспрепятствовали и мыслителямъ XVIII вѣка сдѣлать это; да и басни о естественномъ состояніи человѣка, или о человѣкѣ—машинѣ нисколько не лучше басни объ Эпиметеѣ. Когда Гегель уподобилъ греческихъ софистовъ свободнымъ мыслителямъ XVIII вѣка, онъ вы-

---

[1]) Вольфъ издалъ свои Institutiones juris naturae et gentium въ 1748 г. Формей издалъ на французскомъ языкѣ извлеченіе изъ Institutiones въ 1850 г., а Соціальный Контрактъ явился въ 1762 году.

сказалъ, не подозрѣвая того, одно изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ воззрѣній. Тѣ и другіе полагали исходнымъ пунктомъ основныя начала безусловныя и исключительныя и вполнѣ искренно вѣрили въ нихъ; тѣ и другіе нападали на традиціонныя вѣрованія съ одинаковымъ ожесточеніемъ, и одинаково искали основныхъ началъ нравственности въ опредѣленіяхъ естественнаго состоянія человѣка, или въ стремленіяхъ къ справедливости и добру. Наконецъ, какъ и въ Греціи, благодаря соціальнымъ и политическимъ событіямъ, совершившимся въ послѣднемъ вѣкѣ, свободные мыслители пріобрѣли, подобно древнимъ софистамъ, необыкновенную власть надъ общественною мыслью. Какъ и въ Греціи, образованіе распространилось, а съ разширеніемъ знаній, потребность въ философскихъ рѣшеніяхъ вопросовъ сдѣлалась болѣе настоятельною. Въ тоже время въ общественномъ и политическомъ строѣ европейскихъ народовъ подготовлялось преобразованіе не менѣе глубокое, чѣмъ въ Греціи, въ эпоху пелопонезской войны. Правда, въ Греціи это явленіе, ограниченное предѣлами составлявшихъ ее городовъ, произошло быстрѣе, чѣмъ въ новѣйшихъ государствахъ Европы, гдѣ національныя различія и обширность политической сферы дѣйствованія придали ему болѣе блеска и увеличили его продолжительность; но въ основѣ революція была одна и таже. Знатные роды потеряли, вмѣстѣ съ чувствомъ своего происхожденія и призванія, политическій авторитетъ; короли утратили, при болѣе правильныхъ учрежденіяхъ и болѣе устойчивомъ порядкѣ, сознаніе своихъ обязанностей; съ развитіемъ труда, промышленности и международныхъ сношеній, старыя административныя формы сдѣлались недостаточными, военная и финансовая организація неудовлетворительною, и, въ тоже время, низшіе классы народа пріобрѣли большее значеніе. При такихъ условіяхъ, какъ и въ Греціи, отсутствія таланта у представителей власти было достаточно для того, чтобы новыя большія государства, подобно маленькимъ республикамъ древности, сдѣлались жертвою всевозможныхъ злоупотребленій и безпорядковъ.

Революція вспыхнула, прежде всего, въ Англіи, но Англія нашла въ своихъ историческихъ преданіяхъ формы

конституціи и внутренняго переустройства, которыхъ недоставало континентальнымъ государствамъ. Одинъ геній Фридриха II-го предвидѣлъ отчасти характеръ новой эпохи; онъ ввелъ однообразіе въ системѣ налоговъ и военной службѣ, установилъ правильную и сильную администрацію. Въ Австріи, Іосифъ II-й началъ своими церковными реформами разрушеніе имперіи, между тѣмъ какъ новыя государства, одни, какъ Россія напримѣръ, благодаря административнымъ успѣхамъ, пріобрѣтали силу, другія, какъ Польша, вслѣдствіе политическихъ безпорядковъ, погибали. По тѣмъ же причинамъ англійскія колоніи возмутились; метрополія нашла въ своихъ преданіяхъ силу для преобразованія своихъ учрежденій; но отношенія ея къ колоніямъ были новы, а потому здѣсь обнаружились тоже безсиліе и тѣже злоупотребленія, что и всюду въ другихъ странахъ. Наконецъ, во Франціи, гдѣ всѣ новыя стремленія встрѣтили наиболѣе страстное сочувствіе, гдѣ потребность въ административномъ, военномъ и финансовомъ переустройствѣ живо давала себя чувствовать, правящій классъ оказался неспособнымъ дать этой потребности какое бы то ни было удовлетвореніе. Гдѣ было взять, въ самомъ дѣлѣ, начала для новаго управленія, путеводную нить для нравственной жизни; гдѣ найти согласіе чувствованій, которыя одни соединяютъ людей въ ихъ политической и общественной дѣятельности? Древніе аѳиняне, чтобы научиться управлять народомъ, обращались къ софистамъ; аѳиняне XVIII вѣка обратились къ свободнымъ мыслителямъ. Дворянство—первое показало примѣръ. Оно пристрастилось къ произведеніямъ новѣйшихъ олимпійцевъ, побѣждавшихъ красотою формы и простотою рѣчи. Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты сдѣлались героями дня. Буржуазія, въ свою очередь, прониклась ихъ началами и доктринами. Религія признана позоромъ, который необходимо подавить; первобытное естественное состояніе идеаломъ, къ которому слѣдуетъ стремиться; всякое правленіе деспотизмомъ; отвлеченныя права правилами поведенія; атеизмъ имѣлъ своихъ проповѣдниковъ, естественная религія—своихъ сектантовъ; наконецъ, во Франціи, какъ и въ Аѳинахъ, иностранные софисты встрѣчали самое горячее сочувствіе. Наступили нѣсколько лѣтъ голода, и страна

была потрясена въ самыхъ основахъ своихъ. Къ счастію, не смотря на то, что софизмы свободныхъ мыслителей омрачали умы и возбуждали, наравнѣ съ голодомъ, самыя дурныя страсти, въ основѣ революціи были элементы серьезные и прочные. Франція нашла въ своемъ лонѣ юрисконсультовъ, глубоко изучившихъ древнюю науку права, армію, проникнутую чувствомъ чести и духомъ самопожертвованія, организаторовъ, знающихъ потребности времени, превосходныхъ администраторовъ, а въ духѣ націи, рядомъ съ новою потребностью въ равенствѣ—продуктомъ общественнаго развитія, продолжали жить достойныя удивленія чувства здраваго смысла, порядка и дисциплины. Это и были дѣйствительныя великія силы революціи. Если бы въ эту эпоху явился Сократъ, Франція поняла бы его, чего не могли въ свое время сдѣлать Аѳины. Но софизмы свободныхъ мыслителей были слишкомъ сложны; простой практическій умъ, будь онъ даже геніальнымъ, не могъ открыть въ нихъ заблужденій. Одинъ счастливый солдатъ презиралъ лживыхъ идеологовъ и воспользовался всѣми лучшими силами революціи для подавленія новыхъ стремленій своею желѣзною рукою. Учрежденія народовъ утверждаются только на долговременномъ опытѣ, или на точныхъ выводахъ науки, а не на отвлеченностяхъ, какъ бы онѣ ни были краснорѣчивы.

Что касается софистовъ, то они продолжали свое дѣло въ другихъ формахъ и подъ другими названіями. Французская сенсуалистическая школа склоняется къ идеализму; нѣмецкая и англійская идеалистическія школы приходятъ къ сенсуализму; какъ дѣти, катающія обручъ, одни послѣдовательно занимаютъ мѣсто другихъ, не забѣгая впередъ и не отставая.

И въ самомъ дѣлѣ, по совершенной необходимости, мы судимъ о нашихъ понятіяхъ не иначе, какъ объ однихъ посредствомъ другихъ; если же мы отдадимъ какое бы то ни было предпочтеніе, по степени достовѣрности, однимъ предъ другими, то уничтожимъ самую способность сужденія въ ея источникѣ; только обманчивымъ краснорѣчіемъ, безцѣльными противорѣчіями и безконечными паралогизмами,

мы переступаемъ, повидимому, тѣ границы, которыя сами слѣпо провели.

Противоположности принадлежатъ одному и тому же роду, говорилъ Аристотель; низкій и пронзительный—звуку, сладкій и горькій—вкусу; чтобы доказать какую либо истину, прибавилъ онъ, необходимо дѣлать это на основаніи главнаго принципа того рода, о которомъ идетъ рѣчь. Слѣдуя этому именно правилу, физика объяснила намъ различные цвѣта свойствами свѣта; жаръ и холодъ—теплотою, противоположности звуковъ и тембровъ вибраціями; тѣмъ же путемъ сдѣланы всѣ великія открытія въ химіи, механикѣ и астрономіи. Только въ философіи мы считаемъ возможнымъ, вопреки Аристотелю, достигнуть истины инымъ путемъ. Напрасно идеализмъ и сенсуализмъ будутъ мѣнять имя и знамя, пріимутъ форму критицизма, синтетизма, философіи здраваго смысла, позитивизма, эклектизма, эволюціанизма, нигилизма; основное различіе, допускаемое во имя его собственной очевидности, безъ высшаго принципа, не приведетъ къ разрѣшенію ни одного изъ затрудненій, заключенныхъ въ томъ же самомъ различіи. Невозможность заключать отъ *я* къ внѣшнему міру, отъ бытія необходимаго къ бытію случайному, отъ воли условной къ волѣ безусловной, отъ понятій абсолютныхъ къ понятіямъ относительнымъ, отъ идей отвлеченныхъ къ идеямъ конкретнымъ, будетъ возраждаться во всѣхъ возможныхъ паралогизмахъ и окажется скрытою во всѣхъ системахъ.

Новая софистика, такъ же какъ и древняя, выйдетъ изъ своего логическаго круга только послѣ того, какъ обнаружитъ крайностями во всѣхъ направленіяхъ, что различеніе между очевидностью истинъ необходимыхъ и очевидностью истинъ случайныхъ обращаетъ въ ничто философію и достовѣрность, ведетъ къ извращенію всякаго чувства реальности и истины.

II.

Основныя начала логики Стюарта Милля.

Изъ нашихъ современниковъ Стюартъ Милль кажется намъ философомъ, всего менѣе способнымъ запутаться въ софистикѣ. Владѣя замѣчательною силою анализа и обширными познаніями онъ былъ къ тому же первостепеннымъ критикомъ, часто строгимъ, но всегда въ вышей степени независимымъ. Онъ видѣлъ недостатки и тѣхъ авторовъ, которымъ слѣдовалъ, и философовъ, наиболѣе расходившихся съ нимъ; къ тѣмъ и другимъ онъ относится одинаково безпристрастно. Возвышенность воззрѣній и независимость характера сближаютъ его съ мыслителями истинно великими; съ ними онъ сходенъ и въ томъ отношеніи, что понималъ важное значеніе метода и сдѣлалъ логику главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій. Онъ измѣнилъ въ самыхъ основаніяхъ науку, извѣстную намъ подъ этимъ именемъ, стремился установить правила индукціи, опредѣлить условія достовѣрности дедукціи, и указалъ различныя формы софизмовъ, разоблачивъ предъ нами, съ безпримѣрною въ наше время строгостью, тѣ заблужденія, въ которыя человѣческій умъ впадаетъ при своихъ изслѣдованіяхъ и заключеніяхъ.

Онъ умеръ въ 1873 году, во Франціи, но его доктрина живетъ еще въ умахъ его учениковъ, и даже его противники преисполнены уваженія къ его познаніямъ и характеру. Этимъ философомъ, наиболѣе далекимъ, по видимому, отъ софистическихъ заблужденій, мы и начнемъ настоящее изслѣдованіе. Стюартъ Милль представляетъ намъ, въ самомъ дѣлѣ, поразительный примѣръ мыслителя, впадающаго въ тѣже софизмы, которые онъ всѣхъ лучше опредѣлилъ, хотя вовсе не подозрѣвалъ своего уклоненія въ сторону софистики, и въ его искренности нельзя усомниться ни на минуту. Своими достоинствами, какъ и ошибками, онъ даетъ намъ

самую точную мѣру для оцѣнки его соперниковъ, и лучше, чѣмъ кто либо другой, даетъ понять заблужденія, которыми увлекаются въ софистическія эпохи самые отличные умы.

Ученіе Стюарта Милля стоитъ въ связи съ ученіемъ Конта, а затѣмъ—съ сенсуалистическою школою. «Человѣческое умозрѣніе, повторяетъ Милль за своимъ учителемъ, проходитъ въ своемъ развитіи три послѣдовательные фазиса: въ первомъ человѣческій умъ стремится объяснять явленія сверхъестественными дѣятелями; во второмъ—метафизическими отвлеченностями, а въ третьемъ ограничивается открытіемъ законовъ слѣдованія явленій и сходства ихъ [1])». «Этотъ законъ трехъ фазисовъ, установленный Контомъ, имѣетъ, по мнѣнію Милля, ту высокую степень научной очевидности, какая бываетъ результатомъ совпаденія указаній исторіи съ вѣроятными заключеніями, извлекаемыми изъ устройства человѣческаго духа [2])». Поэтому Милль старался установить въ своей логикѣ принципы и правила слѣдованія и сходства явленій умственной дѣятельности, выводы же, извлекаемые изъ изученія природы человѣческаго ума, являются у него только въ качествѣ вѣроятностей: «изслѣдованіе представленія въ его сущности, говоритъ онъ, равно какъ воспріятія, памяти и вѣры относится къ метафизикѣ [3])».

Съ неменьшею опредѣленностью указываетъ Стюартъ Милль и ту сторону своей логики, которою она отличается отъ логики идеалистической школы. «Всѣ логики, говоритъ онъ, несправедливо смѣшивали предложеніе съ сужденіемъ, употребляя безразлично эти оба термина, и потому для нихъ и предложеніе и сужденіе состоитъ одинаково въ утвержденіи или отрицаніи одной идеи относительно другой... Это одно изъ самыхъ печальныхъ заблужденій, когда либо допускавшихся въ логикѣ, и главная причина малыхъ успѣховъ этой науки за два послѣдніе вѣка... Трактаты о логикѣ, съ того времени, какъ въ нее вошло это важное заблужденіе, хотя они иногда пишутся людьми весьма талантли-

---

[1]) Systeme de logique v. II. p. 531.
[2]) Ibid. v. II. p. 531.
[3]) Ib. vol. I. p. 8.

вымн и свѣдущими, почти всгда безмолвно допускали, что изслѣдованіе истины состоитъ въ размотрѣніи и сочетаніи нашихъ идей, или понятій о вещахъ, а не самихъ вещей,— ученіе, равносильное увѣренію, что единственный способъ пріобрѣсти знаніе о природѣ состоитъ въ изученіи ея изъ вторыхъ рукъ, какою она представляется въ нашемъ умѣ... Между тѣмъ, великія и плодотворныя истины относительно явленій природы всегда открываются посредствомъ процессовъ, которые не заимствуютъ для себя ни свѣта, ни помощи, отъ вышеизложенной теоріи сужденія [1])». Поэтому, Стюартъ Милль намѣренъ мало заниматься какъ идеей въ себѣ самой, такъ и отношеніями идей между собою. «Когда я говорю, замѣчаетъ онъ, что огонь производитъ теплоту, я разумѣю не то, что моя идея огня производитъ мою идею теплоты, но что одно естественное явленіе—огонь производитъ другое естественное явленіе — теплоту. Когда же я утверждаю что-либо относительно идей, то называю ихъ свойственнымъ имъ именемъ, называю ихъ идеями; когда говорю, напримѣръ, что идея ребенка о войнѣ несогласна съ дѣйствительностью [2])». Различіе кажется поразительно очевиднымъ, противоположность полная; невольно думается, при чтеніи однѣхъ этихъ строкъ, что новое вѣяніе оживитъ столь устарѣлую науку—логику. Предметомъ изслѣдованій Стюарта Милля будутъ не устарѣвшія начала и правила о сужденіи, о подлежащемъ, сказуемомъ и связи, но тѣ процессы, посредствомъ которыхъ во всѣ времена совершаются великія и плодотворныя открытія въ наукахъ; онъ будетъ имѣть въ виду не понятія, а явленія; укажетъ правила, которымъ повиновался геній Ньютона и Кеплера и, оставивъ въ сторонѣ искателей метафизической квинтъ-эссенціи, откроетъ намъ законы, управляющіе мышленіемъ при непосредственномъ изученіи вселенной.

Но до этого пока очень далеко. Уже въ различныхъ опредѣленіяхъ своей новой и такъ много обѣщающей науки, Стюартъ Милль обнаруживаетъ, насколько его мышленіе

---

[1]) Syst. de Logique vol. I. p. 95. 97.
[2]) Systeme de Logique vol. I. p. 97.

остается темнымъ и сбивчивымъ. Логика является у него на одной страницѣ «какъ наука умозаключенія и какъ искусство, основанное на этой наукѣ [1])»; далѣе, онъ утверждаетъ, «что она — наука о доказательствѣ [2])»; а еще нѣсколько ниже Милль говоритъ, что логика имѣетъ своимъ предметомъ «изученіе процесса заключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному [3])». Но отысканіе неизвѣстной истины— нѣчто совершенно отличное отъ доказательства истины; наука объ умозаключеніи совсѣмъ не тоже, что искусство заключать и нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ открытіе. Правда, въ полной логикѣ всѣ эти отправленія нашего ума должны быть опредѣлены, но логика различаетъ ихъ другъ отъ друга точно такъ же, какъ и всякая другая наука различаетъ части, изъ которыхъ она состоитъ.

Различныя опредѣленія логики Стюартомъ Миллемъ становятся понятными только при томъ условіи, если принимать каждое изъ его выраженій въ самомъ неопредѣленномъ значеніи. Его мысль остается неясной, и, чтобы найти причину этого, достаточно открыть главу о софизмахъ. «Opus magnum» (великое дѣло), говоритъ далѣе Стюартъ Милль, самой утонченной отвлеченной философіи... состоитъ въ томъ, что она принимаетъ свойства нашихъ идей или понятій за свойства представляемыхъ вещей [4])». Въ своемъ исходномъ пунктѣ, въ опредѣленіяхъ, которыя самъ онъ дѣлаетъ, въ цѣли имъ преслѣдуемой, онъ строитъ тотъ же самый софизмъ, на который намъ указываетъ. Когда онъ утверждаетъ, что огонь производитъ теплоту, онъ хочетъ этимъ сказать не то, что идея огня служитъ причиною идеи теплоты, а — что естественное явленіе свѣта производитъ естественное явленіе теплоты. Но никто изъ логиковъ никогда не утверждалъ, что идея огня служитъ причиною идеи теплоты; упрекъ, дѣлаемый логикамъ С. Миллемъ, пустая игра смысломъ словъ, и когда самъ онъ утвер-

---

[1]) Syst. de Logique vol. I. p. 3.
[2]) Ibid. vol. I. p. 9.
[3]) Ibid. vol. I. p. 12.
[4]) Systeme de Logique vol. II. p. 310.

ждаетъ, что понимаетъ подъ теплотою, производимою огнемъ, только естественныя явленія, онъ дѣлаетъ именно то, въ чемъ упрекаетъ другихъ—принимаетъ свойство своей идеи за свойство представляемой вещи. Онъ знаетъ огонь и теплоту только посредствомъ идей, которыя имѣетъ о нихъ; безъ идей онъ не могъ бы никакимъ образомъ судить о нихъ. Но онъ совершилъ, не давая себѣ въ томъ отчета, актъ вѣры; онъ принадлежитъ къ школѣ сенсуалистической и позитивной, и вотъ почему, вопреки очевидности, утверждаетъ, будто мышленіе имѣетъ дѣло прямо съ явленіями. Онъ привноситъ a priori свою вѣру и всегда будетъ дѣлать тоже—принимать свойства своихъ идей или понятій за свойства познаваемыхъ вещей; въ сущности, это—opus magnum самой утонченной умозрительной философіи, причина, какъ самъ онъ выражается, значительной части заблужденій, существующихъ въ мірѣ [1]). Свою идею теплоты онъ будетъ представлять дѣйствительною теплотою, тогда какъ она есть только простое ощущеніе; и всѣ свои идеи о чувственномъ мірѣ будетъ считать дѣйствительными явленіями; доказательство истины онъ будетъ смѣшивать съ исканіемъ ея, науку объ умозаключеніи съ правилами умозаключенія, доказательство съ открытіями. Какъ идеалисты выводятъ свое ученіе изъ нѣкоторыхъ очевидныхъ и необходимыхъ положеній, такъ Стюартъ Милль исходнымъ пунктомъ ставитъ явленія и выводитъ изъ нихъ свою доктрину; точка отправленія различна, но способъ веденія дѣла совершенно одинъ и тотъ же. Протагоръ ли защищаетъ движеніе, или Горгіасъ бытіе,—оба они впадутъ въ однѣ и тѣже ошибки, въ однѣ и тѣже иллюзіи.

Мы увидимъ, до какой невѣроятной степени запутается впослѣдствіи С. Милль, не смотря на свой талантъ и свои усилія. Но пока не станемъ придавать большаго значенія его опредѣленіямъ. «Опредѣленіе, говоритъ онъ намъ, есть только тожественное предложеніе, которое сообщаетъ намъ свѣдѣніе лишь объ употребленіи словъ въ языкѣ, въ рѣчи, не давая возможности вывести какое либо заключеніе от-

[1]) Syst. de Logique vol. II. p. 310.

носительно фактовъ» [1]). Очевидно, онъ не признаетъ важности опредѣленія, какъ не призналъ важности сужденія.

Опредѣленія, по мнѣнію Милля, суть просто тожественныя предложенія. Предложенія: «каждый человѣкъ есть существо тѣлесное», «каждый человѣкъ есть существо живое», «каждый человѣкъ есть существо разумное»,—не сообщаютъ ничего новаго тому, кто понялъ вполнѣ значеніе слова «человѣкъ»... Все это предложенія тожественныя или существенныя, сообщающія нѣчто только относительно имени, а не относительно предмета. Напротивъ, предложенія не существенныя, акциденціальныя могутъ быть названы реальными, въ противоположность существеннымъ, словеснымъ (verbales). Они утверждаютъ о вещи какой нибудь фактъ, не содержащійся въ значеніи имени, употребляемаго для обозначенія этой вещи.... Всѣ эти предложенія, если они истинны, прибавляютъ нѣчто новое къ нашимъ познаніямъ..... Они одни только расширяютъ наше знаніе сами по себѣ» [2]). Но посмотримъ, какое изъ предложеній, высказанныхъ о свойствахъ соли, напримѣръ,—ребенкомъ, торговцемъ и химикомъ,—будетъ словеснымъ, тожественнымъ или существеннымъ, и какое—случайнымъ (акциденціальнымъ)? Предложеніе ребенка будетъ несомнѣнно наиболѣе словеснымъ, наиболѣе сообразнымъ съ обычнымъ употребленіемъ слова. Предложеніе лавочника будетъ имѣть уже больше значенія, будетъ, можетъ быть, тожественнымъ; лавочникъ будетъ разумѣть подъ словомъ соль то именно, чего всѣ требуютъ у него этимъ словомъ; но чтобы предложеніе химика было не существеннымъ, а случайнымъ (акциденціальнымъ), потому что оно одно сообщаетъ намъ нѣчто новое о составѣ этого тѣла, это весьма трудно понять. Это новое смѣшеніе понятій объяснимо только при предположеніи, что С. Милль, вмѣсто изслѣдованія фактовъ, какъ онъ намѣревался дѣлать, имѣлъ въ виду только мнѣніе идеалистовъ о существенныхъ предложеніяхъ и, для опроверженія этого мнѣнія, превратилъ предложенія случайныя въ предложенія существенныя... Вотъ и опять игра смысломъ словъ.

---

[1]) Systeme de Logique v. 1 p. 162.
[2]) Systeme de Logique v. 1 p. 124—128.

Если мы изслѣдуемъ три указанныя предложенія, имѣя въ виду факты, безъ всякой предвзятой мысли, то опредѣленіе лавочника представится намъ поистинѣ наиболѣе словеснымъ: онъ пойметъ подъ словомъ соль то именно, что всѣ разумѣютъ подъ этимъ именемъ. Опредѣленіе дитяти, напротивъ, будетъ казаться намъ наиболѣе случайнымъ: никто не можетъ предвидѣть, какое именно ощущеніе вызоветъ въ ребенкѣ вкусъ соли ощущеніе пріятнаго или горькаго, мягкаго или крѣпкаго. Опредѣленіе химика будетъ единственно научнымъ и существеннымъ: оно будетъ обнимать не только химическій составъ и свойства соли, но и мѣсто ея въ ряду другихъ тѣлъ.

Второй классъ предложеній, отвергаемыхъ С. Миллемъ, составляютъ предложенія необходимыя, «о которыхъ говорятъ, что они суть не только истины апріорныя, врожденныя, но и такія, противное которымъ немыслимо» [1]). «Извѣстно, продолжаетъ С. Милль, что если въ теченіе долгаго времени кто либо привыкаетъ представлять два факта соединенными вмѣстѣ, и если, въ продолженіе всего этого времени, это лицо не побуждалось ни случаемъ, ни какимъ либо свободнымъ умственнымъ актомъ, думать объ этихъ фактахъ раздѣльно, то со временемъ это лицо окажется, вѣроятно, неспособнымъ сдѣлать это, при самомъ большемъ усиліи... Исторія науки представляетъ намъ замѣчательные примѣры того, что люди весьма образованные часто отвергали, какъ немыслимыя, такія вещи, которыя ихъ потомки, болѣе умудренные опытомъ и настойчивыми изслѣдованіями, признали очень легкими для пониманія и которыя нынѣ всѣми признаются за истинныя. Было время, когда умы наиболѣе образованные и свободные отъ всякихъ предразсудковъ не могли повѣрить существованію антиподовъ, не могли представить себѣ силу тяжести дѣйствующею вверхъ, а не внизъ [2]). Тоже самое надо сказать о всѣхъ предложеніяхъ, называемыхъ необходимыми, о которыхъ утверждаютъ, что противное имъ немыслимо. «Мы продолжаемъ

[1]) Systeme de Logique v. 1 p. 279.
[2]) Systeme de Logique vol. 1 p. 272.

мысленно линію въ безконечность и говоримъ, что двѣ линіи, пересѣкающія одна другую, никогда уже не могутъ встрѣтиться. Это—потому, что линіи воображаемыя, которыя мы чертимъ въ пространствѣ, совершенно сходны съ линіями дѣйствительными; это—тѣже линіи и съ тѣми же свойствами. И если мы утверждаемъ, что двѣ линіи, пересѣкающія одна другую, не могутъ никогда встрѣтиться, то не потому, что мы прослѣдили ихъ въ дѣйствительности до безконечности, а потому что мы знаемъ по опыту, что прямая линія, которая, уклонившись отъ другой прямой, начинаетъ приближаться къ ней, производитъ на наши внѣшнія чувства впечатлѣніе, обозначаемое выраженіемъ «кривая линія», а не выраженіемъ «прямая линія» [1]).

Итакъ, нѣтъ предложеній необходимыхъ; всѣ они—продуктъ ассоціацій, сдѣлавшихся привычными; нѣтъ такихъ предложеній, противоположное которымъ было бы безусловно не мыслимо, и у насъ нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что не существуетъ міровъ, гдѣ дважды два не составляли бы пяти и гдѣ параллельныя линіи не могли бы встрѣчаться. Но если это такъ, какимъ образомъ Стюартъ Милль можетъ утверждать, что «основной принципъ всякаго умозаключенія состоитъ въ томъ, что все, имѣющее извѣстный признакъ, имѣетъ и то, на что указываетъ этотъ признакъ» [2]). Мы не можемъ, конечно, вообразить себѣ, чтобы признакъ вещи не былъ признакомъ того, чего онъ служитъ признакомъ; другими словами, чтобы вещь въ одно и тоже время могла быть и не быть такою, какова она есть. Но если для насъ не мыслимо, чтобы вещь въ одно и тоже время могла быть и не быть тѣмъ, что она есть; то этотъ принципъ имѣетъ силу, не только для нашего міра, но и для всѣхъ возможныхъ міровъ; для насъ немыслимо, чтобы дважды два могли составить пять, въ какомъ бы то ни было мірѣ, потому что для этого необходимо, чтобы, по крайней мѣрѣ, одна изъ единицъ была и не была единицей въ одно и тоже время; точно также немыслимо, чтобы двѣ параллельныя линіи мо-

---

[1]) Systeme de Logique v. 1 p. 267—268.
[2]) Syst. de Logique vol. 1 p. 299.

гли когда нибудь встрѣтиться, потому что, въ такомъ случаѣ, одно и тоже пространство, отдѣляющее ихъ, было бы и не было бы однимъ и тѣмъ же, въ одно и тоже время. Итакъ, есть необходимыя истины, противное которымъ немыслимо, и самъ Стюартъ Милль провозглашаетъ принципъ, на которомъ эти истины основываются. Дѣло въ томъ, что вмѣсто названія этихъ истинъ *необходимыми*, Стюартъ Милль называетъ ихъ *основными* и такимъ образомъ опять возвращается къ игрѣ словами и къ постоянному софистическому смѣшенію различныхъ по значенію понятій. Если наши предки не могли вѣрить существованію антиподовъ, то потому, что не знали законовъ земнаго притяженія; это былъ конкретный фактъ. Когда мы утверждаемъ, что невозможно представить, чтобы прямая линія, которую мы продолжаемъ мысленно въ безконечность, не была въ дѣйствительности безконечною, это—смѣшеніе отвлеченныхъ понятій съ понятіями о дѣйствительныхъ измѣреніяхъ; наконецъ, когда мы говоримъ, что ничто не можетъ быть и не быть въ одно и тоже время, или, какъ выражается Милль, что признакъ вещи есть признакъ и всего того, чему онъ служитъ признакомъ, мы утверждаемъ это вслѣдствіе логической необходимости,—того самаго акта мысли, въ силу котораго противное для насъ безусловно немыслимо. Стюартъ Милль противополагаетъ конкретные факты, какъ въ примѣрѣ антиподовъ, необходимымъ истинамъ; онъ ставитъ ихъ на одной линіи и, такимъ образомъ, смѣшиваетъ значеніе понятій отвлеченныхъ съ значеніемъ понятій конкретныхъ,—въ чемъ упрекаетъ идеалистовъ въ Opus magnum, и опять возвращается, только въ другихъ выраженіяхъ, къ тому же самому основному принципу предложеній необходимыхъ. Вотъ что̀ бываетъ, когда хотимъ изъ умственной игры въ слова сдѣлать вопросъ искусства, ловкой софистики.

Тѣмъ не менѣе, Милль остается при убѣжденіи, что пѣтъ предложеній необходимыхъ, какъ онъ убѣжденъ въ томъ, что предложенія существенныя ничему не научаютъ и ничего не доказываютъ. Вниманіе его всецѣло сосредоточено на предложеніяхъ конкретныхъ и случайныхъ (акциденціальныхъ); вся его логика будетъ вращаться вокругъ

этихъ предложеній; онъ будетъ дѣлить ихъ по предмету и различать по содержанію.

Аристотель точно также обратилъ вниманіе на дѣленіе предложеній и установилъ категоріи: субстанціи, качества, количества, отношенія, дѣйствія, страданія, мѣста и времени. Стюартъ Милль находитъ, что эта классификація имѣетъ недостатки слишкомъ очевидныя и достоинства слишкомъ незначительныя для того, чтобы стоило трудиться надъ изслѣдованіемъ ея. Это, говоритъ онъ, простой каталогъ различій, грубо обозначенныхъ языкомъ обыденной жизни, не обнаруживающій даже попытки открыть, посредствомъ философскаго анализа, смыслъ этихъ вульгарныхъ различій» [1]). Говорить такимъ образомъ, значитъ относиться слишкомъ свысока къ великому Стагириту. «Существованіе, сосуществованіе, слѣдованіе, причинность и сходство» —вотъ, по мнѣнію Милля, истинное дѣленіе. «Всегда, продолжаетъ онъ, какой либо изъ этихъ фактовъ высказывается въ каждомъ предложеніи, которое не просто словесное (verbale). Это пятерное дѣленіе обнимаетъ всю совокупность фактовъ, всѣ вещи, въ которыхъ можно быть увѣреннымъ и убѣждать другихъ, всѣ вопросы, какіе могутъ быть предложены, и всѣ отвѣты, какіе могутъ быть даны на нихъ.... но вмѣсто выраженій «сосуществованіе» и «слѣдованіе» Стюартъ Милль будетъ говорить иногда, для большей ясности, «порядокъ въ пространствѣ и порядокъ во времени» [2]). Безполезно доказывать, что это дѣленіе представляетъ собою только экстрактъ аристотелевскаго дѣленія и что категоріи сего послѣдняго имѣютъ несравненно болѣе значенія въ его обширномъ трудѣ, чѣмъ категоріи Милля въ его логикѣ. Увлеченный своими иллюзіями, Милль самъ докажетъ намъ, что его категоріи не имѣютъ ни какой цѣны.

Не многое можно сказать съ достовѣрностью, утверждаетъ Стюартъ Милль, относительно существованія; это предметъ метафизики [3])..... Что касается чувства сходства

---

[1]) Systeme de Logique vol. 1 p. 49.
[2]) Systeme de Logique v. 1. p. 115.
[3]) Systeme de Logique v. 2. p. 138.

и противоположнаго ему чувства различія, то это суть части нашей природы и притомъ до такой степени недоступныя анализу, что онѣ предполагаются при анализѣ всѣхъ другихъ нашихъ чувствованій... это явленія sui generis (особаго рода). Это аттрибуты, основанные на фактахъ, то есть на состояніяхъ сознанія, но состояніяхъ особенныхъ, неразложимыхъ и необъяснимыхъ» [1]). Остаются, помимо причинности, сосуществованіе и послѣдовательность, или порядокъ въ пространствѣ и порядокъ во времени. Но время и пространство, говоритъ Милль далѣе, именно въ главѣ о софизмахъ суть чистыя сущности (entites pures). «Это, говоритъ Милль, софизмъ, который можно выразить въ слѣдующей общей формулѣ: что можетъ быть мыслимо отдѣльно, должно существовать отдѣльно..... и благодаря этому софизму люди во всѣ времена предрасположены были заключать, что гдѣ есть названіе, тамъ должна существовать и особая сущность, соотвѣтствующая этому названію» [2]). Но если пространство и время—ничто, то что такое «порядокъ въ пространствѣ и времени», и что значитъ сосуществованіе и послѣдовательность? Все это—метафизика, которою Стюартъ Милль, по его словамъ, не занимается, но которая, однако, господствуетъ во всей его логикѣ,—во всемъ, «что мы можемъ говорить, понимать, предполагать, о чемъ можемъ спрашивать и во что вѣрить».

---

[1]) Systeme de Logique v. 1. 75.
[2]) Systeme de Logique vol. 11. p. 320.

III.

Общія предложенія.

Стюартъ Милль не замѣчаетъ указанныхъ противорѣчій и продолжаетъ съ логичностью, повидимому, еще болѣе строгою, развитіе своего принципа и своей системы. «Мы можемъ наблюдать только единичные случаи. Всѣ общія истины должны быть выведены изъ этихъ случаевъ и къ нимъ же должны быть опять сведены.... Начиная съ первыхъ проблесковъ умственной жизни, мы дѣлаемъ выводы; но проходятъ годы прежде, чѣмъ научимся пользоваться общими названіями. Дитя, которое, обжегши палецъ, остерегается приблизить его къ огню, сдѣлало сужденіе и заключеніе, хотя оно никогда не имѣло въ мысли общаго положенія: огонь жжетъ» [1]). Но точно ли извѣстно Миллю, что дитя, обжегшее палецъ и остерегающееся приближать его къ огню, разсуждало и заключало? Обожженная кошка боится и холодной воды, говоритъ пословица; разсуждаетъ ли и заключаетъ ли она? Если такъ, то всѣ животныя разсуждаютъ и мыслятъ, какъ люди. Начиная съ дѣтства, мы избѣгаемъ непріятныхъ ощущеній, ищемъ ощущеній пріятныхъ, такъ же естественно и непроизвольно, какъ открываемъ вѣки, чтобы видѣть, какъ передвигаемъ ноги, чтобы ходить; но разсуждаемъ и умозаключаемъ ли мы при этомъ?! И если отъ этихъ невольныхъ актовъ или рефлексовъ нашей чувственности, свойственныхъ одинаково и животнымъ, мы возвышаемся къ пониманію общихъ названій только спустя годы, какъ замѣчаетъ Милль; то какъ же мы можемъ судить или заключать прежде, чѣмъ поняли названія, изъ которыхъ слагается всякое разсужденіе и умозаключеніе? Вѣдь самое простое сужденіе заключаетъ въ себѣ необходимо, по край-

[1]) Systeme de Logique vol. 1 p. 205—210.

ней мѣрѣ, одинъ общій терминъ. Но Стюартъ Милль не занимается тѣмъ, что такое способность пониманія сама въ себѣ; все это метафизика; выходитъ, что мы разсуждаемъ и умозаключаемъ прежде, чѣмъ дѣлаемся способными разсуждать и заключать: обожженная кошка дѣлаетъ это такъ же хорошо, какъ и дитя, обжегшее палецъ. Такимъ образомъ, Милль уклоняется отъ рѣшенія одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ логики,—вопроса объ образованіи общихъ понятій; но онъ впадаетъ при этомъ въ тотъ же софизмъ, противъ котораго заботливо предупреждаетъ насъ: «софизмъ обобщенія, въ которомъ смѣшиваются эмпирическіе законы, выражающіе только обычный порядокъ слѣдованія явленій, съ законами причинности, обусловливающими зависимость явленій.... Обыкновенно этотъ софизмъ выражается формулой: post hoc, ergo propter hoc [1]) (послѣ этого, значитъ по этому). Таково именно разсужденіе дитяти, которое, обжегшись, боится огня и, слѣдовательно, составило сужденіе и заключеніе по этой формулѣ.

Эта новая ошибка Стюарта Милля объясняется до нѣкоторой степени его мнѣніемъ, будто всѣ общія предложенія суть только простыя формулы для заключеній отъ частнаго къ частному» [2]). «Не только, прибавляетъ онъ, въ случаяхъ простыхъ и несложныхъ мы заключаемъ, обыкновенно, безъ общихъ предложеній, но и въ случаяхъ трудныхъ и сложныхъ проницательные умы могутъ обходиться безъ этихъ предложеній, лишь бы только для всякаго новаго сочетанія обстоятельствъ опытъ снабжалъ ихъ примѣрами, существенно сходными. Но иные умы, тѣ именно, которымъ недостаетъ этого драгоцѣннаго преимущества въ личной опытности, оказываются, безъ общихъ предложеній, совершенно безпомощными въ случаяхъ, представляющихъ малѣйшую сложность; такъ что, безъ этой помощи, немногіе пошли бы далѣе тѣхъ простыхъ выводовъ, какіе дѣлаются животными» [3]). Отъ софизма Стюартъ Милль переходитъ

---

[1]) Systeme de Logique vol. 2. p. 365.
[2]) Systeme de Logique v. 1. p. 241.
[3]) Systeme de Logique v. 1. p. 241.

здѣсь къ противорѣчію. Всѣ общія предложенія, говоритъ онъ, суть только простыя формулы для заключенія отъ частнаго къ частному, такъ что, еслибъ мы имѣли опытъ, достаточно большой, память достаточно обширную и способность вниманія достаточно сильную, то могли бы обходиться и безъ общихъ предложеній; другими словами, это значитъ, что еслибъ мы владѣли въ наибольшей степени умомъ, памятью и опытностію, то мыслили бы абсолютно какъ животныя, заключающія всегда отъ частнаго къ частному. Между тѣмъ, съ другой стороны, онъ увѣряетъ, что безъ общихъ предложеній мы не пошли бы далѣе простыхъ заключеній обыкновенныхъ животныхъ. Примири, кто хочетъ, это противорѣчіе; а мы отказываемся, не потому, чтобы нельзя было сдѣлать это, при тщательномъ различеніи терминовъ, а потому что дѣло не стоитъ труда.

Еще интереснѣе заключенія, къ которымъ пришелъ Стюартъ Милль. «Всякое общее предложеніе, по его мнѣнію, есть продуктъ не интуиціи, а индукціи, и по той мѣрѣ, какъ утверждаются вѣрованія, развиваются науки и законодательство, предложенія общія болѣе и болѣе входятъ въ сознаніе людей, позволяя имъ легко судить и быстро выводить рѣшенія въ новыхъ, представляющихся имъ случаяхъ.... Всѣ общія предложенія, называются ли они опредѣленіями, аксіомами, или законами природы, суть только простыя, сокращенныя, какъ бы скорописныя, замѣтки о частныхъ фактахъ, на которыхъ мы, при случаѣ, считаемъ себя въ правѣ основываться, какъ на доказанныхъ, или которыя можемъ предполагать.... Отсюда слѣдуетъ, что мы должны, какъ и дѣлаемъ совершенно естественно, стараться сводить пріобрѣтенный нами опытъ въ общія предложенія, дающія намъ возможность возвыситься до знаній еще болѣе точныхъ и обширныхъ. Этимъ объясняется свойственное всѣмъ наукамъ стремленіе сдѣлаться дедуктивными изъ индуктивныхъ, какими онѣ бываютъ въ началѣ. Такимъ образомъ, механика, гидростатика, оптика, акустика сдѣлались дедуктивными; множество истинъ, уже извѣстныхъ въ отдѣльности, благодаря индукціи, изложены какъ выводы или слѣдствія изъ простѣйшихъ и болѣе общихъ индуктив-

ныхъ предложеній» [1]). Несомнѣнно, что если мы не обратимъ вниманія на ту развязность, съ какою Стюартъ Милль трактовалъ объ образованіи общихъ предложеній, то объясненіе ихъ происхожденія, пользы и превращенія въ знанія дедуктивныя будетъ имѣть очень много привлекательнаго; оно очень просто и въ тоже время дѣлаетъ понятнымъ постоянный прогрессъ наукъ.

Но какъ только мы сдѣлаемъ нѣсколько шаговъ впередъ, противорѣчія и софизмы явятся снова. «Великимъ дѣятелемъ, продолжаетъ Стюартъ Милль, при этомъ преобразованіи опытныхъ наукъ въ умозрительныя служитъ наука чиселъ: Она наиболѣе дедуктивная изъ всѣхъ наукъ, намъ извѣстныхъ и примѣненіе ея формулъ къ наукамъ естественнымъ дѣлаетъ ихъ также дедуктивными.... Отъ даннаго факта, видимаго или осязаемаго, мы доходимъ, чрезъ единицы чиселъ, до факта искомаго... Математическіе факты представляютъ въ этомъ отношеніи знаніе совершенно дедуктивное, но при томъ условіи, что они относятся къ предметамъ и свойствамъ предметовъ воображаемымъ.... Нѣтъ ни точекъ безъ протяженія, ни линій безъ ширины, ни круга съ радіусами совершенно равными, ни квадратовъ съ углами вполнѣ прямыми.... Ни въ природѣ, ни въ умѣ, нѣтъ ни одного предмета, точно соотвѣтствующаго геометрическимъ опредѣленіямъ. Невозможно представить ни точки, неимѣющей никакого измѣренія, ни линіи, неимѣющей ширины, невозможно составить умственно образы ихъ... Когда говорятъ, что заключенія геометріи, напримѣръ, суть истины необходимыя, необходимость эта состоитъ единственно въ томъ, что онѣ прямо вытекаютъ изъ предположеній, изъ которыхъ выведены. Но эти предположенія далеко не необходимы; они даже не истинны» [2]). Что значитъ этотъ рядъ непримиримыхъ предложеній? Мы не можемъ представить себѣ, говоритъ Стюартъ Милль, ни точки, неимѣющей измѣренія, ни линіи безъ ширины; не существуетъ ни въ природѣ, ни въ мысли предмета, вполнѣ соотвѣтствую-

[1]) Systeme de Logique v. 1. p. 248.
[2]) Systeme de Logique v. 1. p. 254—258.

щаго опредѣленіямъ геометріи; предположенія этой науки далеко не необходимы и даже не истинны,—и въ тоже время математика признается великимъ дѣятелемъ, отъ котораго зависятъ прогрессъ и развитіе естественныхъ наукъ? Очевидно, мы имѣемъ дѣло здѣсь съ новымъ смѣшеніемъ понятій, съ новою игрою смысломъ словъ. Когда мы воображаемъ центавра, или сирену, ужели не представляемъ ихъ? Ужели Фидій не представлялъ Минервы, прежде чѣмъ изваялъ ее для парѳенона? Да и возможно ли воображать что нибудь, хотя бы и опредѣленія геометріи, не представляя ихъ? Это значило бы мыслить, не мысля. Мы не можемъ представить себѣ ни чувственныхъ линій безъ ширины, ни точекъ, неимѣющихъ измѣреній. Но мысль, переходя непосредственно отъ одного предмета къ другому,—а въ этомъ и состоитъ истинное опредѣленіе прямой линіи,—описываетъ ли чувственную линію? Дикарь, никогда не видавшій прямой линіи въ дѣвственномъ лѣсу, представляетъ, однако, въ прямой линіи свой путь чрезъ этотъ лѣсъ; дитя, взоръ котораго переносится отъ отца на мать, описываетъ прямую линію гораздо прежде, чѣмъ замѣтитъ прямую линію протянутаго по комнатѣ шнура. Хотя эти линіи и не подлежатъ чувственному наблюденію, но фактъ ихъ существованія такъ же очевиденъ, какъ очевидно существованіе лѣса, или отца и матери. Тоже надо сказать о точкѣ, которую мышленіе устанавливаетъ въ пространствѣ, не представляя ее чувственно наблюдаемою точкою, и о всѣхъ математическихъ формахъ и количествахъ. Источникомъ ихъ служатъ акты, свойственные нашему разуму, или, говоря словами той школы, къ которой принадлежитъ Стюартъ Милль, свойственные умственному механизму движенія. Въ послѣдствіи уже мы образуемъ отчетливыя представленія о нихъ, устанавливаемъ болѣе или менѣе вѣрныя опредѣленія, составляемъ аксіомы.. Но все это спутывается и смѣшивается въ мышленіи Стюарта Милля. Нѣтъ истинъ врожденныхъ и апріорныхъ, слѣдовательно, нѣтъ истинъ необходимыхъ; всѣ точки, линіи и величины, приходятъ къ намъ изъ наблюдаемаго чувствами міра; слѣдовательно, точки, линіи и величины, воображаемыя нами, не могутъ

быть ни понятными для насъ, ни истинными. Заблужденіе Стюарта Милля и на этотъ разъ объяснимо лишь при предположеніи, что онъ разсуждаетъ не о фактахъ, какъ намѣренъ былъ дѣлать, а объ идеяхъ въ томъ смыслѣ, какъ онѣ понимаются идеалистическою школою. Врожденныя, a priori данныя идеи линій, не имѣющихъ ширины, точекъ, не имѣющихъ измѣреній, дѣйствительно суть гипотезы, которыхъ мы не можемъ представить въ ихъ объектѣ, точно такъ же, какъ не можемъ допустить, чтобы мы сознавали ихъ, прежде чѣмъ станемъ мыслить объ нихъ. Слѣдовательно, заключаетъ Стюартъ Милль, мы совсѣмъ не понимаемъ ихъ, и такимъ образомъ впадаетъ въ противоположную крайность.

Не менѣе странны слѣдствія, выводимыя Стюартомъ Миллемъ изъ своеобразнаго взгляда на математику, какъ науку чисто воображаемую, и въ тоже время, какъ на великаго дѣятеля, отъ котораго зависитъ прогрессъ естественныхъ наукъ. «Отсюда слѣдуетъ, говоритъ онъ, что науки дедуктивныя или демонстративныя, всѣ безъ исключенія,... суть науки гипотетическія. Ихъ заключенія истинны только при извѣстныхъ предположеніяхъ, которыя бываютъ или должны бы быть близки къ истинѣ, но рѣдко, а можетъ быть и никогда, не бываютъ вполнѣ истинными» [1]). Для изслѣдованія о народонаселеніи какой либо страны, напримѣръ, безразлично, взрослые ли то люди, или дѣти, сильны они, или слабы, высокаго роста или невысокаго; требуется только опредѣлить ихъ число. Но когда изъ равенства или неравенства въ числѣ требуется сдѣлать выводъ о равенствѣ или неравенствѣ въ какомъ либо другомъ отношеніи, ариѳметика, примѣняемая въ такомъ изслѣдованіи, становится наукою столько же гипотетическою, какъ и геометрія... Итакъ, всѣ науки дедуктивныя-гипотетичны. Онѣ занимаются выводомъ слѣдствій изъ нѣкоторыхъ предположеній, предоставляя отдѣльному изслѣдованію рѣшеніе вопроса о томъ, истинны ли эти предположенія, или нѣтъ, и если они несовершенно истинны, то достаточно ли приближаются къ

---

[1]) Systeme de Logique vol. 1 p. 288

истинѣ... Ни одинъ изъ законовъ механики или физики не соотвѣтствуетъ точно фактамъ» [1]).

Итакъ, всѣ наши науки состоятъ только изъ гипотезъ, потому что всѣ имѣютъ своею исходною точкой, въ томъ или другомъ видѣ, общія гипотетическія предложенія; ни одна изъ наукъ, за исключеніемъ собственно математики съ ея общими формулами, не отличается характеромъ безусловной достовѣрности. Но и математика—сама по себѣ только первая и высшая изъ гипотезъ. Такимъ образомъ, все разрушается; остается, повидимому, только безусловный скептицизмъ. Протагоръ утверждалъ, что ощущеніе служитъ мѣрою всѣхъ вещей, и пришелъ къ полному скептитизму. Стюартъ Милль утверждаетъ, что конкретныя понятія служатъ источникомъ всякаго знанія, и приходитъ къ тому же результату. Но тогда какъ греческій софистъ находитъ основу достовѣрности въ измѣнчивой матеріи; англійскій софистъ думаетъ открыть ее въ индукціи и правилахъ ея.

---

[1]) Systeme de Logique v. 1. p. 296, 297.

IV.

Индукція и законъ причинности.

Въ математикѣ, какъ и во всякой другой наукѣ, продолжаетъ Стюартъ Милль, истинны аксіомы... онѣ суть индуктивные выводы, не нуждающіеся въ измышленныхъ предположеніяхъ, чтобы быть принятыми за точныя истины... онѣ основываются только на опытныхъ истинахъ, на обобщеніяхъ наблюденій [1]). «Безъ ощущенія, получаемаго нами отъ дѣйствительной прямой линіи, мы никогда не могли бы образовать представленіе о прямой линіи воображаемой; точно также, если бы мы никогда не наблюдали двухъ линій, пересѣкающихъ одна другую и затѣмъ все болѣе и болѣе удаляющихся одна отъ другой, никогда не додумались бы до аксіомы, что двѣ линіи, пересѣкающія одна другую, никогда не могутъ встрѣтиться» [2]). Безполезно повторять только что высказанныя нами замѣчанія относительно происхожденія математическихъ представленій. Стюартъ Милль неутомимо преслѣдуетъ свою точку зрѣнія и приходитъ къ тому заключенію, что науки дедуктивныя или демонстративныя, всѣ безъ исключенія, произошли изъ наукъ индуктивныхъ, и что очевидность ихъ основывается всецѣло на опытѣ». Но какъ это возможно? Мы наблюдаемъ въ дѣйствительности линіи, имѣющія ширину и высоту, точки, доступныя измѣреніямъ; но никогда, ни при математическихъ вычисленіяхъ, ни при примѣненіи ихъ къ естественнымъ наукамъ, мы не разсуждаемъ по этимъ, чувственно наблюдаемымъ и видимымъ нами, точкамъ и линіямъ; и однакоже математика—есть

---

[1]) Systeme de Logique v. I. p. 258—261.
[2]) Systeme de Logique v. I. p. 288.

наука, путемъ индукціи выведенная изъ этихъ, чувственно наблюдаемыхъ, точекъ и линій, и очевидность ея истинъ основывается на опытѣ. Для Стюарта Милля совершенно безразличенъ вопросъ о возможности, или невозможности; это слѣдствіе, необходимо вытекающее изъ его принципа,— что мы всегда заключаемъ отъ частнаго къ частному, — и индукція становится, поэтому, единственнымъ источникомъ знанія и достовѣрности, совершенно такъ же какъ Werden Гегеля сдѣлалось основою его ученія.

Индукцію Стюартъ Милль опредѣляетъ, какъ такой умственный процессъ, посредствомъ котораго мы заключаемъ, что признаваемое нами истиннымъ въ одномъ или нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ, будетъ истиннымъ во всѣхъ случаяхъ, сходныхъ съ первыми, въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ отношеніяхъ». Но «сходство, какъ сказалъ Стюартъ Милль выше, есть нѣчто, недоступное анализу и необъяснимое», слѣдовательно, его опредѣленіе индукціи сводится къ софизму, который самъ онъ обозначилъ именемъ логическаго круга.

Химикъ, продолжаетъ Стюртъ Милль, объявляющій объ открытіи имъ новаго вещества, встрѣчаетъ съ нашей стороны полное довѣріе, не смотря на то, что его индукція основывается только на одномъ фактѣ... Напротивъ, всѣ примѣры, извѣстные отъ начала міра, свидѣтельствовавшіе о томъ, что всѣ вороны черны, недостаточны для того, что уравновѣсить свидѣтельство одного, заслуживающаго довѣріе, человѣка, который утверждалъ бы, что видѣлъ въ какой либо, еще неизслѣдованной, странѣ сѣраго ворона... Почему же одинъ примѣръ бываетъ достаточенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ для правильнаго индуктивнаго заключенія, тогда какъ въ другихъ случаяхъ множество согласныхъ фактовъ недостаточны для установки общаго положенія? «Кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, тотъ лучше знаетъ логику, чѣмъ ученѣйшій изъ древнихъ мудрецовъ, и разрѣшилъ проблемму индукціи [1])». Да; дѣйствительно, у мудрѣйшаго изъ древнихъ философовъ Стюартъ Милль заимствуетъ, не сознавая

[1]) Systeme de Logique v. I. p. 165.

этого, рѣшеніе проблеммы. «Мы знаемъ вещь, говоритъ Аристотель, только тогда, когда знаемъ ея причину. Причина же узнается только посредствомъ опыта и индукціи [1])». Но Стюартъ Милль, полагающій, что онъ сдѣлалъ новое открытіе, даетъ правилу Аристотеля болѣе красивую форму». Для того, чтобы рѣшить проблемму индукціи, говоритъ онъ, необходимо открыть законъ, обнимающій всю совокупность фактовъ. Вотъ основная проблемма индукціи... Но, этотъ законъ есть законъ причинности [2])».

«Все, имѣющее начало, говоритъ Стюартъ Милль, имѣетъ и причину; такое обобщеніе, можетъ показаться неважнымъ, потому что, въ концѣ концевъ, оно сводится къ слѣдующему утвержденію: то—законъ, что всякое явленіе зависитъ отъ закона,—что для каждой вещи существуетъ законъ [3])». Это опять смѣшеніе терминовъ, очевидно, составляющее уступку доктринѣ позитивистовъ; ибо не могъ же Милль не знать, что иное дѣло законъ и иное дѣло причина; что формула квадрата разстояній, напримѣръ, не можетъ быть причиною паденія и самаго малаго камня.

Итакъ, аксіома причинности есть аксіома самая всеобщая, обнимающая всю совокупность явленій. «Однако, продолжаетъ Стюартъ Милль, вѣра въ эту аксіому не есть инстинктъ, одинъ изъ законовъ нашей способности вѣрить, какъ предполагаетъ метафизическая школа, которая считаетъ аксіому причинности врожденною... Это—ошибка... Несправедливо, будто человѣчество всегда вѣрило въ однообразное слѣдованіе явленій по опредѣленнымъ законамъ. Греческіе философы, не исключая даже Аристотеля, помѣщали въ число дѣятелей природы случай и самопроизвольность... и даже тѣ метафизики, которые рѣшительно стоятъ за инстинктивный характеръ аксіомы причинности, полагаютъ, что человѣческая воля составляетъ исключеніе изъ этого принципа [4])». Каждый разъ, когда Стюартъ Милль ссылается на метафи-

---

[1]) Analytique I, 4.
[2]) Analytique I, 30.
[3]) Systeme de Logique vol. I. p. 368.
[4]) Systeme de Logique v. II p. 96.

зиковъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ самъ впадетъ въ ту ошибку, въ какой упрекаетъ ихъ. Нѣтъ, говоритъ онъ, причинъ самодѣятельныхъ (spontanées), какъ думалъ Аристотель и какъ думаютъ и теперь еще метафизики, допускающіе свободу человѣческой воли; всюду законы управляютъ слѣдованіемъ явленій. Но въ такомъ случаѣ, нѣтъ причинъ совсѣмъ; явленія тяжести управляются законами, но тяжесть не можетъ быть дѣйствующею причиною сама по себѣ, потому что сама по себѣ не существуетъ; слѣдовательно, другіе законы обусловливаютъ ея существованіе, а эти законы, въ свою очередь, управляются новыми законами—и такъ далѣе... Стюартъ Милль принимаетъ аксіому въ смыслѣ гораздо болѣе отвлеченномъ и безусловномъ, чѣмъ Аристотель и метафизики. Если безусловно не существуетъ явленій безъ причины, мы никогда не достигнемъ знанія какой либо причины, потому что можемъ познавать только явленія. Стюартъ Милль утверждаетъ и оспариваетъ въ одно и тоже время аксіому, ставитъ ее принципомъ знанія и достовѣрности, и уничтожаетъ возможность этого знанія и этой достовѣрности.

Какъ же понять эту странную аксіому, которая не есть ни инстинктъ, ни законъ нашего ума, и однако является изъ всѣхъ аксіомъ самою общею, составляетъ тайну нашихъ индукцій и всѣхъ успѣховъ науки? «Вѣра во всеобщность закона, связующаго слѣдствіе съ причиной, отвѣчаетъ Стюартъ Милль, сама по себѣ есть примѣръ индукціи. Мы приходимъ къ этому всеобщему закону путемъ обобщенія множества законовъ, менѣе общихъ, каковы, напримѣръ: пища поддерживаетъ жизнь, огонь жжетъ, вода моетъ... Но эти первоначальныя, ненаучныя индукціи имѣютъ различную степень достовѣрности... Совершенствованіе состоитъ въ постепенномъ исправленіи грубыхъ обобщеній... Ненадежность метода простаго перечисленія (индукція per enumerationem simplicem) стоитъ въ обратномъ отношеніи къ обширности обобщенія. Чѣмъ шире область обобщенія, тѣмъ менѣе риска ошибиться, такъ что ряды истинъ наиболѣе всеобщихъ, каковы, напримѣръ, законъ причинности, или основныя начала чиселъ и геометріи, вполнѣ достаточно до-

казываются однимъ этимъ методомъ» [1]). «Ненадежность метода простаго перечисленія, говоритъ Стюартъ Милль, обратно пропорціональна обширности обобщенія», между тѣмъ, нѣсколькими страницами выше, онъ утверждалъ, «что иногда безчисленное множество фактовъ, подпадавшихъ наблюденію, отъ начала міра,—какъ напримѣръ, относительно положенія «всѣ вороны черны»,—недостаточны для того, чтобы сдѣлать индукцію совершенною». Тѣмъ не менѣе аксіома причинности, по мнѣнію Стюарта Милля, совершенно достаточно доказывается этимъ методомъ и не допускаетъ иного доказательства. Слѣдовательно, она и выработана при посредствѣ этого метода? Нисколько. «Наши индуктивные процессы, продолжаетъ Стюартъ Милль, предполагаютъ законъ причинности, но законъ причинности есть также слѣдствіе индукціи это было бы парадоксомъ только съ точки зрѣнія старой теоріи умозаключенія, въ которой большая посылка, т. е. общая истина разсматривалась какъ реальное доказательство тѣхъ истинъ, которыя ясно слѣдуютъ изъ нея. Съ нашей же точки зрѣнія, напротивъ, большая посылка не есть доказательство. Предложеніе: «всѣ люди смертны» не есть доказательство предложенія: «лордъ Пальмерстонъ смертенъ». Изъ нашего прошлаго опыта, изъ нашихъ наблюденій надъ смертностью мы выводимъ одинаково, съ одною и тою же степенью достовѣрности, и общее положеніе и частный фактъ» [2]). Это уже не примѣръ, а цѣлый трактатъ софистическій. Сначала, Стюартъ Милль, вмѣсто того чтобы объяснить, какимъ образомъ законъ причинности можетъ быть и условіемъ и слѣдствіемъ индукціи, разсуждаетъ о смертности всѣхъ людей и о смерти лорда Пальмерстона въ частности—что̀ составляетъ софизмъ ignoratio elenchi, который самъ онъ называетъ, слѣдуя архіепископу Уэтли, софизмомъ, въ которомъ выводится заключеніе, несоотвѣтствующее тому, о чемъ идетъ рѣчь» [3]). Далѣе—положеніе «всѣ люди смертны» есть дѣйствительно истина всеобщая;

---

[1]) Systeme de Logique vol. 11. p. 100.
[2]) Systeme de Logique v. 1. p. 103.
[3]) Systeme de Logique v. 11. p. 409.

мы не знаемъ случая, чтобы человѣкъ, когда либо жившій, не умеръ; между тѣмъ какъ законъ причинности, по мнѣнію Стюарта Милля, не отличается въ такой степени всеобщностью, потому что Аристотель и метафизики не считаютъ его такимъ; это составляетъ, опять, по его же собственному опредѣленію, софизмъ сложенія (de composition). «Самая обыкновенная форма употребленія его состоитъ въ томъ, что сначала утверждается что либо о каждомъ индивидуумѣ извѣстнаго класса, въ отдѣльности, а потомъ тоже самое заключается о цѣломъ классѣ коллективно» [1]).

Затѣмъ, Стюартъ Милль утверждаетъ, что мы устанавливаемъ, путемъ индукціи, аксіому причинности точно также, какъ дѣлаемъ заключеніе о смертности всѣхъ людей; но ему слѣдовало доказать то положеніе, что аксіома причинности служитъ условіемъ нашихъ индукцій, между тѣмъ какъ предложеніе «всѣ люди смертны», ни въ какомъ случаѣ не служитъ условіемъ какого бы то ни было умственнаго процесса; это—третье заблужденіе, которое Стюартъ Милль опредѣляетъ какъ софизмъ, происходящій отъ двусмысленности словъ» [2]). Наконецъ, совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ вещь, предполагаемая другою, какъ условіе, можетъ быть произведеніемъ этой послѣдней? Если аксіома причинности есть верховный законъ, причина нашихъ индукцій, какимъ образомъ индукція можетъ производить ее? Причина стала бы тогда слѣдствіемъ самой себя, а слѣдствіе причиной, это уже—не парадоксъ и не софизмъ, а нелѣпость.

«Нѣтъ ни одного индуктивнаго заключенія, продолжаетъ Стюартъ Милль, какъ бы оно ни было тѣсно, достовѣрность котораго не увеличивалась бы въ томъ случаѣ, если мы можемъ связать его съ обширнѣйшей изъ всѣхъ возможныхъ индукцій—съ индукціей причинности.... Это послѣдняя степень очевидности, до какой можно дойти путемъ заключенія... Самая высшая достовѣрность, какая можетъ быть достигнута нами, состоитъ въ томъ, что такое-то явленіе имѣетъ такую-то причину, или что нѣтъ явленія

---

[1]) Systeme de Logique v. 11. p. 398.
[2]) Systeme de Logique v. 11. p. 386—398.

безъ причины [1]). Каждая изъ этихъ фразъ опять представляетъ софизмъ. Ни одно индуктивное заключеніе не пріобрѣтаетъ большей достовѣрности отъ того, что мы связываемъ его съ закономъ причинности по той очень простой причинѣ, что аксіома причинности уже содержится въ немъ. Локкъ съ удивительною ясностію доказалъ это, а Аристотель, гораздо раньше Локка, сказалъ, что ничто не доказывается общими истинами. Не представляетъ также законъ причинности и послѣдней степени очевидности, до какой мы можемъ достигнуть, ибо самъ по себѣ этотъ законъ не открываетъ намъ ни малѣйшей причины, ни малѣйшаго слѣдствія. Если же Стюартъ Милль утверждаетъ, что самая высшая достовѣрность, какой мы можемъ достигнуть, состоитъ въ томъ, что такое-то явленіе зависитъ отъ такой-то причины, то онъ опять возвращается въ ту область смѣшеній и заблужденій, въ какой вращался доселѣ. Отвлеченное понятіе причины для Стюарта Милля тоже самое, что представленіе огня, который жжетъ,—воды, которая моетъ; но съ точки зрѣнія всеобщей причинности и вода есть слѣдствіе и огонь—слѣдствіе; откуда же беретъ Стюартъ Милль идею причины? Смѣшеніе полное! Однако, въ послѣдней фразѣ Стюартъ Милль возвращается въ свою сферу и утверждаетъ тоже, что̀ сказано еще Аристотелемъ, что развитіе науки условливается не идеей причины, но открытіемъ дѣйствительныхъ причинъ.

Возвратившись въ свою сферу, Стюартъ Милль не болѣе будетъ счастливъ, какъ при опредѣленіи реальныхъ причинъ, такъ и при опредѣленіи правилъ вывода и открытія ихъ. Тоже смѣшеніе понятій будетъ встрѣчаться у него на каждомъ шагу. «За нѣкоторыми фактами, говоритъ онъ, всегда слѣдуетъ и, по нашему мнѣнію, будутъ слѣдовать другіе факты. Неизмѣнно предшествующій фактъ называется причиною, неизмѣнно слѣдующій за нимъ—слѣдствіемъ» [2]). Чрезъ двѣ страницы ниже Стюартъ Милль признаетъ, однако, что «есть дѣйствія, которыя начинаются одновременно съ

---

[1]) Systeme de Logique. v. 1 p. 102—104.
[2]) Systeme de Logique. v. 1. p. 370.

ихъ причиною, и въ этихъ случаяхъ не существуетъ ни предъидущаго, ни послѣдующаго... Необходимо ли причина и слѣдствіе должны быть послѣдовательными, или нѣтъ, остается несомнѣннымъ,что начало явленія есть то, что предполагаетъ причину и что причинность есть законъ послѣдовательности явленій. Если эти аксіомы допущены, то можно согласиться— хотя я не вижу въ этомъ нужды—отказаться отъ выраженій «предъидущее» и «послѣдующее» въ примѣненіи къ причинѣ и слѣдствію» [1]). Мы вполнѣ согласны допустить эти аксіомы; но что станетъ тогда съ опредѣленіемъ причинности, установленнымъ Стюартомъ Миллемъ, если выбросить изъ него выраженія: «предъидущее» и «послѣдующее»? Оно приметъ тогда слѣдующую странную форму: при слѣдованіи явленій неизмѣнная причина есть причина неизмѣннаго слѣдствія! Паралогизмъ, который объясняется только тѣмъ, что Стюартъ Милль смѣшиваетъ конкретныя причины съ отвлеченнымъ понятіемъ причины, которое онъ стремится отвлечь отъ нихъ и опредѣлить; факты ускользаютъ отъ него и остается только отвлеченное, само по себѣ пустое, понятіе: причина есть причина. Нужно было бы различать, онъ смѣшиваетъ и серьезно заявляетъ, что «это понятіе о причинѣ есть корень всей теоріи индукціи» [2]).

Не болѣе удачны и правила индукціи, устанавливаемыя Стюартомъ Миллемъ. «Открыть, говоритъ онъ, законы причинности, дѣйствующіе въ природѣ, опредѣлить слѣдствія каждой причины и причины всѣхъ слѣдствій—вотъ главная задача индукціи, а указать какъ это дѣлается—главный предметъ индуктивной логики» [3]). Первыми условіями индуктивнаго изслѣдованія, по мнѣнію Стюарта Милля, служатъ: наблюденіе и опытъ. «Наблюденіе состоитъ не въ томъ только, чтобы видѣть предметъ, находящійся предъ глазами, но въ томъ, чтобы видѣть части, изъ какихъ онъ состоитъ» [4]). Что касается эксперимента, то «онъ есть только громадное

---

[1]) Systeme de Logique v. 1. p. 386.
[2]) Systeme de Logique v. 1. p. 368.
[3]) Systeme de Logique v. 1. p. 414.
[4]) Systeme de Logique v. 1. p. 414.

разширеніе наблюденія. Онъ даетъ намъ возможность получить безчисленныя сочетанія обстоятельствъ, которыя не встрѣчаются въ природѣ.... и позволяетъ намъ наблюдать явленіе въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Люди никогда не узнали бы о существованіи электричества, если бы навсегда остались при одномъ наблюденіи явленій молніи и грома. Электрическія машины, напротивъ, показали людямъ, что электричество—одинъ изъ великихъ дѣятелей въ природѣ.... Наблюденіе безъ опыта можетъ утвердить факты послѣдовательности и сосуществованія, но не можетъ доказать причиннаго отношенія» [1]). Читая эти страницы, повидимому, столь умѣренныя и сдержанныя, не легко открыть то смѣшеніе понятій, которое въ нихъ скрывается и котораго Стюартъ Милль упорно держится, какъ idée fixe.

Въ теченіе вѣковъ люди замѣчали, что кипящая вода, приподнимаетъ крышку сосуда, но никто не увидѣлъ въ ней силы (пара); въ теченіе вѣковъ также они производили опыты надъ теплотою во всѣхъ видахъ, но никто не замѣтилъ, что она продуктъ соединенія тѣлъ. Безсмертныя индукціи Папена и Лавуазье должны были бы, однако, обратить вниманіе Стюарта Милля на тотъ умственный процессъ, который привелъ къ нимъ. Но Стюартъ Милль далекъ отъ этого; онъ видитъ только матеріальный фактъ, а потому, первыми условіями индукціи у него остаются наблюденіе и экспериментація. Но «наблюденіе можетъ только констатировать факты слѣдованія и сосуществованія явленій», говоритъ онъ намъ; въ этотъ моментъ онъ приближается къ истинѣ, но какъ бы для того только, чтобы тотчасъ же допустить еще большую ошибку; опытъ, прибавляетъ онъ, доказываетъ причинную зависимость.—Сталь и многіе другіе производили многочисленные опыты надъ флогистиномъ и старались доказать существованіе его; но ихъ индукція была ложна и ихъ опыты не доказали ничего; тогда какъ индукція Лавуазье была вѣрна и онъ подтвердилъ ее своими опытами. Очевидно, опыты сами по себѣ не доказываютъ ни истиннаго, ни ложнаго, и тѣмъ болѣе причинной зависимости; но дѣйствительная при-

[1]) Systeme de Logique x. 1. p. 418—419.

чина, будучи открытою посредствомъ правильной индукціи, подтверждается опытами, какъ это сдѣлалъ Лавуазье. Наконецъ, всякій опытъ самъ по себѣ предполагаетъ индукцію, а потому и не можетъ быть условіемъ ея, точно такъ же, какъ аксіома причинности не можетъ быть вмѣстѣ и причиною и слѣдствіемъ индукціи. Не электрическими машинами было доказано существованіе электричества въ стеклѣ и въ смолѣ, а наоборотъ—машины построены послѣ того, какъ эти два вида электричества были открыты. Все смѣшивается въ мышленіи Стюарта Милля: не только отвлеченныя понятія съ конкретными, слѣдствія съ причинами, но даже индукція съ доказательствомъ, опытъ съ наблюденіемъ.

Правила индукціи, установленныя Стюартомъ Миллемъ, вполнѣ доказываютъ это. «Есть два самыхъ простыхъ и самыхъ обыкновенныхъ способа выдѣлять изъ обстоятельствъ, предшествующихъ явленію, или слѣдующихъ за нимъ, тѣ, съ которыми это явленіе реально связано неизмѣннымъ закономъ. Одинъ—состоитъ въ сравненіи различныхъ случаевъ, въ которыхъ явленіе встрѣчается; другой—въ сравненіи случаевъ, въ которыхъ явленіе бываетъ, съ такими случаями, которые подобны первымъ въ другихъ отношеніяхъ, но въ которыхъ явленія не бываетъ. Первый изъ этихъ двухъ, способовъ можно назвать методомъ согласія, другой—методомъ различія» [1]).

«Первое правило». Просимъ извиненія у читателя, что приводимъ нижеслѣдующія отвлеченныя объясненія; онѣ необходимы, чтобы понять заразъ и правила Стюарта Милля и его постоянную софистику. «Если два или болѣе явленій, служащихъ предметомъ изслѣдованія, имѣютъ только одно обстоятельство общее, то это обстоятельство, въ которомъ одномъ всѣ случаи сходны, есть или причина явленія, или слѣдствіе его» [2]). «Допустимъ, что А есть дѣятель или причина и что изслѣдованіе имѣетъ задачею опредѣлить дѣйствія этой причины. Если можно встрѣтить въ природѣ или произвести въ опытѣ дѣятеля А при разнообразныхъ обстоя-

---

[1]) Systeme de Logique v. 1. p. 424—425.
[2]) Systeme de Logique v. 1. p. 429.

тельствахъ, и если различные случаи не имѣютъ ни одного обстоятельства общаго, за исключеніемъ A, то всякое дѣйствіе, которое замѣчается во всѣхъ случаяхъ, является дѣйствіемъ A. Предположимъ, напримѣръ, что A подлежитъ испытанію вмѣстѣ съ B и C и получается дѣйствіе a, b, c; затѣмъ, что A, будучи соединено съ D и E, но безъ B и C, даетъ дѣйствіе a, d, e. Допустивъ это, станемъ разсуждать такъ: b и c не суть дѣйствія причины A, потому что они не были произведены A во второмъ опытѣ; *d* и *e* также не суть дѣйствія A, потому что онѣ не были произведены въ первомъ опытѣ. Дѣйствительное дѣйствіе A, каково бы оно ни было, должно было оказаться въ обоихъ случаяхъ; но этому условію удовлетворяетъ лишь одно обстоятельство—*a*. Явленіе *a* не могло быть слѣдствіемъ ни B, ни C, потому что было произведено при ихъ отсутствіи; по той же причинѣ оно не могло быть слѣдствіемъ ни D ни E. Итакъ, оно есть дѣйствіе A. Пусть, напримѣръ, предшествующимъ фактомъ—A будетъ соединеніе щелочнаго вещества и масла. Это соединеніе, будучи произведено при различныхъ обстоятельствахъ, ни въ какомъ отношеніи несходныхъ между собою, даетъ одинъ и тотъ же результатъ—произведеніе жирнаго и мыльнаго вещества. Изъ этого заключаютъ, что соединеніе масла и щёлочи образуетъ мыло. Такимъ образомъ ведется, по методу согласія, открытіе слѣдствія данной причины [1]).»

«Возьмемъ тотъ же примѣръ въ обратномъ видѣ. Пусть предшествующимъ фактомъ — A будетъ вещество жирное и мыльное; разложеніе этого вещества произведено при различныхъ обстоятельствахъ, ни въ какомъ отношеніи несходныхъ между собою, но сходныхъ въ результатѣ—въ произвеніи щёлочи и масла. Тогда получится заключеніе, что разложеніе мыла есть причина происхожденія щёлочи и масла. Неужели и это будетъ изслѣдованіемъ слѣдствія данной причины, по методу согласія? Но вполнѣ обнаруживаетъ Стюартъ Милль свое заблужденіе въ отвлеченномъ объясненіи, которое онъ даетъ своему правилу. A не можетъ произвести само собою *a;* въ противномъ случаѣ оно

[1]) Systeme de Logique v. 1. p. 426.

было бы самодѣятельною причиною, какъ утверждаетъ Стюартъ Милль въ своей критикѣ Аристотеля и метафизиковъ. Но *A* въ соединеніи съ *BC* и *DE* производитъ всегда *a;* слѣдовательно, дѣйствительная причина *a* не A, но свойства, пріобрѣтаемыя A въ соединеніи съ BC и DE, а также свойства BC и DE, пріобрѣтаемыя ими въ соединеніи съ A. Правило Стюарта Милля и объясненіе его, не только не научаютъ насъ заключать о причинѣ даннаго слѣдствія, но и показываютъ, что эта причина не есть въ дѣйствительности причина. Двойной софизмъ! Сначала Стюартъ Милль смѣшиваетъ отвлеченное понятіе причины, которое предоставляется намъ какъ нѣчто единичное, съ сложною причинностью, наблюдаемою въ дѣйствительности. Благодаря этой ошибкѣ—мы нашли возможнымъ переворотить его примѣръ; благодаря ей же, A показалось Стюарту Миллю дѣйствительною причиною *a,* хотя, по его собственному воззрѣнію на причинность, это невозможно. Что касается другой его ошибки, то самъ Стюартъ Милль указываетъ намъ ее подъ именемъ софизма, ненаблюденія, состоящаго въ пренебреженіи такими фактами и особенностями, замѣтить которыя слѣдовало бы [1])».

«Второе правило: если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе наблюдается, и случай, въ которомъ оно не замѣчается, сходны по всѣмъ обстоятельствамъ, кромѣ одного, встрѣчающагося только въ первомъ случаѣ; то это обстоятельство, составляющее единственную разницу между двумя случаями, есть слѣдствіе, или причина или необходимая часть явленія [2])». Другими словами: «при методѣ различія требуется найти два случая, которые, будучи сходны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, различаются присутствіемъ или отсутствіемъ изучаемаго явленія... Нѣтъ нужды, продолжаетъ Стюартъ Милль, приводить примѣры этого логическаго процесса, которому мы обязаны почти всѣми индуктивными заключеніями, выводимыми ежеминутно въ обыденной жизни».

---

[1]) Systeme de Logique v. II. p. 341.
[2]) Systeme de Logique v. I. p. 430.

«Когда человѣкъ пораженъ въ сердце пулей, то именно по этому методу мы узнаемъ, что человѣкъ убитъ выстрѣломъ, потому что непосредственно предъ тѣмъ, при всѣхъ тѣхъ же обстоятельствахъ, за исключеніемъ раны, онъ былъ совершенно здоровъ[1]).» Но эта индукція безусловно гипотетична. Чтобы она была строго точною, нужно бы знать, не умеръ ли человѣкъ—отъ апоплексическаго удара, отъ аневризма, или отъ испуга—прежде, чѣмъ пуля коснулась его; да и помимо всѣхъ этихъ случайностей, для вѣрности индукціи слѣдуетъ еще доказать, что рана, нанесенная человѣку выстрѣломъ въ сердце, была безусловно смертельною, что̀ могутъ оспаривать еще даже самые искусные медики. Примѣръ, приведенный Стюартомъ Миллемъ, опять софизмъ, названный имъ же самимъ софизмомъ, происходящимъ отъ плохаго наблюденія. «Худымъ бываетъ наблюденіе, когда что либо не только не замѣчается, но замѣчается невѣрно, когда фактъ или явленіе признаются не тѣмъ, что они въ дѣйствительности, а чѣмъ либо инымъ [2]).»

Наконецъ, это правило заключаетъ въ себѣ тоже смѣшеніе понятій, что и предъидущее. B и C, D и E никогда не производятъ *a*, но присутствія A достаточно для того, чтобы *a* явилось. Однако A само по себѣ не есть причина его, потому что въ такомъ случаѣ оно производило бы его самодѣятельно; итакъ, истинная причина *a* заключается въ свойствахъ B и C, D и E, соединенныхъ съ A, и въ способности A соединяться съ другими. Но какъ открыть эти свойства? Какъ изолировать ихъ? Затѣмъ, какъ сдѣлавши открытіе, доказать вѣрность индукціи? Вотъ на эти вопросы Стюартъ Милль долженъ бы отвѣтить, чтобы серьезно опредѣлить научную индукцію, правила и доказательства ея. Но Стюартъ Милль не могъ и думать объ этомъ; не одни его софизмы «худаго наблюденія и ненаблюденія» заграждали ему путь къ этой цѣли, а и принципъ всей его доктрины препятствовалъ ему въ этомъ.

Восходить къ свойствамъ вещей значитъ восходить къ

---

[1]) Systeme de Logique v. I. p. 429.
[2]) Systeme de Logique v. I. p. 341.

тому, почему онѣ существуютъ, видоизмѣняются и дѣйствуютъ, значитъ искать основныхъ и первоначальныхъ причинъ, а эти причины, по рѣшительному заявленію Стюарта Милля, останутся навсегда скрытыми отъ насъ. «Мы не можемъ, говоритъ онъ, ничего знать о происхожденіи первоначальныхъ и постоянныхъ причинъ... Мало того, въ самомъ распредѣленіи ихъ мы не можемъ открыть никакой правильности, не можемъ подвести его подъ какой либо одинъ типъ, или одинъ законъ... Сосуществованіе первоначальныхъ причинъ представляется намъ совершенно случайнымъ [1])». Ничто не упускается изъ виду, система — полная. Правила не научаютъ насъ ни открытію, ни доказательству истинныхъ причинъ, и мы не можемъ поэтому никогда знать что либо о нихъ. Заключеніе странное, но покрайней мѣрѣ логичное!

О двухъ послѣднихъ правилахъ Стюарта Милля мы скажемъ только нѣсколько словъ, имѣя въ виду, что и самъ онъ придаетъ имъ мало значенія. Одно изъ нихъ онъ называетъ методомъ остатковъ. «Принципъ его очень простъ. Отнимая отъ даннаго явленія все то, что на основаніи прежнихъ индукцій можетъ быть приписано извѣстнымъ причинамъ, мы получимъ въ остаткѣ дѣйствіе предшествующихъ явленію фактовъ, которые были упущены изъ виду, или дѣйствіе которыхъ было доселѣ неизвѣстно [2])». Этимъ Стюартъ Милль хочетъ сказать, что когда мы отнимемъ отъ явленія дѣйствія и причины извѣстныя, то въ остаткѣ получимъ дѣйствія причинъ, или причины дѣйствій неизвѣстныя. Поразительно наивны бываютъ иногда самые проницательные умы.

Послѣднее изъ четырехъ правилъ еще менѣе серьезно. «Оно приложимо къ тѣмъ постояннымъ причинамъ, неуничтожимымъ естественнымъ дѣятелямъ, которыхъ невозможно ни исключить и изолировать, ни заставить являться отдѣльно... Это методъ сопутсвующихъ измѣненій... Онъ подчиненъ слѣдующему правилу: явленіе, измѣняющееся какимъ либо образомъ всякій разъ, когда другое явленіе измѣняется

---

[1]) Systeme de Logique v. I. p. 389.
[2]) Systeme de Logique v. I. p. 439.

однимъ и тѣмъ же образомъ, есть причина или слѣдствіе этого послѣдняго, или связано съ нимъ какимъ либо фактомъ причинности [1])». Но это именно то̀, что̀ требуется открыть и значитъ необходимо было дать правило для этого открытія. Пусть одно явленіе измѣняется какимъ либо образомъ всякій разъ, когда другое явленіе измѣняется однимъ и тѣмъ же образомъ; когда же оно причина явленія и когда слѣдствіе? Когда—оба явленія связаны какимъ либо фактомъ причинности? Камень падаетъ и проходимое имъ разстояніе измѣняется при его паденіи. Камень ли былъ причиною разстоянія? Разстояніе ли причиною камня? Или же, наконецъ, тяжесть была вмѣстѣ причиною и камня и разстоянія?

Эти четыре метода, какъ величаетъ ихъ Стюартъ Милль, служатъ, по его мнѣнію, «единственными возможными способами экспериментальнаго изслѣдованія [2])». «Они составляютъ съ помощью дедукціи всю совокупность средствъ, какими владѣетъ человѣческій умъ, для опредѣленія послѣдовательности явленій [3])». Въ этихъ строкахъ Стюартъ Милль открыто заявляетъ, что онъ софистъ.

---

[1]) Systeme de Logique v. I. p. 442.
[2]) Systeme de Logique v. I. p. 492.
[3]) Systeme de Logique v. I. p. 449.

V.

Дедукція.

«Есть науки, продолжаетъ Стюартъ Милль, въ которыхъ причины и слѣдствія изучаемыхъ явленій представляютъ такую сложность, что никогда два подобныхъ случая не являются при одинаковыхъ обстоятельствахъ; да еслибъ и явились, то не было бы возможности знать, вполнѣ ли они сходны. Въ этихъ сложныхъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо примѣненіи опытнаго метода.... Множественность причинъ почти безгранична въ этихъ наукахъ, и дѣйствія, по большей части, перепутаны однѣ съ другими до невозможности распутать ихъ.... Обычное мнѣніе, что въ политическихъ наукахъ, напримѣръ, лучшимъ методомъ изслѣдованія можетъ служить бэконовская индукція, что истиннымъ руководителемъ въ этихъ изслѣдованіяхъ бываетъ не умозаключеніе, а спеціальный опытъ,—это мнѣніе будетъ нѣкогда приводиться какъ одинъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ признаковъ упадка умозрительныхъ способностей той эпохи, когда оно пользовалось довѣріемъ» [1]). Мы имѣемъ серьезныя основанія опасаться, какъ бы этого не случилось относительно дедукціи Стюарта Милля. Поднимающійся материкъ, буря въ океанѣ, землетрясеніе суть ли явленія болѣе простыя и менѣе сложныя, чѣмъ смерть короля, напримѣръ, война, или народное возмущеніе?—Мы констатируемъ современное политическое событіе, пользуясь тѣми же средствами и съ такою же очевидностью, какъ и явленіе физическое. Если же объ историческихъ событіяхъ судимъ только по памятникамъ и обломкамъ, уцѣлѣвшимъ отъ нихъ, то развѣ геологи строятъ свою науку не на подобныхъ же остаткахъ прошедшаго и сохранившихся слѣ-

[1]) Systeme de Logique v. 1. p. 508.

дахъ земныхъ переворотовъ? Факты, къ которымъ обращаются первые, представляются ли менѣе наглядными и очевидными, чѣмъ тѣ, какіе служатъ данными для послѣднихъ? Иными ли глазами мы наблюдаемъ явленія природы, иными ли чувствами испытываемъ вліяніе ея силъ, чѣмъ наблюдаемъ и испытываемъ людскія страсти и ихъ дѣйствія? Стюартъ Милль не понялъ ни индукціи, ни правилъ ея, онъ смѣшалъ открытіе съ доказательствомъ его; вслѣдствіе этого, факты сколько нибудь сложные ускользаютъ отъ него и онъ вынужденъ смотрѣть на открытіе законовъ, управляющихъ фактами, съ искусственной и ложной точки зрѣнія, повлекшей его къ цѣлому ряду ошибокъ.

«Въ этихъ наукахъ, продолжаетъ Стюартъ Милль, неизбѣжно разсматривать причины отдѣльно и выводить заключеніе о дѣйствіи по сравненіи различныхъ стремленій (tendances) [1]), производящихъ его; словомъ, необходимо пользоваться методомъ дедуктивнымъ или апріорнымъ» [2]). Такое неожиданное превращеніе индуктивной логики можетъ показаться непонятнымъ для всякаго, кто захочетъ понимать выраженіе автора буквально. Но Стюартъ Милль спѣшитъ объясниться: есть, говоритъ онъ, дедукція правильная и есть неправильная; первая даетъ намъ какое либо знаніе и имѣетъ для себя исходнымъ пунктомъ предложенія—случайныя, вторая ничего новаго не даетъ намъ и отправляется отъ предложеній существенныхъ. «Первая, правильная дедукція, слагается изъ трехъ процессовъ: а) прямой индукціи, б) умозаключенія и в) провѣрки.... Вотъ этому именно методу, состоящему изъ индукціи, умозаключенія и провѣрки, человѣческій умъ обязанъ своими блестящими побѣ-

---

[1]) Терминъ «стремленіе» употребляется Стюартомъ Миллемъ совершенно своеобразно. «Всѣ законы связи причины съ слѣдствіемъ, говоритъ онъ, должны быть излагаемы въ терминахъ, утверждающихъ лишь стремленіе, а не дѣйствительный результатъ. Напримѣръ, извѣстный законъ, что тѣло движется прямо пропорціонально силѣ и обратно пропорціонально массѣ тѣла, по мнѣнію Стюарта Милля, слѣдуетъ выражать такъ: тѣло *стремится* двигаться.....

Примѣч. переводч.

[2]) Systeme de Logique v. 1. p. 509.

дами при изслѣдованіи природы» [1]). Однако, не смотря на это краснорѣчивое заявленіе, три части дедукціи Стюарта Милля суть тоже, что большая посылка, меньшая посылка и заключеніе древней логики. Всякая большая посылка, говоритъ намъ эта логика, есть результатъ индукціи, меньшая—раскрываетъ содержаніе ея посредствомъ сужденія, или умозаключенія, а заключеніе показываетъ, что частный фактъ, провѣряемое положеніе дѣйствительно вытекаетъ изъ большей посылки. Но Стюартъ Милль думаетъ, напротивъ, что заключенія этого рода ничего не доказываютъ; онъ выяснялъ намъ это въ примѣрѣ о смерти Пальмерстона и смертности всѣхъ людей. «Это—предложенія и заключенія тожественныя и существенныя». Требуется, слѣдовательно, понимать термины, которыми пользуется Стюартъ Милль, иначе, чѣмъ понимала ихъ древняя логика, и въ особенности провѣрка не должна быть понимаема ни въ какомъ случаѣ, какъ выраженіе соотвѣтствующее древнему заключенію. Здѣсь разумѣется провѣрка экспериментальная, оправданіе фактами. «Критеріемъ истины, говоритъ Стюартъ Милль, служитъ опытъ; онъ достаточенъ самъ по себѣ». «Однако, по его же словамъ, есть науки, въ которыхъ причины и слѣдствія представляютъ такую сложность, что никогда даже два случая подобные не встрѣчаются при одинаковыхъ обстоятельствахъ, а если и встрѣчаются, то невозможно бываетъ узнать, точно ли они сходны. Въ этихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи экспериментальнаго метода». Пойми, кто сможетъ! Повидимому, можно объяснить это слишкомъ рѣзкое противорѣчіе тѣмъ предположеніемъ, что въ одномъ случаѣ Стюартъ Милль разумѣетъ познаніе фактовъ, предшествующихъ индукціи, а въ другомъ, когда говоритъ о повѣркѣ, разумѣетъ факты, къ которымъ индукція должна быть примѣнена. Но если опытъ невозможенъ въ первомъ случаѣ, то какъ онъ можетъ быть достаточенъ во второмъ? Получится ли отсюда два рода опытовъ и два порядка фактовъ? Противорѣчія сцѣпляются одно съ другимъ; нашъ авторъ владѣетъ опытной рукой въ этомъ отношеніи.

[1]) Systeme de Logique v. 1 p. 520.

Неправильно понятая и опредѣленная индукція приводитъ его къ экспериментальной дедукціи; его точка зрѣнія измѣнилась, а съ нею измѣнился и способъ разсмотрѣнія фактовъ. Онъ перемѣнитъ ее въ третій разъ и придетъ въ концѣ концевъ къ методу безусловно противоположному, къ методу чисто апріорному. Такова участь всѣхъ софистовъ. Ихъ мышленіе обманывается своими собственными пустыми умствованіями и вынуждаетъ ихъ довольствоваться иллюзіями.

Итакъ, продолжаетъ Стюартъ Милль, и мы просимъ читателя внимательно слѣдить за нимъ: дедуктивный процессъ, посредствомъ котораго выводимъ законы дѣйствія изъ законовъ причинъ, производящихъ его своимъ совмѣстнымъ вліяніемъ, можетъ имѣть цѣлью или открытіе закона, или объясненіе закона, уже открытаго..... Законъ природы бываетъ объясненъ, когда указанъ другой законъ или другіе законы, по отношенію къ которымъ этотъ законъ является только частнымъ случаемъ и изъ которыхъ онъ могъ бы быть выведенъ.... Есть три ряда обстоятельствъ, при которыхъ законъ причинности можетъ быть объясненъ другими законами, или, какъ говорятъ часто, можетъ быть разложенъ на другіе законы.... какъ, напримѣръ, законъ движенія планетъ разлагается на законы тангенціальной силы [1]) и силы центростремительной: это первый случай. Второй случай—когда между тѣмъ, что казалось причиной и тѣмъ, что предполагалось дѣйствіемъ ея, дальнѣйшее наблюденіе открываетъ посредствующее звено.... напримѣръ, между прикосновеніемъ къ предмету и ощущеніемъ; слѣдованіе ощущенія за прикосновеніемъ не есть послѣдній законъ, но разлагается на другіе законы: законъ, что прикосновеніе производитъ перемѣну въ состояніи нерва и законъ, что перемѣна въ состояніи нерва производитъ ощущеніе..... Третій способъ, наконецъ, состоитъ въ подведеніи одного закона подъ другой, или въ совокупленіи нѣсколькихъ законовъ въ одинъ болѣе общій законъ, обнимающій ихъ всѣ.

---

[1]) Тангенціальной называется сила, производящая движеніе по направленію касательной.

Примѣч. переводч.

Самымъ блестящимъ примѣромъ этого процесса было соединеніе земной тяжести и центральной силы солнечной системы въ общемъ законѣ тяготѣнія! [1]) Съ перваго взгляда здѣсь иллюзія полная! особенно для тѣхъ, кто боится дутыхъ дедукцій и силлогизмовъ апріорной школы. Ихъ безпорядочныя общія знанія, изъ безсвязные законы, соединяются и располагаются въ правильныхъ и опредѣленныхъ формахъ, съ цѣлію придти къ такимъ же дедукціямъ, какъ дедукціи Ньютона.

Къ сожалѣнію, если мы вынемъ призму изъ калейдоскопа, останутся только мелкіе кусочки стекла. Изъ трехъ способовъ дедуктивнаго метода «первый—тотъ, по которому мы выводимъ законы дѣйствія изъ законовъ причинъ, производящихъ его своимъ совмѣстнымъ вліяніемъ, имѣетъ цѣлью открытіе закона или объясненіе закона, уже открытаго». Но если процессъ имѣетъ цѣлью открытіе новаго закона, то это индукція, а не дедукція; а если онъ имѣетъ цѣлью простое объясненіе уже открытаго закона, то онъ только раскрываетъ содержаніе этого закона и есть на самомъ дѣлѣ только силлогизмъ, состоящій изъ большей посылки, меньшей посылки и заключенія. Примѣръ, приведенный Стюартомъ Миллемъ, вводитъ въ заблужденіе и читателя и самого Милля.

«Законъ движенія планетъ, говоритъ Милль, разлагается на законъ силы центростремительной и законъ силы тангенціальной». Въ дѣйствительности это значитъ, что движеніе планетъ объясняется закономъ силы тангенціальной и силы центростремительной. Когда мы полагаемъ, что извѣстное свойство, проистекающее изъ простой инертности матеріи, есть сила, то посредствомъ какого процесса, или способа индукціи, приходимъ къ этому? Движеніе планетъ и законы силъ тангенціальной и центростремительной—одно и тоже, и Стюарту Миллю угодно говорить о законѣ движенія планетъ и отличать его отъ законовъ этого движенія, потому только, что онъ ставитъ слово на мѣсто вещи. Но это софизмъ, который самъ онъ называетъ «однимъ изъ наиболѣе

[1]) Systeme de Logique v. 1 p. 521, 522, 523.

распространенныхъ заблужденій, состоящимъ въ убѣжденіи, что разности въ природѣ должны соотвѣтствовать тѣмъ различеніямъ, какія дѣлаются нашимъ умомъ, что дѣйствія, въ нашей рѣчи обозначаемыя различными именами, должны быть по природѣ различны» [1]).

Второй пріемъ дедукціи «состоитъ въ открытіи посредствующаго звена между тѣмъ, что казалось причиною, и тѣмъ, что считалось дѣйствіемъ ея». Но, или это звено содержалось въ томъ, что считалось причиною, тогда оно еще разъ будетъ только силлогистическою дедукціей; или—не содержалось, и въ такомъ случаѣ имѣетъ мѣсто новое открытіе, индукція, а не дедукція. Что касается примѣра этой формы дедукціи, то онъ относится къ тому же классу заблужденій, что и предъидущій. «Тотъ законъ, что прикосновеніе къ предмету производитъ ощущеніе, разлагается на два другіе: прикосновеніе къ предмету производитъ перемѣну въ нервахъ, и перемѣна въ состояніи нервовъ производитъ ощущеніе». Но перемѣна въ состояніи нервовъ и ощущеніе—это одно и тоже, и слѣдовательно мнимое открытіе закона, посредствующее звено, сводится къ тому, что прикосновеніе къ предмету производитъ перемѣну въ состояніи нервовъ, которая есть ощущеніе. Такимъ способомъ, мы могли бы открыть столько новыхъ законовъ, сколько словъ можемъ вставить между терминами—прикосновеніе и ощущеніе. Законъ, что прикосновеніе, чтобы вызвать ощущеніе, должно дотронуться до кожи; законъ, что кожа, чтобы быть чувствительной, должна быть снабжена нервными сосочками; законъ, что нервные сосочки, въ свою очередь, чтобы быть чувствительными, должны имѣть сообщеніе съ нервными центрами; законъ, что нервныя нити, чтобы передавать впечатлѣніе сосочковъ, должны быть неповрежденными, и такъ далѣе безъ конца.... Такой примѣръ и правило дедукціи—даже не софизмъ; это ребячество.

Послѣдній способъ дедукціи состоитъ въ «подведеніи одного закона подъ другой, или въ соединеніи нѣсколькихъ законовъ въ одномъ болѣе общемъ законѣ, обнимающемъ

[1]) Systeme de Logique v. 11. p. 315.

ихъ всѣ. Самымъ блестящимъ примѣромъ этой дедукціи было соединеніе земной тяжести и центральной силы солнечной системы въ одномъ общемъ законѣ тяготѣнія». Это былъ дѣйствительно самый блестящій примѣръ, какой только существуетъ въ исторіи науки, но не дедукціи, а индукціи. Ньютонъ говоритъ намъ объ этомъ и самъ Стюартъ Милль ссылается на его письмо. «Невозможно допустить, говоритъ Ньютонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ ученому Бентли (Bentley), [1]) чтобы неодушевленная матерія, безъ какого либо иного нематеріальнаго посредника, могла дѣйствовать на другую матерію безъ взаимнаго соприкосновенія; чтобы тяготѣніе, прибавляетъ онъ, было присуще матеріи по существу, субстанціально, а также, чтобы одно тѣло могло дѣйствовать на другое, удаленное отъ него, чрезъ пустоту, безъ какого либо посредника, при помощи котораго дѣйствіе и сила могли бы передаваться отъ одного тѣла къ другому; такую крупную нелѣпость не можетъ, по моему мнѣнію, допустить ни одинъ человѣкъ, сколько нибудь способный разсуждать философски» [2]). Поэтому Ньютонъ перенесъ законы тяжести, открытые Галилеемъ, на отношенія между планетами и звѣздами, и это было такъ не похоже на дедукцію, что онъ признаетъ невозможнымъ понять и объяснить эту гипотезу. Но это не представляетъ затрудненія для Стюарта Милля, и, что всего страннѣе, Милль приводитъ это мудрое письмо Ньютона въ извѣстной главѣ о заблужденіяхъ, какъ образецъ того, чего всегда надо избѣгать.

«Этотъ отрывокъ изъ письма Ньютона, говоритъ Милль, слѣдовало бы вывѣсить въ своемъ кабинетѣ всякому ученому, который подверженъ соблазну объявлять невозможнымъ фактъ, потому что онъ кажется ему непонятнымъ». Ужели Милль хотѣлъ поднять нелѣпость на высоту научнаго принципа? А когда онъ прибавляетъ, что «для насъ дѣйствіе тѣлъ однихъ на другія безъ прикосновенія не болѣе удивительно, чѣмъ и дѣйствіе ихъ посредствомъ прикосно-

---

[1]) Ричардъ Бентли 1662—1742, докторъ богословія, содѣйствовавшій изданію Ньютоновыхъ Principia.

Примѣч. переводч.

[2]) Systeme de Logique v. 11. p. 317.

венія, что мы свыклись съ тѣмъ и другимъ фактомъ, считаемъ ихъ въ одинаковой степени необъяснимыми и вѣроятными» [1]), то онъ возобновляетъ софизмы Эвтидема и Діонисіодора.

Мы беремъ тѣло, держимъ его въ рукѣ, затѣмъ бросаемъ его; это истина чувственная, осязательная. Такая же истина и то, что мы можемъ дѣйствовать на тѣло на разстояніи посредствомъ палки, напримѣръ, которую держимъ въ рукѣ. Хотя мы не знаемъ, какова природа силы, посредствомъ которой тѣла, прикасаясь, дѣйствуютъ другъ на друга, тѣмъ не менѣе, мы объясняемъ этотъ фактъ тѣмъ основнымъ принципомъ логики Стюарта Милля, по которому признакъ какой либо вещи есть признакъ того, чему она служитъ признакомъ, т. е. что пространство, занятое извѣстнымъ тѣломъ, занято имъ, а не другимъ; между тѣмъ, мы не объяснимъ никакимъ образомъ того, какъ мы могли бы дѣйствовать на тѣло на разстояніи, безъ всякаго посредника,—вслѣдствіе того же самаго принципа, потому что не можемъ мыслить, чтобы свойство вещи могло существовать въ пространствѣ безъ той вещи, которой оно принадлежитъ. Стюартъ Милль злоупотребляетъ двоякимъ смысломъ слова «объяснять»; иное дѣло невозможность объяснить фактъ его причиной и иное—невозможность объяснить его совершенно. Это безусловно такой же способъ разсужденія, какой мы видѣли у Эвтидема. Единственная разница между софистомъ греческимъ и софистомъ англійскимъ въ томъ, что этотъ послѣдній, не удовольствовавшись построеніемъ софизма, обвиняетъ въ немъ одного изъ величайшихъ геніевъ нашего времени.

Въ итогѣ, отъ дедуктивнаго метода Стюарта Милля остается только правило, которому слѣдовалъ Ньютонъ; но и этому правилу Ньютонъ въ дѣйствительности такъ мало слѣдовалъ, что вмѣсто дедукціи онъ построилъ самую блестящую и самую смѣлую изъ всѣхъ извѣстныхъ въ новѣйшей наукѣ индукцій. Каковъ же былъ его принципъ, каково было истинное правило его? Стюартъ Милль не можетъ отвѣ-

[1]) Systeme de Logique v. 11. p. 318.

чать на этотъ вопросъ. Методы согласія, различія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ неприложимы къ сложнымъ фактамъ; слѣдовательно, открытіе Ньютона было дедукціей, а его письмо—софизмомъ.

Что̀ удивительнаго, поэтому, когда Стюартъ Милль утверждаетъ, затѣмъ, что «между древнимъ дедуктивнымъ методомъ и тѣмъ, какой онъ старался опредѣлить, точно такая же разница, какъ между физикою Аристотеля и ньютоновскою теоріею неба» [1]). Претензіи софистовъ прямо пропорціональны ихъ заблужденіямъ; только искренность и наивность извиняютъ ихъ!

---

[1]) Systeme de Logique v. 1. p. 543.

VI.

Логика нравственныхъ наукъ.

Было бы скучно слѣдить далѣе за ньютоновскою логикой Стюарта Милля—въ ученіи объ исключеніи случайностей и исчисленіи вѣроятностей, въ опредѣленіяхъ аналогіи и гипотезы; главы слѣдуютъ одна за другою и походятъ одна на другую въ томъ отношеніи, что не проливаютъ никакого новаго свѣта, ни на основныя положенія логики Стюарта Милля, ни на индукцію, ни на дедукцію его, которая почти ничѣмъ не разнится отъ индукціи.

Нѣтъ софизма, котораго Стюартъ Милль не опровергалъ бы и котораго самъ не строилъ бы; игра смысломъ словъ у него постоянна, злоупотребленіе двоякимъ значеніемъ выраженій непрерывно; чтеніе его и утомительно, и трудно. Мышленіе, въ концѣ концевъ, отказывается слѣдить за множествомъ смѣшеній. Не можемъ, однако, пройти молчаніемъ послѣднихъ главъ, гдѣ идетъ рѣчь о логикѣ нравственныхъ наукъ; онѣ вѣнчаютъ разсматриваемый нами трудъ Милля и проливаютъ свѣтъ на другіе его труды.

Логика нравственныхъ наукъ начинается предварительными замѣчаніями, въ которыхъ всѣ заблужденія Милля снова повторяются, и разсужденіями о свободѣ и необходимости, въ которыхъ онъ запутывается до того, что «жалуется на приложеніе неподходящаго выраженія необходимость къ ученію о причинности, когда рѣчь идетъ о человѣческомъ характерѣ; это кажется ему однимъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ злоупотребленія терминами въ философіи» [1]); а чрезъ страницу далѣе, онъ дѣлаетъ выводъ, что съ «его поправками и объясненіями» относительно фатализма турокъ и рока грековъ, «ученіе о причинной зависимости нашихъ

[1]) Systeme de Logique v. 11. p. 435.

хотѣній отъ мотивовъ и мотивовъ отъ желаемыхъ объектовъ, въ соединеніи съ нашими личными склонностями, удовлетворительно объясняетъ человѣческую волю» [1]); въ сущность это таже теорія необходимости, но съ болѣе забавнымъ злоупотребленіемъ терминами.

Но всего важнѣе для насъ, такъ какъ рѣчь идетъ о методѣ,—способъ опредѣленія Миллемъ условій, при которыхъ наши знанія о человѣкѣ могли бы составить точную науку. «Явленія, которыми занимается наука о человѣческой природѣ, суть мысли, чувствованія и дѣйствія людей; эта наука достигла бы идеальнаго научнаго совершенства, еслибы дала намъ возможность предсказывать, какъ данное лице будетъ чувствовать и дѣйствовать въ теченіе его жизни, съ такою же точностью, съ какою астрономія предсказываетъ положенія и затмѣнія небесныхъ свѣтилъ. Едва-ли нужно говорить, что ничего подобнаго невозможно сдѣлать. Дѣйствія отдѣльныхъ личностей не могутъ быть предсказываемы съ научною точностью уже потому, что мы не можемъ предвидѣть тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя будутъ поставлены эти люди» [2]). Съ перваго взгляда точка зрѣнія кажется совершенно очевидною; не подозрѣваешь миража, жертвой котораго дѣлаешься! Стюартъ Милль желаетъ знать мысли, чувства и дѣйствія отдѣльныхъ личностей, чтобы построить науку о человѣческой природѣ; но Кеплеръ и Ньютонъ не знали молекулярнаго состава звѣздъ, когда они опредѣляли законы движенія ихъ; и если мы не можемъ предвидѣть всѣхъ обстоятельствъ, въ какихъ каждый человѣкъ можетъ очутиться въ теченіе своей жизни, то и Кеплеръ и Ньютонъ не болѣе знали о послѣдовательныхъ измѣненіяхъ, происходившихъ и нынѣ ежедневно происходящихъ въ небесныхъ тѣлахъ. Итакъ, условія, требуемыя Стюартомъ Миллемъ для того, чтобы наука о человѣкѣ достигла того совершенства, какого достигла астрономія, не тѣ, при которыхъ два великіе астронома совершили свои открытія. Еслибы требовалось сдѣлать заключеніе изъ этого сравненія, мы сказали бы,

---

[1]) Systeme de Logique v. 11. p. 437.
[2]) Systeme de Logique v. 11. p. 431.

что основныя черты человѣческаго характера такъ же мало измѣняются обстоятельствами жизни, какъ бурей не ускоряется движеніе планеты, какъ поднятіемъ материка не измѣняется тяжесть его; и еслибы Стюартъ Милль владѣлъ геніемъ, равнымъ генію Кеплера и Ньютона, при наблюденіи основныхъ свойствъ характера человѣка, то онъ могъ бы предсказать съ одинаковою точностью поведеніе его при различныхъ обстоятельствахъ жизни.

Заключеніе Стюарта Милля будетъ совершенно иное и мы могли бы предвидѣть его съ тою достовѣрностью, какой онъ требуетъ. Не находя ничего общаго между наукою о небѣ и наукою о человѣкѣ, онъ не считаетъ возможнымъ примѣненіе къ этой послѣдней наукѣ строгаго метода великихъ астрономовъ и дѣлаетъ выводъ, «что въ изслѣдованіяхъ соціальныхъ явленій приблизительное обобщеніе равносильно для большей части случаевъ точному обобщенію»[1]). Этимъ онъ открываетъ широкое поле для произвольныхъ гипотезъ; еслибы правила метода были столь несовершенны, они утратили бы всякое значеніе, и мы очутились бы вполнѣ въ апріорной области.

По временамъ Стюартъ Милль вспоминаетъ еще о своихъ прежнихъ выраженіяхъ и формулахъ, объ изслѣдованіи причины, о предъидущемъ и послѣдующемъ; но онъ однимъ словомъ отдѣлывается отъ нихъ. «Непосредственный антецедентъ ощущенія, говоритъ онъ, есть состояніе тѣла, но ощущеніе само по себѣ—состояніе духа». Выше непосредственнымъ антецедентомъ ощущенія былъ огонь, который жжетъ; теперь—состояніе тѣла. Выше, идеи, образующіяся изъ ощущеній, прямо представляли предметъ этихъ ощущеній, а теперь онѣ представляютъ состояніе духа. Этого мало; на той же страницѣ, гдѣ высказано первое изъ сейчасъ приведенныхъ мнѣній, Милль говоритъ: «что̀ такое духъ, что̀ такое матерія, а равно и всякій другой вопросъ относительно вещей самихъ въ себѣ, насколько онѣ отличны отъ ихъ чувственныхъ проявленій,—не будетъ предметомъ настоящаго трактата». За чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, онъ

[1]) Système de Logique v. 11. p. 436.

утверждаетъ, что ощущеніе есть состояніе духа, а его антецедентъ — состояніе тѣла, если онъ устраняетъ вопросы о томъ, что такое духъ и что тѣло? Кого хочетъ онъ обмануть? Увы! самого себя.

Цѣлью для себя Стюартъ Милль ставитъ опредѣленіе законовъ ассоціаціи идей; это, по его мнѣнію, фундаментъ науки о человѣческой природѣ. Но законы ассоціаціи идей, въ такой доктринѣ, какъ его доктрина, дающая значеніе только впечатлѣніямъ внѣшняго міра, предполагаютъ законы ассоціаціи нашихъ ощущеній. Какимъ же образомъ, посредствомъ органовъ зрѣнія, осязанія, слуха и другіе, образуемъ мы идею о чувственномъ предметѣ? Стюартъ Милль не знаетъ, что отвѣчать на такой вопросъ, и физіологія, которая одна должна бы сдѣлать это, безмолвствуетъ. Для выхода изъ затрудненія, Миллю нужно было доказать сначала, что физіологія—наука совершенно отсталая, а потомъ, что одного наблюденія надъ нашими идеями достаточно для опредѣленія законовъ ассоціаціи идей. Милль довольствуется однимъ и тѣмъ же софизмомъ, чтобы доказать и то, и другое. «Физіологія, увѣряетъ онъ насъ въ главѣ о дедукціи, менѣе способна къ развитію, чѣмъ соціальная наука, потому что легче изучать законы и отправленія духа одного человѣка, отдѣльно отъ другихъ, чѣмъ изучать законы одного какого либо органа или одной ткани человѣческаго организма, отдѣльно отъ другихъ органовъ или тканей» [1]). Но между мышленіемъ людей, независимыхъ одинъ отъ другаго, и отношеніями органовъ или тканей одного и того же организма нѣтъ никакой аналогіи. Еслибы Стюартъ Милль не желалъ обманывать самого себя, онъ сравнивалъ бы различныя отправленія одного и того же организма съ различными дѣйствіями одного и того же ума. Тогда его ошибка сдѣлалась бы очевидною. Отправленія сердца, печени, легкихъ и слуха изучаются съ непзмѣримо большею легкостью, чѣмъ отправленія мысли, любви, хотѣнія. Успѣхи физіологіи и ея многочисленныя открытія, сдѣланныя въ періодъ времени отъ Гарвея до Клода Бернара, подтверждаютъ

[1]) Systeme de Logique v. 1. p. 512.

это; тогда какъ плоды успленныхъ работъ Милля по части индукціи и дедукціи сами по себѣ служатъ доказательствомъ медленности развитія науки о дѣятельности духа. Но Миллю нужно было объяснить законы ассоціаціи идей, образуемыхъ посредствомъ ощущеній; а такъ какъ наука, занимающаяся изученіемъ нашихъ чувствъ и ощущеній, далеко не разработана, то Милль отдѣлывается въ данномъ случаѣ ложнымъ сравненіемъ, подобно фокуснику, заставляющему исчезать шарикъ, и наши ощущенія изъ состояній тѣла становятся у него, безъ всякаго основанія, состояніями духа.

«Итакъ, продолжаетъ Стюартъ Милль, нужно оставить физіологію и изучать свойственную душевнымъ явленіямъ, однообразную послѣдовательность, или законы ассоціаціи идей, насколько они подлежатъ нашему наблюденію» [1]). Второй шарикъ теперь исчезъ. Такъ какъ ощущенія сдѣлались состояніемъ духа, то нужно было бы, кажется, изслѣдовать, по крайней мѣрѣ, какъ они содѣйствуютъ образованію нашихъ идей. Но шарика уже нѣтъ; остается довольствоваться изслѣдованіемъ законовъ ассоціаціи идей, насколько они подлежатъ нашему наблюденію, и дѣлать, какъ говоритъ Милль, анализъ, психологическій опытъ [2]). Это, быть можетъ, третій шарикъ, который сейчасъ исчезнетъ.

Анализировать идеи, производить опытъ надъ ними, и дѣлать психологическіе анализы и опыты, вовсе не одно и тоже. Мы легко подвергаемъ анализу и опыту идеи, безразличныя для насъ, просто вызывая ихъ въ нашемъ умѣ, вспоминая, напримѣръ, бѣлую лошадь, прямую линію, огонь, воду; но не можемъ также точно дѣлать анализъ и опытъ надъ нашими душевными движеніями. Они не воспроизводятся въ томъ видѣ, какъ возникли вначалѣ, сами собою; самыя причины и обстоятельства, возбудившія ихъ, не являются снова; мы сохраняемъ о нихъ только темное воспоминаніе; когда мы усиливаемся подвергнуть ихъ анализу въ тотъ самый моментъ, когда переживаемъ ихъ, они тотчасъ исчезаютъ; человѣкъ, объятый гнѣвомъ, коль скоро

---

[1]) Systeme de Logique v. 11. p. 436.
[2]) Systeme de Logique v. 11. p. 437.

начинаетъ анализировать свой гнѣвъ, тотчасъ же перестаетъ испытывать его. Анализъ и изображеніе страстей и характеровъ—великое искусство, въ которомъ могутъ отличаться Мольеры и Шекспиры; но дѣлать изъ нихъ опытную науку такую же, какъ логика,—утопія.

Стюартъ Милль смѣшиваетъ, тѣмъ не менѣе, оба вида опыта; «есть, говоритъ онъ, только одинъ умственный опытъ, точно также одинъ и опытъ физическій» [1]); это ведетъ его къ новымъ уловкамъ. Прежде всего, всѣ состоянія духа не могутъ быть анализируемы и подвергаемы опытамъ въ тѣ моменты, когда эти состоянія ускользаютъ отъ насъ, или вслѣдствіе очень сильнаго волненія, или по недостатку вниманія, или же потому, что наши умственныя силы не позволяютъ намъ услѣдить за ними; итакъ, для того, чтобы состоянія духа могли быть подвергаемы анализу и опыту, необходимо имъ быть «состояніями сознанія». Но что такое состоянія сознанія? «Это суть чувства», отвѣчаетъ Стюартъ Милль. Дважды два четыре—чувство! Пусть будетъ такъ: состоянія духа суть состоянія сознанія, а эти послѣднія суть чувства! Пока значеніе словъ не дѣлается двусмысленнымъ, опредѣленіе такого рода не можетъ останавливать насъ; это—превращенія терминовъ, вынужденныя ходомъ разсужденій. Такъ какъ есть только одинъ умственный опытъ, и такъ какъ опытъ относительно нашихъ идей тотъ же, что и опытъ относительно чувствъ, то наши идеи суть состоянія сознанія, а состоянія сознанія суть чувства.

«Итакъ, продолжаетъ Милль, состоянія сознанія, которыя суть чувства, подраздѣляются на ощущенія, мысли, волненія и желанія» [2]). Онъ былъ бы, можетъ быть, болѣе логиченъ съ своей точки зрѣнія, еслибы сказалъ, что состоянія сознанія, которыя суть ощущенія, подраздѣляются на мысли, чувствованія, волненія и желанія. Онъ могъ бы сказать также, что состоянія сознанія суть мысли, подраздѣляющіяся на ощущенія, чувствованія, волненія и желанія, или даже—что состоянія сознанія суть волненія, подраздѣляющіяся: на

---

[1]) Systeme de Logique v. II. p. 432.
[2]) Systeme de Logique v. II. p. 432.

ощущенія, мысли, чувства и желанія. Словомъ, каждымъ изъ этихъ терминовъ онъ могъ бы воспользоваться, для обозначанія какъ рода, такъ и вида. Это—софизмъ, о которомъ Милль забылъ упомянуть въ своей главѣ о софизмахъ, но еще Аристотель обозначилъ его именемъ произвольной классификаціи [1]). Представьте себѣ Кювье, утверждающаго, во имя опыта, пріобрѣтеннаго имъ относительно животныхъ, что семейство кошекъ составляютъ тигры, которые подраздѣляются на львовъ, кошекъ, пантеръ и ягуаровъ.

«Отсюда слѣдуетъ, продолжаетъ Милль, что всѣ состоянія сознанія, будучи чувствами, подлежатъ законамъ ассоціаціи идей»! Опять—быстрый переходъ; сеансъ фокусовъ продолжается. «Изъ этихъ законовъ одни общіе, другіе—частные. Вопервыхъ: всякій разъ, когда состояніе сознанія было возбуждено какою-либо причиною, подобное ему состояніе, по меньшей напряженности, *можетъ* быть воспроизведено при наличности причины, подобной той, которая возбудила его въ первый разъ. Такъ, если мы однажды видѣли предметъ, или прикасались къ нему, то можемъ потомъ думать объ этомъ предметѣ, хотя бы уже и не видѣли его». Но мы можемъ также и вовсе не думать о немъ болѣе. А это тоже самое, какъ если бы мы сказали, что существуетъ одинъ и тотъ же законъ, по которому мы можемъ вспоминать о вещахъ и не вспоминать о нихъ. Очевидно, это такъ же мало походитъ на законъ, какъ и то, еслибы Галилей сказалъ намъ, что тѣла могутъ притягиваться въ обратномъ отношеніи квадрата разстояній, но могутъ и не дѣлать этого. А когда Стюартъ Милль прибавляетъ, что его законъ выражается на языкѣ Юма такъ, что «каждое впечатлѣніе имѣетъ свою идею», то онъ разомъ дѣлаетъ и ошибку и софизмъ. Это—ошибка: не каждое изъ нашихъ впечатлѣній имѣетъ соотвѣтствующую ему идею; простѣйшая изъ нашихъ идей предполагаетъ множество впечатлѣній. Это — софизмъ и софизмъ elenchi; во имя закона, который не есть собственно законъ, а констатированіе факта, Стюартъ Милль принимается доказывать то, что̀ совсѣмъ къ дѣлу не отно-

[1]) См. Prodicus p. 104.

сится, — доказывать, что каждое впечатлѣніе имѣетъ свою идею, тогда какъ рѣчь идетъ только о способности воспоминанія.

«Вовторыхъ: эти идеи, или вторичныя умственныя состоянія, возбуждаются впечатлѣніями или другими идеями, по извѣстнымъ законамъ, называемымъ законами ассоціаціи. Первый изъ нихъ тотъ, что идеи подобныя стремятся возбуждать одна другую» [1]). Но идеи противоположныя вызываютъ одна другую скорѣе, чѣмъ идеи подобныя; бѣлое и черное, доброе и злое — скорѣе, чѣмъ роза и лилія, благотворительность и великодушіе.

Второй законъ—тотъ, что когда два впечатлѣнія часто были испытываемы (или только мысленно представляемы) одновременно или въ непосредственной послѣдовательности, то всякій разъ, какъ только одно изъ этихъ впечатлѣній снова явится, оно стремится возбудить идею о другомъ» [2]). Но выраженіе: «стремится возбудить» очень эластично для закона; выходитъ, что одно изъ этихъ впечатлѣній можетъ также и не стремиться возбудить другое...; тоже замѣчаніе относится и къ закону воспоминанія. Что мы пріобрѣтаемъ умственныя привычки,—несомнѣнно; но этотъ мнимый законъ опять-таки только констатируетъ фактъ и ничего не объясняетъ. Къ тому же это—одинъ изъ многихъ, такъ часто встрѣчающихся у Стюарта Милля софизмовъ, увлекающій его на путь постояннаго смѣшенія понятій; законъ, который всегда есть выраженіе необходимости, понимается Стюартомъ Миллемъ въ смыслѣ простаго констатированія фактовъ, всегда относительнаго и условнаго. И самъ онъ, и наивный читатель обманываются при этомъ кажущеюся точностью и строгостью.

«Третій законъ—тотъ, что большая интенсивность одного изъ двухъ впечатлѣній, или обоихъ вмѣстѣ, равняется, по отношенію къ способности ихъ возбуждать другъ друга, болѣе частому повторенію ихъ сочетанія» [3]). Но большая

---

[1]) Systeme de Logique v. II. p. 437.
[2]) Ibid.
[3]) Systeme de Logique v. II. p. 437.

интенсивность одного изъ впечатлѣній можетъ также совершенно изгладить изъ памяти слѣды другаго, а большая интенсивность обоихъ можетъ повести къ сліянію ихъ въ одно, какъ напримѣръ, у всякаго француза воспоминаніе объ имперіи и воспоминаніе о бѣдствіяхъ 1870 года вызываютъ одно и тоже впечатлѣніе. «Таковы законы идей, заканчиваетъ Стюартъ Милль и находитъ, что не слѣдуетъ болѣе распространяться о нихъ» [1]).

И въ самомъ дѣлѣ, это безполезно и мы не стали бы больше говорить о нихъ, еслибы не имѣли въ виду, что Стюартъ Милль приписываетъ этимъ мнимымъ законамъ преувеличенное значеніе. «Законы ума составляютъ, по его мнѣнію, общую или отвлеченную часть философіи человѣческой природы, и всѣ истины обычнаго опыта, насколько онѣ достовѣрны, должны быть слѣдствіями этихъ законовъ» [2]). «Обычныя наблюденія, относящіяся къ человѣческимъ дѣйствіямъ, даютъ только простые эмпирическіе законы, непредставляющіе никакого ручательства въ томъ, что они будутъ истинны и внѣ предѣловъ наблюденія» [3]). Но мнимые законы ассоціаціи идей—безусловно такого же рода. Нужды нѣтъ; Миллю нуженъ былъ исходный пунктъ. Онъ могъ бы объяснить человѣческія дѣйствія законами, управляющими нашими влеченіями и страстями, быть можетъ, лучше, чѣмъ законами ассоціаціи идей; къ такому именно объясненію онъ и стремится; законы же ассоціаціи идей служатъ ему переходною ступенью. «Законъ образованія характера составляетъ главный предметъ науки о человѣческой природѣ... но опытное изслѣдованіе характера не только вполнѣ, но даже приблизительно... совсѣмъ невозможно» [4]). «Вслѣдствіе этого мы вынуждены обратиться къ тому способу изслѣдованія, который, даже и тогда, когда бываетъ не единственно возможнымъ, оказывается самымъ совершеннымъ... онъ состоитъ въ выводѣ законовъ образованія характера изъ общихъ

---

[1]) Systeme de Logique v. II. p. 438.
[2]) Systeme de Logique v. II p. 446.
[3]) Ibid. v. II p. 446—447.
[4]) Systeme de Logique v. II. p. 451, 452.

законовъ духа» [1]). «Такимъ путемъ образуется наука, которой я предложилъ бы дать имя этологіи... она можетъ быть также названа точною наукою о человѣческой природѣ» [2]).

Всякому подумается, что онъ грезитъ, кто прочтетъ этотъ длинный рядъ положеній, сводящихся въ послѣднемъ анализѣ къ вопросу:—курица ли существовала прежде яйца, или яйцо прежде курицы? Характеры ли образуются по ассоціаціи идей, или ассоціація идей устанавливается сообразно съ характеромъ? Стюартъ Милль заканчиваетъ эти странныя разсужденія заявленіемъ: что «способъ, которымъ Ньютонъ открылъ законы тяготѣнія, примѣнимъ, несомнѣнно, и къ его открытію этологіи»; хорошо еще, что чрезъ нѣсколько строкъ ниже, онъ прибавляетъ «эту науку еще нужно создать» [3]).

«Явленія мышленія, чувства и дѣятельности человѣка, продолжаетъ, тѣмъ не менѣе, Стюартъ Милль, подчинены постояннымъ законамъ, слѣдовательно и явленія общественной жизни должны быть управляемы такими же неизмѣнными законами, вытекающими изъ предъидущихъ» [4]). «Задача соціальной науки—предсказывать политическія и общественныя событія въ исторіи народовъ» [5]), подобно тому, какъ этологія имѣетъ цѣлью предсказывать будущее поведеніе отдѣльныхъ лицъ; совершенно такимъ же образомъ, говоритъ Милль, какъ это бываетъ въ астрономіи; но вѣрнѣе было бы, по нашему мнѣнію, сказать: въ астрологіи.

«Два въ основѣ ложные взгляда на способъ философствованія о явленіяхъ соціальныхъ и политическихъ.... были раздѣляемы донынѣ почти всѣми тѣми, кто размышлялъ о логикѣ политическихъ наукъ.... Эти ошибочные методы (если только слово методъ приложимо къ этимъ ложнымъ тенденціямъ) суть слѣдующіе: одинъ—методъ опытный, или химическій, другой отвлеченный или геометрическій» [6]).

---

[1]) Ibid. v. II. p. 456.
[2]) Ibid. v. II. p. 456, 457.
[3]) Systeme de Logique v. 11. p. 460, 461.
[4]) Ibid. v. 11. p. 467.
[5]) Ibid.
[6]) Systeme de Logique v. 11. p. 468.

Первый «опускаетъ изъ виду тотъ фактъ, что люди, соединившись въ общество, остаются людьми, и что ихъ дѣйствія и страсти подчинены законамъ человѣческой природы». Защитники этого метода выступаютъ съ своимъ взглядомъ, какъ будто бы человѣческая природа не играетъ тутъ никакой роли, «считаютъ всѣ разсужденія (по вопросамъ политическимъ и соціальнымъ), основанныя на началахъ человѣческой природы, «отвлеченными теоріями» .... и ставятъ своей задачей требовать во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ спеціальнаго опыта [1]). Кажется, авторъ, всегда заключающій отъ частнаго къ частному, долженъ бы вполнѣ согласиться съ этимъ. Тѣмъ не менѣе Милль, критикуетъ этотъ методъ, а затѣмъ, съ той же самой точки зрѣнія, осуждаетъ и второй методъ.

«Этотъ методъ, по словамъ Милля, свойствененъ умамъ мыслящимъ и научно-развитымъ.... Они обращаются къ законамъ человѣческой природы, дѣйствующимъ въ явленіяхъ общественной жизни.... Но вслѣдствіе недостаточнаго размышленія о спеціальной природѣ разсматриваемаго предмета.... они уподобляютъ, не сознавая этого, дедуктивную науку о соціальныхъ явленіяхъ скорѣе геометріи, чѣмъ астрономіи и естественнымъ наукамъ» [2]). «Они не допускаютъ никакого видоизмѣненія одного закона другимъ и выводятъ свои политическія заключенія не изъ естественныхъ законовъ, не изъ послѣдовательности явленій, но изъ неизмѣнныхъ практическихъ положеній. Таковы тѣ, которые основываютъ свою политическую теорію на такъ-называемомъ, отвлеченномъ правѣ.... Таковы же и тѣ, которые предполагаютъ соціальный контрактъ» [3]).

Послѣ этихъ разсужденій, Стюартъ Милль устанавливаетъ правильные, по его мнѣнію, методы изслѣдованія соціальныхъ и политическихъ наукъ, и эти методы, какъ можно было предвидѣть съ совершенною точностію, безусловно тѣже, которые онъ только что призналъ ошибочными представленіями и ложными методами. «Въ области соціоло-

[1]) Ibid. v. 11. p. 469.
[2]) Systeme de Logique v. 11. p. 479.
[3]) Ibid. v. 11. p. 481.

гическихъ изслѣдованій, говоритъ онъ, вполнѣ умѣстенъ прямой дедуктивный методъ, какъ и методъ обратный» [1]). Но въ данномъ случаѣ Милль замѣняетъ, что также легко было предвидѣть, странныя названія, усвоенныя имъ методамъ. Способъ химическій, или экспериментальный, называется теперь «методомъ физическимъ или дедуктивнымъ конкретнымъ» [2]); способъ геометрическій или дедуктивный прямой [3])— «методомъ дедуктивнымъ обратнымъ, или историческимъ». Грубое превращеніе терминовъ, сводится здѣсь къ иллюзіи относительно смысла словъ; тѣмъ не менѣе, оно тщательно подготовлено. «Слѣдующіе методу химическому, говоритъ онъ намъ, ведутъ дѣло, совсѣмъ упуская изъ виду значеніе индивидуальной природы человѣка, и требуютъ спеціальнаго опыта». Однако, всякій опытъ, всякій анализъ лишь тогда становится понятнымъ, когда выраженъ въ общемъ предложеніи, какъ бы конкретно оно ни было. А это и есть то именно, что Стюартъ Милль называетъ методомъ конкретной или физической дедукціи. Названіе индукціи было бы здѣсь болѣе умѣстнымъ; но мы знаемъ, что у Стюарта Милля она превращена въ дедукцію.

Не менѣе ошибоченъ упрекъ, дѣлаемый Стюартомъ Миллемъ приверженцамъ геометрическаго или прямаго дедуктивнаго метода, въ томъ, что они основываютъ свое ученіе на неизмѣнныхъ практическихъ правилахъ, а не на дѣйствительныхъ фактахъ. Жанъ-Жакъ Руссо, въ своемъ соціальномъ контрактѣ, приводитъ въ примѣръ государственное устройство старыхъ швейцарскихъ кантоновъ; самые страстные приверженцы отвлеченныхъ правъ не смогли бы объяснить ни одно изъ нихъ безъ помощи конкретныхъ понятій, и всѣ безъ исключенія вѣрятъ въ свои доктрины только потому, что предполагаютъ ихъ вполнѣ соотвѣтствующими фактамъ. А это и есть то именно, чего Стюартъ Милль требуетъ отъ метода, называемаго имъ, дедуктивнымъ обратнымъ или историческимъ. Онъ требуетъ оправданія высшихъ

---

[1]) Systeme de Logique v. 11. p. 491.
[2]) Ibid. v. II. p. 488.
[3]) Ibid. v. II. p. 508.

законовъ фактами; но кто же не искалъ такого оправданія? Всѣ авторы, которыхъ онъ называетъ,—Руссо, Гоббесъ, Бентамъ, заботились объ этомъ столько же, сколько и онъ. Количество фактовъ, большее или меньшее, не измѣняетъ существа метода. Такимъ образомъ, напрасно мы стали бы искать подъ необходимыми названіями, хотя бы незначительнаго, но точнаго правила, хотя бы малѣйшаго новаго указанія критика; чужихъ мнѣній поглощаетъ все вниманіе Милля; въ концѣ концевъ онъ возвращается къ закону Огюста Конта о трехъ фазисахъ развитія и рекомендуетъ его, какъ высшій образецъ исторической дедукціи, иначе сказать—возвращается опять къ своему исходному пункту.

Словомъ, Милль слѣдуетъ не методу великихъ астрономовъ, но методамъ астрологовъ. Какъ астрологи воображали, что звѣзды суть высшіе духи, такъ и онъ думаетъ, что наши впечатлѣнія суть идеи; какъ астрологи наблюдали за движеніемъ и сочетаніемъ звѣздъ, чтобы основать свою науку—астрологію, такъ онъ на ассоціаціяхъ идей думаетъ основать этологію; наконецъ, какъ астрологи заявляли притязаніе предсказывать людямъ ихъ судьбу, такъ и Милль хочетъ предвидѣть будущее народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Безразсудное притязаніе, къ счастію, возможное только въ области теоріи, по образцамъ апріорныхъ школъ Ж. Ж. Руссо и Бентама. И методомъ этихъ школъ Милль пользуется беззастѣнчиво. Въ его трудахъ, посредственныхъ впрочемъ, о представительномъ правленіи и о политической экономіи, нѣтъ болѣе рѣчи о методахъ прямыхъ и обратныхъ. Въ первомъ онъ свободно слѣдуетъ школѣ доктринеровъ, прямо продолжающей теоріи Руссо, во второмъ идетъ путемъ Рикардо и Адама Смита, которые видятъ въ своей наукѣ только опредѣленія и дедукціи. Во имя отвлеченнаго права, онъ требуетъ для женщины политической и гражданской равноправности съ мущиною; во имя того же права требуетъ и представительства въ парламентахъ отъ малолѣтковъ. Совершенно измѣняя характеръ своихъ софизмовъ, онъ смѣшиваетъ безусловное съ конкретнымъ, какъ это дѣлаютъ идеалисты. Онъ не замѣчаетъ, что морфологическія и физіологическія особенности женщины

опредѣляютъ свойственное ей назначеніе и что женщина, подчиненная законамъ противнымъ ея природѣ, подпала бы новому виду рабства. Равнымъ образомъ, онъ упускаетъ изъ виду, что неестественное уравненіе недорослей съ совершеннолѣтними въ политическихъ правахъ никогда не привело бы ни къ какимъ другимъ результатамъ, кромѣ того, что сдѣлало бы представительное правленіе невозможнымъ. Какъ и всѣ идеалисты, Стюартъ Милль приходитъ къ разрушенію принципа, имъ провозглашаемаго. Правленіе большинства, искусственно составленнаго изъ представителей меньшинства,—это анархія, отрицаніе всякаго права. Какъ бы ни были несовершенны законы и учрежденія, неблагоразумно дѣлать ихъ нелѣпыми!

Самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ трудовъ Стюарта Милля была его критика философіи Гамильтона; но это былъ и самый легкій трудъ: софисту пришлось имѣть дѣло съ мыслителемъ, погрязшимъ въ софистикѣ еще глубже, чѣмъ самъ Милль.

VII.

Причина софизмовъ Стюарта Милля.

Мы являемся строгими къ Стюарту Миллю; мы изучали его съ точки зрѣнія истины и прилагали къ нему его собственную мѣрку. Но если бы мы изучали его съ точки зрѣнія нашей эпохи, примѣняя къ нему общепринятую мѣрку, онъ оказался бы величайшимъ изъ всѣхъ современныхъ мыслителей.

Школы, слѣдовавшія за великими философами XVII вѣка, увлеклись ихъ методомъ, не различая, что въ немъ, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, истинно и что ложно. Вмѣсто того, чтобы искать истину выше, одни отдавали предпочтеніе мнѣнію Лейбница, допускавшаго существованіе идей a priori; другіе—мнѣнію Локка, полагавшаго, что мы отвлекаемъ эти идеи, посредствомъ рефлексіи, отъ идей конкретныхъ. Тѣ и другіе принимали эти мнѣнія на вѣру и чрезъ то ставили себя въ невозможность достигнуть истины. Устанавливая различіе между идеями лишь на основаніи односторонняхъ принциповъ, они неизбѣжно пришли къ неправильному пониманію истиннаго значенія идей и смѣшенію ихъ. Но въ этомъ и состоитъ сущность софизма; онъ всегда смѣшиваетъ различнаго рода понятія и вмѣсто того, чтобы отбросить въ сторону случайную ошибку, систематизируетъ всякаго рода иллюзіи и заблужденія. Всякое основаніе, приведенное въ защиту принципа, самое ничтожное доказательство, самый незначительный примѣръ, всякое заключеніе, всякая критика ведутъ къ новымъ смѣшеніямъ и отсюда, въ концѣ концевъ, получается въ результатѣ совершенно противоположное тому, что̀ имѣлось въ виду доказать. Мышленіе сохраняетъ единство и истина становится доступною ему только при томъ условіи, если идеи связуются, согласуются и подкрѣпляются однѣ другими. Чтобы

опредѣлить свойственное идеямъ значеніе и указать отличительныя ихъ особенности, слѣдовало бы найти высшій и общій принципъ, для объединенія, соглашенія и взаимнаго подкрѣпленія идей. Но этого принципа никто не отыскалъ, и единство мышленія замѣнено всякаго рода противорѣчіями и смѣшеніями понятій.

Платонъ говорилъ о софистахъ своего времени, что одни изъ нихъ, допускавшіе существованіе бытія неизмѣннаго, уже тѣмъ однимъ, что высказывали понятіе о немъ, доказывали существованіе движенія (а слѣдовательно и измѣненія); другіе, утверждая, что все движется (и слѣдовательно измѣняется), уже тѣмъ однимъ, что утверждали (а слѣдовательно признавали за неизмѣнную истину) движеніе всего, доказывали, что бытіе неизмѣнное, всегда себѣ равное, существуетъ [1]), такъ какъ они утверждали это относительно движенія. Замѣнивъ выраженія, можемъ сказать тоже самое о современныхъ софистахъ; въ такой степени софисты похожи другъ на друга. Сенсуалисты, доказывая, что идеи причины и сущности происходятъ изъ чувственныхъ ощущеній, доказываютъ тѣмъ самымъ, что эти идеи не содержатся въ чувственныхъ ощущеніяхъ, ибо въ такомъ случаѣ, намъ были бы извѣстны причины и сущности послѣднихъ; идеалисты, утверждая, что достовѣрное знаніе получается только изъ этихъ идей, доказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти идеи, сами по себѣ, не научаютъ насъ ничему, такъ какъ идеалисты полагаютъ, что противоположное

---

[1]) Пояснительныя слова вставлены нами въ текстѣ на основаніи подлиннаго отзыва Платона о софистическихъ школахъ, изложеннаго въ діалогѣ «Софистъ».

«Есть двѣ школы, говоритъ Платонъ, изъ которыхъ одна утверждаетъ, что существуетъ одно неизмѣнное, всегда себѣ равное бытіе, а движеніе не существуетъ; другая, напротивъ, утверждаетъ, что существуетъ только движеніе, всегда мѣняющееся и безконечно разнообразное, бытія же неизмѣннаго, всегда себѣ равнаго, нѣтъ». Обѣ одинаково ошибаются: первая признаетъ даже въ своемъ языкѣ, что движеніе, всегда мѣняющееся, существуетъ, а вторая допускаетъ, что не смотря на движеніе, никогда не бывающее однимъ и тѣмъ же, существуетъ знаніе о немъ всегда тожественное.

Примѣч. переводч.

этому мнѣніе нуждается въ доказательствѣ. Эти противорѣчія, присущія всѣмъ софистическимъ доктринамъ, особенно замѣтны у Стюарта Милля. Но сдѣлавъ этотъ упрекъ Стюарту Миллю, мы должны заявить также, что потому именно онъ открываетъ намъ свои ошибки съ такою силою и ясностью, что между новѣйшими мыслителями онъ одинъ изъ наиболѣе строгихъ и сильныхъ. Софисты противоположнаго направленія обнаруживаютъ лишь свою духовную немощь. Стюартъ Милль принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ мыслителей, которые поняли, что философскіе вопросы находятъ свое послѣднее рѣшеніе только съ рѣшеніемъ вопроса о методѣ. Правда, вслѣдствіе увлеченія школою позитивною и сенсуалистическою, его мысль была порабощена принципомъ этой школы, но ставить это ему въ вину, такъ же несправедливо, какъ и упрекать въ томъ, что онъ говорилъ и писалъ языкомъ своего времени.

Вотъ уже болѣе вѣка, самыя мечтательныя теоріи накопляются въ философіи, морали и политикѣ, и со временъ Вольфа и Руссо, Юма и Кондильяка проникаютъ, въ безконечно разнообразныхъ формахъ, во всеобщее сознаніе. Революціи слѣдуютъ одна за другою, войны продолжаются, борьба партій становится ожесточеннѣе, борьба народовъ—кровавѣе, чѣмъ когда либо. Въ тоже время положительныя науки дѣлаютъ успѣхи во всѣхъ направленіяхъ, умножаются открытія и изобрѣтенія. Какъ примирить эти факты? Гдѣ найти связь, ихъ объединяющую,—причину, ихъ объясняющую? Кажется, отвѣтъ на эти вопросы мы могли бы найти только въ позитивныхъ наукахъ, въ ихъ принципахъ, методахъ и успѣхахъ. Огюстъ Контъ провозглашаетъ это, Стюартъ Милль слѣдуетъ за нимъ; оба одинаково думаютъ открыть въ точныхъ наукахъ врачество противъ заблужденій химпрической философіи. Первый устанавливаетъ іерархію наукъ и видитъ секретъ ихъ метода въ зависимости наукъ болѣе сложныхъ отъ наукъ болѣе простыхъ; второй идетъ далѣе и занимается кропотливымъ наблюденіемъ процессовъ научнаго изслѣдованія. Но всѣ позитивныя науки построяются Контомъ и Миллемъ изъ однихъ чувственныхъ данныхъ; слѣдовательно, эти мыслители возобновляютъ

въ иной формѣ заблужденія и ошибки сенсуалистической школы.

Стюартъ Милль ясно представляетъ громадное значеніе индукціи—этого главнаго рычага науки, но онъ смѣшиваетъ индукцію съ пріемами изслѣдованій физика и химика; творческая идея (L' idée creatrice) ума [1]) ускользаетъ отъ его вниманія и онъ занимается исключительно формами индукціи. Но форма индукціи не служитъ доказательствомъ, что индукція вѣрна; доказательство еще требуется найти. Напрасно онъ обращается къ дедукціи и превращаетъ ее въ индукцію. Односторонній принципъ, усвоенный имъ, затрудняетъ болѣе и болѣе его мышленіе. Смыслъ словъ мѣняется, игра значеніемъ выраженій учащается, смѣшеніе понятій увеличивается, въ концѣ концевъ онъ возвращается къ тѣмъ же методамъ, которые всего болѣе порицалъ, и только называетъ ихъ другими именами. Онъ дѣлаетъ это вопреки желанію; его талантъ, его оригинальность и строго логичный умъ принуждаютъ его къ тому. Обыкновенный изслѣдователь былъ бы неспособенъ идти такъ далеко, чрезъ массу препятствій, нагроможденныхъ подъ его ногами и скоро потерялся бы въ мечтахъ.

Но Стюартъ Милль имѣетъ лишь темное представленіе о важномъ значеніи метода въ философіи, не знаетъ истинныхъ свойствъ умозрѣнія великихъ мыслителей, останавливается на простомъ опытѣ и обыкновенной дедукціи, и если даетъ имъ другія имена, то только потому, что понимаетъ ихъ глубже, чѣмъ его предшественники и его противники. Вотъ причина чрезвычайной силы его критики; ученія Гамильтона и Манселя падаютъ предъ нимъ, какъ карточные домики; но когда онъ подвергаетъ критикѣ великихъ фило-

---

[1]) Подъ творческой идеей (L' idée creatrice) разумѣется здѣсь идея, или мысль, часто мгновенно-являющаяся въ умѣ наблюдателя, относительно вѣроятной причины наблюдаемаго явленія, изъ которой развивается потомъ гипотеза, дающая опредѣленное направленіе всему изслѣдованію. Эта идея, по выраженію Клода Бернара, служитъ primum movens всякаго научнаго изслѣдованія и разсужденія; составляетъ душу науки, тайну генія; безъ нея невозможно никакое открытіе, никакое изобрѣтеніе.

Примѣч. переводч.

софовъ прежняго времени, ученія которыхъ имѣютъ только отдаленное отношеніе къ современнымъ ученіямъ, его мышленіе становится темнымъ; принципъ связываетъ его. Какъ бы въ завершеніе своего изслѣдованія о методѣ, Стюартъ Милль рисуетъ картину софизмовъ, но не видитъ, въ чемъ состоитъ дѣйствительный софизмъ. Большая часть заблужденій, которыя мы указывали, воспользовавшись его собственными опредѣленіями, въ дѣйствительности не софизмы, хотя тѣмъ не менѣе они остаются ошибками. Невѣрное наблюденіе и не наблюденіе, поспѣшныя заключенія и поспѣшныя обобщенія суть только простыя ошибки; post hoc, ergo propter hoc— есть только очень извинительная иллюзія, а софизмъ, называемый имъ апріорнымъ, принадлежитъ къ числу недостатковъ, присущихъ природѣ человѣческаго ума.

Мы никогда не судимъ о вещахъ по нимъ самимъ, но всегда по идеямъ, какія имѣемъ о нихъ. Если идеалисты утверждаютъ, что есть идеи a priori, въ этомъ также нѣтъ софизма a priori, какъ нѣтъ софизма a posteriori въ томъ, когда сенсуалисты утверждаютъ, что всѣ идеи происходятъ изъ опыта. Но при словахъ врожденный и апріорный Стюартъ Милль припоминаетъ нелѣпости, которыя защищались подъ видомъ ихъ, тогда какъ слово законъ, напримѣръ, употребляется у него съ точностью, придаваемою этому термину позитивными науками; выраженія — необходимый и безусловный замѣняются у него выраженіями основной и всеобщій и послѣднія закрываютъ отъ его взора, подъ обманчивой наружностью наибольшей точности, смѣшенія и ошибки, допускаемыя имъ по поводу этихъ словъ. Двойственное значеніе усвояется имъ своимъ идеямъ, игра смысломъ словъ продолжается, и Стюартъ Милль остается софистомъ, даже когда пишетъ свою картину софизмовъ. Онъ — сынъ своего вѣка, и мы не можемъ поставить ему это въ упрекъ, съ точки зрѣнія этого вѣка. Никто не обязанъ быть Платономъ, или Аристотелемъ.

Мы прослѣдили развитіе мысли Стюарта Милля, отмѣтивъ многія его ошибки и заблужденія; но не мало и такихъ страницъ, гдѣ онъ, не увлекаясь духомъ системы, съ замѣчательною точностью наблюдаетъ факты и глубоко-

мысленно изъясняетъ ихъ. Укажемъ только на примѣръ Франціи, о которомъ самимъ французамъ довольно трудно судить. «Общими мѣстами (loci topici) политики этой страны, говоритъ онъ, служатъ очень широкія практическія аксіомы, полагаемыя посылками, изъ которыхъ выводятся частныя приложенія. Это у французовъ называется быть логичнымъ и послѣдовательнымъ. Напримѣръ, они рѣшаютъ, что та или иная мѣра должна быть принята, потому, что она вытекаетъ какъ логическое слѣдствіе, изъ принципа, положеннаго въ основу государственнаго управленія, изъ принципа легитимизма (монархическаго принципа), или изъ принципа верховной власти народа. На это можно отвѣтить, что если это дѣйствительно практическіе принципы, они должны опираться на теоретическія основанія. Верховная власть народа, напримѣръ, можетъ быть прочнымъ основаніемъ государственнаго управленія, потому что управленіе, устроенное такимъ образомъ, стремится производить извѣстныя благотворныя дѣйствія. Впрочемъ, такъ какъ никакое правленіе не производитъ всѣхъ возможныхъ благотворныхъ дѣйствій, а всѣ формы правленія сопряжены съ большими или меньшими неудобствами, такъ какъ этихъ неудобствъ нельзя преодолѣть средствами заимствованными отъ причинъ, ихъ произведшихъ, то независимость той или другой практической мѣры отъ такъ называемаго общаго принципа управленія могла бы во многихъ случаяхъ служить лучшимъ для нея оправданіемъ, чѣмъ то соображеніе, что она вытекаетъ изъ принципа. При правленіи, основывающемся на принципѣ легитимизма, отдавалось бы предпочтеніе учрежденіямъ, имѣющимъ въ виду народное благо, а при демократическомъ правленіи мѣрамъ обузданія стремительности народныхъ массъ. Способъ аргументаціи, принимаемый столь часто во Франціи за политическую философію, приводитъ къ тому практическому заключенію, что должно направлять всѣ усилія не къ ослабленію, а къ усиленію всевозможныхъ характеристическихъ несовершенствъ той системы учрежденій, какую мы предпочитаемъ, или при которой живемъ» [1]).

[1]) Syst. de Logique v. II. p. 554.

Мы могли бы привести и многія другія мѣста изъ произведеній Стюарта Милля, могли бы указать на его критику системы Бентама, его замѣчанія о вліяніи обычая на заработную плату, нѣкоторые изъ его взглядовъ на историческій методъ; но и приведенный примѣръ достаточно показываетъ, до какой высоты могъ бы подняться Стюартъ Милль, если бы онъ не былъ увлеченъ духомъ вѣка.

Указывая недостатки внутренней политики во Франціи, Стюартъ Милль осуждаетъ ихъ только потому, что приписываетъ ихъ забвенію правильнаго дедуктивнаго метода,— забвенію, присовокупляетъ онъ, сильно подорвавшему довѣріе другихъ народовъ къ духу обобщенія, составляющему достойную уваженія отличительную черту французскаго генія [1]). Увы! упрекъ, дѣлаемый намъ Миллемъ, основателенъ, потому что мы дѣйствительно утратили этотъ «духъ обобщенія», отличавшій насъ нѣкогда и подчинились духу системы, проникшему въ нашу внутреннюю политику по тѣмъ же причинамъ, по которымъ Стюартъ Милль обманулся относительно дѣйствительнаго значенія своей собственной доктрины.

Въ средніе вѣка софистика простирала свое вліяніе только на ученые и образованные классы; народъ сохранялъ свою естественную свободу, свою свѣжесть мысли, а потому, за эпохою борьбы номиналистовъ и реалистовъ, могла наступить эпоха блеска, могущественнаго обобщенія, генія. Въ Греціи, напротивъ, софисты были безчисленны [2]), общественное образованіе перешло въ ихъ руки, а потому и политическіе раздоры отличались тѣмъ же характеромъ систематической оппозиціи, какъ и доктрины софистовъ. Если эпохи умственнаго безсилія называются въ философіи эпохами софистики, то въ исторіи народовъ, когда вліяніе этихъ эпохъ простирается до низшихъ слоевъ общества, онѣ называются эпохами паденія. Въ эти эпохи то, что принимается людьми за истину, не есть истина; воображаемыя ими права не суть права; справедливость, которой домогаются, не есть

---

[1]) Systeme de Logique v. II. p. 554.
[2]) Platon, L' Euthydeme, 307.

справедливость. Горе тогда людямъ, которыхъ, благодаря случайностямъ рожденія, или не соотвѣтствующаго духу эпохи воспитанія, не коснулись пагубныя вліянія времени. Оторванные отъ почвы, они не находятъ сочувствія, остаются одинокими среди толпы, съ отчаяніемъ въ настоящемъ, безъ надежды на будущее; между тѣмъ какъ люди, далеко неталантливые, но глубоко проникнутые модными заблужденіями, выдвигаются впередъ непреодолимою силою. Ихъ недостатки признаются заслугами, заблужденія—истинами, софизмы—проблесками генія; страсти, ими возбуждаемыя, создаютъ имъ славу, и вотъ—вмѣсто того, чтобы уменьшать безпорядокъ, они увеличиваютъ его. Потомство будетъ удивляться, не будучи способнымъ понять, какимъ образомъ Сократъ могъ быть приговоренъ къ смерти, Платонъ—не принимать участія въ дѣлахъ, Аристотель—не имѣть вліянія на судьбы своего отечества. Все это естественно въ эпоху софистовъ. Стюартъ Милль имѣлъ громадный успѣхъ, по той же причинѣ. Онъ былъ прославляемъ, какъ философъ, имѣлъ многочисленныхъ учениковъ; иностранцы переводили его сочиненія, соотечественники избрали его своимъ представителемъ въ парламентъ и предполагаютъ воздвигнуть ему памятникъ, для увѣковѣченія его имени. Въ темную ночь, третьестепенныя звѣзды кажутся звѣздами первой величины.

VIII.

Антиноміи Герберта Спенсера.

Мы имѣли честь лично познакомиться съ Гербертомъ Спенсеромъ; это случилось въ то время, когда стали изучать его труды. Приступая теперь къ анализу ихъ, считаемъ долгомъ заявить,—такъ какъ наше сужденіе будетъ строгимъ,—что между нашими современниками нѣтъ никого, кто бы удивлялъ насъ въ такой степени, какъ Гербертъ Спенсеръ и обширною ученостью и умѣньемъ такъ же легко справляться съ самыми отвлеченными и трудными метафизическими понятіями.

Подобно Стюарту Миллю, Гербертъ Спенсеръ думаетъ найти въ конкретномъ мірѣ источникъ истины и отвергаетъ метафизическія умозрѣнія; но тогда какъ Стюартъ Милль утверждаетъ, что не желаетъ заниматься послѣдними, Гербертъ Спенсеръ намѣренъ, развивая ихъ еще далѣе, выяснить противорѣчія, имъ присущія. Первый ограничивается изслѣдованіемъ способа и формъ изъясненія и открытія истины, второй поднимается выше и ищетъ истину въ согласіи нашихъ научныхъ вѣрованій. Одинъ, за отсутствіемъ опредѣленнаго принципа, теряется въ области фантастическихъ гипотезъ; другой, вслѣдствіе своего односторонняго принципа, впадаетъ въ бездну смѣшеній и заблужденій. Наконецъ, оба одинаково искренни и одинаково убѣждены, что нѣтъ правильнаго метода, помимо метода точныхъ наукъ, что нѣтъ истины выше согласія всѣхъ фактовъ. И тотъ и другой подчиняются предразсудкамъ и заблужденіямъ вѣка. Однако Гербертъ Спенсеръ труднѣе для пониманія, чѣмъ его соперникъ; его предпріятіе несравненно шире, а метафизическія проблеммы, которыя онъ затрогиваетъ, какъ будто играя ими, требуютъ отъ читателя большой привычки къ отвлеченностямъ.

Въ предисловіи къ своему обширному труду, Гербертъ Спенсеръ указываетъ цѣль, которой онъ желаетъ достигнуть, и средства, которыя намѣренъ употребить для достиженія цѣли. Онъ будетъ изучать послѣдовательно первые принципы (основныя начала), принципы біологіи, психологіи, соціологіи и морали,—энциклопедію, которая, по его мнѣнію, приведетъ его къ примиренію вѣры и науки! Такова «задача, къ рѣшенію которой онъ будетъ стремиться настойчиво, притомъ—къ такому рѣшенію, которое не будетъ искусственнымъ компромиссомъ, но дѣйствительнымъ и прочнымъ миромъ, установленнымъ безъ всякихъ ограниченій, безъ малѣйшей уступки» [1]). При чтеніи этой программы можно подумать, что это говоритъ одинъ изъ тѣхъ систематическихъ мечтателей, которые берутся примирять непримиримое—кругъ съ квадратомъ, богатство съ бѣдностью, совершенную свободу съ абсолютною властью,—а не одинъ изъ великихъ умовъ нашего времени. Но доктрина Герберта Спенсера отличается отъ обыкновенной мечты не только своимъ научнымъ характеромъ; изъ-за этого мы не остановились бы на ней—бредить наукою такъ же легко, какъ трудно строить ее; но она отличается отъ мечты и потому, что беретъ свое начало въ самыхъ трудныхъ вопросахъ философіи, въ антиномистикѣ Канта.

«Мы можемъ сдѣлать, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, три предположенія относительно происхожденія вселенной, буквальный смыслъ которыхъ будетъ понятенъ. Можемъ утверждать, что она существуетъ сама собой, или—что она сотворила сама себя, или же, что она сотворена какою либо внѣшнею силой» [2]).

«Самосуществованіе (L' existence par soi) вселенной означаетъ существованіе ея безъ начала. Но представить существованіе въ теченіе безконечнаго прошедшаго времени значитъ представить безконечное время протекшимъ, а это совсѣмъ невозможно» [3]).

---

[1]) Premiers principes (trad. E. Gazelles) p. 21.
[2]) Premiers principes (trad. E. Gazelles) p. 31.
[3]) Ibid. p. 32.

«Вторая гипотеза—самосотворенія, есть не иное что, какъ пантеизмъ и не болѣе первой доступна пониманію. Мы стремимся объяснить себѣ дѣйствительное существованіе вселенной потому, что не понимаемъ его; предполагать, что это существованіе есть слѣдствіе перемѣнъ, свойственныхъ вселенной самой по себѣ, значило бы пытаться объяснить еще менѣе извѣстное намъ, чѣмъ настоящая вселенная, т. е. объяснить перемѣны, послѣдовательно произшедшія въ ней. Но если бы даже мы могли сдѣлать нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи, вселенная, измѣняющаяся сама по себѣ, предполагала бы какую то присущую ей необходимость въ этихъ перемѣнахъ, или перемѣны безъ причины, безусловно непонятныя намъ [1]).

«Остается послѣдняя гипотеза,—сотвореніе вселенной внѣшнею силою. Происхожденіе матеріи изъ ничего составляетъ тайну этой гипотезы, но непонятность ея еще болѣе обнаруживается, когда вмѣсто матеріи мы будемъ разсматривать пространство. Если бы даже ничего не существовало, кромѣ безмѣрной пустоты, все-таки необходимо было бы объяснить ее. Откуда произошла эта пустота? Теорія творенія, чтобъ быть полною, должна отвѣтить, что пространство сотворено такимъ же образомъ, какъ и матерія.... Но никакимъ усиліемъ ума мы не можемъ вообразить себѣ небытіе пространства» [2]). «Наконецъ, если предположимъ даже, что всѣ эти затрудненія разрѣшены, и тогда тайна творенія остается все также неразрѣшимою, потому что, тотчасъ же возникаетъ новый вопросъ: откуда явилась сила, создавшая міръ? Этотъ вопросъ опять приводитъ насъ къ тѣмъ же тремъ гипотезамъ: самосуществованія, самосотворенія и сотворенія новою внѣшнею силою.. Такимъ образомъ, эти три предположенія, которыя Гербертъ Спенсеръ называетъ послѣдними идеями религіи, «хотя онѣ словесно и понятны и—каждая изъ нихъ является совершенно разумною для ея сторонниковъ, оказываются, при критическомъ изслѣдованіи, буквально непостижимыми» [3]).

[1]) Premiers principes p. 33—34.
[2]) Ibid. p. 35.
[3]) Premiers principes p. 36.

Гипотезы, которыя могутъ быть построены относительно происхожденія вселенной, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ думаетъ Гербертъ Спенсеръ. Мы можемъ предположить еще, что безсознательная, но безконечная и вѣчная, матерія была упорядочена и организована высшимъ разумомъ, также безконечнымъ и вѣчнымъ; такова гипотеза дуализма. Можемъ предположить также, что вселенная, въ своихъ послѣдовательныхъ видоизмѣненіяхъ, воплощается въ опредѣленный моментъ въ человѣкѣ; или въ иномъ высшемъ существѣ, открывающемъ ея тайну. Точно также можемъ допустить, что виновникъ бытія всѣхъ вещей пожелалъ, чтобы его существованіе осталось непонятнымъ для людей, съ цѣлью испытать ихъ желаніе познать его и любовь ихъ къ высшему совершенству. Словомъ, возможны безчисленныя предположенія; они назывались во всѣ времена вѣрованіями. Но когда въ наукѣ, имѣющей своею задачею изслѣдованіе важности и значенія нашихъ идей, приходятъ къ мысли, что понятія о вѣчномъ и безконечномъ, о безусловномъ бытіи или бываніи, очевидны сами по себѣ, или—что они недоступны пониманію, тогда становятся въ умственномъ отношеніи ниже всѣхъ вѣрующихъ въ мірѣ. Выдаютъ за научныя истины то, что вѣрующіе считаютъ только предметомъ вѣры, подрываютъ силу инстинктивныхъ вѣрованій человѣческаго духа, смѣшиваютъ выраженія, спутываютъ понятія и ведутъ къ болѣе опасному униженію мысли, чѣмъ всѣ религіи вѣковъ прошедшихъ и будущихъ.

Съ научной точки зрѣнія, время, называемое нами вѣчнымъ, пространство, почитаемое безконечнымъ, вселенная или ея творецъ, провозглашаемые абсолютными, суть идеи нашего ума, имѣющія то или другое отношеніе, хотя и неизвѣстное намъ, къ дѣйствительному протяженію, проходимому нами шагъ за шагомъ, ко времени, измѣряемому нами съ трудомъ, къ вещамъ, свойство которыхъ мы узнаемъ только при непрерывныхъ усиліяхъ. При нашей потребности въ достовѣрномъ знаніи мы соединяемъ, — всѣ эти данныя нашего существованія самымъ естественнымъ и непосредственнымъ образомъ, подобно тому, какъ соединяемъ отвлеченныя понятія линіи, круга и числа съ конкретными ли-

ніями, кругами и числами, доступными нашему наблюденію, хотя тоже не знаемъ отношеній, существующихъ между ними. Соединенія эти — естественны и необходимы для развитія нашего ума; мы называемъ ихъ въ наукѣ, какъ и въ религіи, вѣрованіями, потому что не знаемъ дѣйствительной причины ихъ.

Въ физикѣ и астрономіи мы формулируемъ, посредствомъ математическихъ чиселъ и величинъ, законы, управляющіе явленіями природы. Но ни одинъ изъ этихъ законовъ не соотвѣтствуетъ всецѣло фактамъ. Законы маятника не даютъ точныхъ качаній его, какъ и законы тяготѣнія не даютъ точныхъ движеній планетъ. Однако, никогда не существовало въ наукѣ двухъ школъ, изъ которыхъ одна утверждала бы, что только формулы законовъ очевидны, явленіямъ же недостаетъ точности и достовѣрности, между тѣмъ, какъ другая доказывала бы, что явленія достовѣрны, а законы — химеричны. Только новѣйшей философіи свойственно впадать въ подобныя крайности и выражать ихъ въ антиномистикѣ. Не давая себѣ труда изслѣдовать ни различія, существующія между отвлеченными и конкретными понятіями, ни законъ отношеній, соединяющихъ ихъ, одни признали достовѣрность за идеями отвлеченными, другіе за конкретными; это противорѣчіе антиномисты систематизировали, находя такой способъ разсужденія совершенно законнымъ, между тѣмъ какъ въ наукѣ онъ показался бы имъ нелѣпостью.

Всего любопытнѣе въ антиноміяхъ Герберта Спенсера то, что онъ открываетъ намъ во второй изъ нихъ тайну своихъ заблужденій. «Мы стремимся, говоритъ онъ, объяснить себѣ дѣйствительное существованіе вселенной, потому что не знаемъ ея; предполагать, что послѣдовательныя перемѣны во вселенной даютъ намъ это объясненіе, значитъ думать, что неизвѣстнымъ можно объяснить извѣстное». Такъ именно относится онъ къ различнымъ гипотезамъ о происхожденіи вселенной, потому что не знаетъ дѣйствительнаго значенія идей, изъ которыхъ эти гипотезы образовались, а не зная этого, естественно находитъ самыя гипотезы непонятными, потому что требуетъ отъ нихъ именно указанія ему значенія идей, котораго онъ не знаетъ. Отсюда

получается результатъ, который онъ самъ называетъ нелѣпымъ—съ чѣмъ всякій можетъ согласиться,—что его антиноміи не имѣютъ ни начала, ни конца. Не довольствуясь почти буквальнымъ повтореніемъ аргументовъ греческихъ софистовъ, онъ находитъ непостижимыя противорѣчія и въ великихъ открытіяхъ новѣйшихъ наукъ и даже въ убѣжденіи, какое мы имѣемъ относительно своего собственнаго существованія.

«Если мы предполагаемъ, продолжаетъ онъ, что матерія дѣлима до безконечности, то это—продуктъ нашего воображенія: въ дѣйствительности, понять безконечную дѣлимость матеріи значитъ прослѣдить умственно дѣленіе до безконечности, для чего потребовалось бы безконечное время. Съ другой стороны, утверждать, что матерія не дѣлима до безконечности, значитъ утверждать, что матерія состоитъ изъ частей, которыя уже никакой мыслимой силой не могутъ быть раздѣлены далѣе; а это словесное предположеніе такъ же не можетъ быть представлено въ мысли, какъ и предъидущее, потому что каждая изъ предполагаемыхъ элементарныхъ частей, если бы она существовала, должна бы имѣть верхнюю и нижнюю поверхности, правую и лѣвую стороны..... и какова бы ни была сила сцѣпленія, предполагаемаго въ этихъ частицахъ, невозможно исключить идею высшей силы, способной восторжествовать надъ нею. Для разума человѣческаго—одна гипотеза нисколько не лучше другой» [1]). «Капитанъ, идущій, по своему кораблю отъ запада къ востоку съ такою же скоростью, съ какою корабль этотъ плыветъ въ противоположномъ направленіи, находится одновременно и въ движеніи и въ покоѣ. А если корабль идетъ скорѣе, въ какомъ направленіи идетъ капитанъ? Но корабль, въ свою очередь, уносится движеніемъ земли, а земля—движеніемъ всей солнечной системы.... То, что кажется намъ движущимся, въ дѣйствительности неподвижно, а что кажется неподвижнымъ, въ дѣйствительности движется; что̀, по нашему мнѣнію, движется въ извѣстномъ направле-

[1]) Premiers principes p. 53.

ніи, движется на самомъ дѣлѣ съ большею скоростью въ направленіи противоположномъ» [1]).

«Мы говоримъ, что одно тѣло, толкающее другое, сообщаетъ ему движеніе. Но что же именно сообщается при этомъ? Очевидно, не сообщается ни какой либо вещи, ни какого либо качества. Когда, затѣмъ, послѣдуемъ за этимъ сообщеннымъ движеніемъ, поймемъ ли, какъ движущееся тѣло можетъ остановиться? Какъ бы далеко мы ни слѣдили мысленно за уменьшающеюся скоростью движенія, все-таки будетъ оставаться еще нѣкоторая скорость. Возьмемъ половину данной скорости, потомъ половину этой половины и такъ далѣе; но и самое малое движеніе отдѣлено отъ нуля движенія непроходимой бездной» [2]). При чтеніи этихъ строкъ, не кажется ли, что слышишь Зенона элейскаго? Одна только разница между аргументаціей англійскаго софиста и аргументаціей софиста греческаго: послѣдній пытался невозможностью понять движеніе и дѣлимость матеріи доказать существованіе неизмѣннаго бытія, тогда какъ Гербертъ Спенсеръ считаетъ и это бытіе также совершенно непонятнымъ. Очевидно, греческая софистика усовершенствовалась съ теченіемъ времени; но превратившись въ антиномистику, не измѣнилась ни по существу, ни по методу.

Ничто не останавливаетъ Герберта Спенсера, и мы можемъ только пожалѣть, что столько знаній и таланта потрачено на такое печальное дѣло. «Свѣтъ, теплота, тяготѣніе и всѣ силы, подобно лучамъ исходящія отъ центра, измѣняются въ обратномъ отношеніи квадрата разстояній. Физики въ своихъ изслѣдованіяхъ полагаютъ, что единицы матеріи дѣйствуютъ одна на другую по тому же закону, и они вынуждены дѣлать такое предположеніе, потому что этотъ законъ не просто эмпирическій, но выводимый математически изъ отношеній пространства, такъ что отрицаніе его немыслимо. Но что должно происходить въ массѣ матеріи, находящейся во внутреннемъ равновѣсіи? Притяженіе и отталкиваніе составляющихъ ее атомовъ уравновѣши-

[1]) Ibid. p. 58.
[2]) Premiers principes p. 60.

вается. Вслѣдствіе равновѣсія, атомы остаются на однихъ и тѣхъ же разстояніяхъ, и масса матеріи не разширяется и не сжимается. Но если силы, при которыхъ два смежные атома взаимно притягиваются и отталкиваются, одновременно измѣняются обратно пропорціонально квадратамъ разстояній,—какъ и должно быть,—и если атомы находятся въ равновѣсіи на ихъ опредѣленныхъ разстояніяхъ, то необходимо должны они находиться въ равновѣсіи и на всѣхъ другихъ разстояніяхъ. Если предположимъ, что атомы отдѣлены двойнымъ разстояніемъ, тогда притяженіе и отталкиваніе ихъ уменьшится до четверти своей настоящей силы. Если предположимъ, что они приблизились на половину своего разстоянія, то притяженіе и отталкиваніе ихъ увеличится въ четыре раза. Отсюда слѣдуетъ, что матерія принимаетъ съ одинаковою легкостью всякую плотность и не можетъ оказать сопротивленія внѣшнимъ дѣятелямъ. И такъ мы принуждены признать одно изъ двухъ, или—что эти частичныя, противодѣйствующія силы не измѣняются въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній — что̀ немыслимо; или же, что матерія не обладаетъ свойствомъ противодѣйствія, которымъ мы отличаемъ ее отъ пустаго пространства—что̀ нелѣпо» [1]). Вотъ что Гербертъ Спенсеръ называетъ послѣдними идеями науки.

Послѣдняя антиномія, приводимая Гербертомъ Спенсеромъ, поистинѣ одна изъ наиболѣе интересныхъ. Она касается сознанія нами своей личности. «Я убѣжденъ въ этомъ, какъ въ своемъ существованіи! Вотъ самое сильное выраженіе нашей увѣренности въ чемъ либо. Фактъ личнаго существованія, засвидѣтельствованный всеобщимъ сознаніемъ человѣчества, сдѣлался основаніемъ многихъ философскихъ системъ; для мыслителя, какъ и для необразованнаго человѣка, онъ выше всякаго сомнѣнія. Никакая гипотеза не даетъ намъ возможности освободиться отъ вѣры въ свое собственное существованіе..... Даже скептикъ, разложившій свое личное сознаніе на впечатлѣнія и идеи, долженъ признать, что это *его* впечатлѣнія, *его* идеи, и допустить ре-

[1]) Premiers principes p. 61.

альность индивидуальнаго духа.... При всемъ томъ, это вѣрованіе не можетъ быть оправдано разумомъ. Несомнѣнно, что состоянія нашего сознанія возникаютъ послѣдовательно. Но спрашивается, безконечна или конечна цѣпь состояній сознанія? Мы не можемъ сказать, что она безконечна, такъ какъ безконечное непостижимо для насъ; но не можемъ и сказать, что она конечна, ибо не знаемъ конца ея.... Послѣднее состояніе сознанія, какъ и всякое другое, можетъ существовать только подъ условіемъ пониманія его отношеній къ предшествовавшимъ состояніямъ. Но пониманіе этихъ отношеній должно составить состояніе сознанія болѣе позднее, нежели послѣднее, а это очевидное противорѣчіе» [1]). Короче сказать, и здѣсь тоже самое затрудненіе, какое встрѣчается при опредѣленіи отношеній между движеніемъ и покоемъ. «Не больше мы успѣемъ и въ томъ случаѣ, когда, вмѣсто объема сознанія, будемъ разсматривать сущность его.... Основнымъ условіемъ всякаго сознанія служитъ противоположеніе субъекта и объекта.... оно предполагаетъ познающій субъектъ и познаваемый объектъ. Но если познаваемый объектъ есть само *я*, что̀ же будетъ тогда познающимъ субъектомъ. Или, если настоящее *я* есть то, которое мыслитъ, то откуда же другое *я*, которое мыслится? Очевидно, истинное познаніе себя предполагаетъ состояніе, въ которомъ познающее и познаваемое составляютъ одно, въ которомъ субъектъ и объектъ тождественны,—но это равносильно уничтоженію того и другаго» [2]).

Предлагаемъ Герберту Спенсеру рѣшеніе слѣдующей антиноміи: что дважды два—четыре, это истина неоспоримая, всеобщая; ученый и невѣжда одинаково признаютъ, что она не только очевидна и необходима, но и ежедневно подтверждается опытомъ. Однако, намъ непонятно, какимъ образомъ, не считая возможнымъ сказать, что двѣ собаки и двѣ лошади составляютъ четыре собаки или четыре лошади, мы можемъ утверждать, что онѣ составляютъ четыре животныя. Слово животное прибавляетъ ли къ двумъ соба-

---

[1]) Premiers principes p. 89.
[2]) Premiers principes p. 65 и 67.

камъ и двумъ лошадямъ что либо такое, по чему мы представляемъ ихъ различными другъ отъ друга? Двѣ собаки и двѣ лошади по прежнему остаются двумя собаками и двумя лошадьми, а когда мы говоримъ, что онѣ составляютъ 4 животныя, то это простой способъ выраженія, «символъ, намъ словесно понятный», но въ дѣйствительности вовсе непонятный. Съ другой стороны, если мы не можемъ утверждать, что двѣ собаки и двѣ лошади составляютъ 4 животныя, не можемъ утверждать и того, что Петръ и Павелъ—два человѣка, потому что выраженіе «человѣкъ» ничего не прибавляетъ къ ихъ природѣ и каждый изъ нихъ, самъ по себѣ, совершенно отличенъ отъ другаго; у каждаго свои особенности; цвѣтъ волосъ, черты лица, походка, рѣчь, словомъ все отличаетъ одного отъ другаго. Тоже слѣдуетъ сказать о всѣхъ предметахъ и всѣхъ существахъ природы; ни одно не походитъ вполнѣ на другое, и мы видимъ въ дѣйствительности только отдѣльныя вещи, безъ всякаго количества, или числа,—что̀ намъ также непонятно.

Все это заблужденія одного и того же рода: общее понятіе о животномъ, образуемое нами, и отношеніе между этимъ понятіемъ и двумя собаками и двумя лошадьми, намъ неизвѣстное; человѣческая личность, сознаваемая нами, и это сознаніе, природы котораго не знаемъ; притяженіе и отталкиваніе, опредѣляемыя нами въ ихъ законахъ, и притяженіе и отталкиваніе, разсматриваемыя какъ абсолютныя силы, о которыхъ ровно ничего не знаемъ. Въ эристикѣ было достаточно принимать одно и тоже понятіе, то въ смыслѣ частномъ, то въ смыслѣ общемъ, чтобы доказывать за и противъ безразлично всякое положеніе. Въ антиномистикѣ достаточно противоположить какому нибудь понятію, взятому въ конкретномъ смыслѣ, тоже понятіе, или понятіе сходное, взятое въ смыслѣ безусловномъ, для того, чтобъ можно было заключать къ ложности того и другаго, потому что, смѣшивая ихъ, мы можемъ непониманіе одного перенести на другое и такимъ образомъ уничтожить очевидность, свойственную каждому изъ нихъ. Между тѣмъ, было бы такъ просто различать ихъ и продолжать изслѣдованіе ихъ дѣйствительнаго значенія, какъ дѣлаемъ мы во всѣхъ на-

укахъ, ибо всѣ онѣ имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ наши идеи!

«Въ какомъ бы направленіи, говоритъ Гербертъ Спенсеръ въ заключеніе, ни велъ ученый свои изслѣдованія, послѣднія неизбѣжно приводятъ его къ неразрѣшимой загадкѣ, и постепенно съ большею и большею ясностью убѣждается онъ въ неразрѣшимости ея. Онъ признаетъ, наконецъ, и величіе и ничтожество человѣческаго ума; могущество его въ области опыта и безсиліе въ той области, куда не проникаетъ опытъ. Съ совершенной ясностію представляется ему непостижимость простѣйшаго изъ фактовъ, разсматриваемаго въ его сущности». Дикарь, встрѣтивъ на пути камень съ причудливыми очертаніями, поражается, дѣлаетъ изъ него фетишъ и поклоняется ему; антиномистъ, встрѣчая на своемъ пути неразрѣшимыя трудности, хватается за нихъ, строитъ на нихъ какой либо принципъ и выводитъ изъ нихъ свои философскія вѣрованія; въ сущности, оба метода стоютъ одинъ другаго.

IX.

Мечта въ философіи и двойные софизмы.

Окончивъ критику чистаго разума и формулировавъ свои антиноміи, Кантъ обратился къ разуму практическому и искалъ опоры въ правилахъ нравственности и благопристойности. Огюстъ Контъ пошелъ далѣе; онъ отбросилъ не только метафизику, но и вообще всякое философское умозрѣніе, и думалъ найти въ іерархіи наукъ средство для правильнаго распорядка нашихъ познаній. Гербертъ Спенсеръ превзошелъ обоихъ; куда ни обращается онъ, къ наукамъ ли, къ философіи или къ религіи, вездѣ находитъ только неразрѣшимыя загадки, и отсюда заключаетъ, что человѣческій умъ не можетъ достигнуть когда нибудь послѣдней достовѣрности.

Повидимому, изъ такого заключенія долженъ вытекать безусловный скептицизмъ. Но Гербертъ Спенсеръ не болѣе скептикъ, чѣмъ Горгіасъ, Протагоръ, Кантъ, Огюстъ Контъ, или Стюартъ Милль. Скептицизмъ часто бываетъ плодомъ легкомыслія; этого рода скептицизмъ встрѣчается во всѣ времена; но иногда скептицизмъ бываетъ слѣдствіемъ слѣпой вѣры въ непримиримые принципы; тогда онъ принимаетъ имя догматическаго скептицизма и является въ этой формѣ только въ эпохи умственнаго разслабленія и умственнаго упадка. Въ такомъ состояніи находилась Греція, въ эпоху паденія. Заблужденія софистовъ, потрясенныя вѣрованія и недостаточныя знанія сдѣлали ее неспособною понять своихъ послѣднихъ великихъ мыслителей, и бороться съ трудностями, во множествѣ скопившимися въ годы быстраго и блестящаго умственнаго развитія ея. Но Гербертъ Спенсеръ—умъ слишкомъ сильный и увѣренный въ себѣ для того, чтобы, подобно греческимъ скептикамъ, дать себя ослѣпить заблужденіями другихъ.

«Всѣ наши знанія, замѣчаетъ онъ, относительны; ни въ какомъ направленіи мы не можемъ достигнуть послѣднихъ истинъ; но въ основѣ всѣхъ этихъ знаній продолжаетъ существовать въ человѣческомъ сознаніи понятіе объ абсолютномъ, безконечномъ, неопредѣлимомъ и въ тоже время положительномъ» [1]). «Такъ, когда мыслимъ объ ограниченномъ пространствѣ, у насъ возникаетъ безотчетное представленіе о пространствѣ внѣ этихъ границъ; когда мыслимъ о причинѣ опредѣленной, у насъ возникаетъ безотчетное представленіе о причинѣ, лежащей за нею... Сила мышленія неизбѣжно влечетъ насъ за предѣлы бытія условнаго къ бытію безусловному, и это бытіе постоянно пребываетъ въ насъ, какъ предметъ мысли, которому мы не можемъ дать опредѣленной формы. Отсюда наша твердая вѣра въ объективную дѣйствительность, вѣра, которой не можетъ поколебать въ насъ ни на одну минуту никакая метафизическая критика». «Намъ невозможно освободиться отъ сознанія дѣйствительности, лежащей за явленіями, и эта невозможность служитъ причиною нашей непреодолимой вѣры въ эту дѣйствительность» [2]). Вотъ прекрасныя и вѣрныя страницы! Почему же, будучи способнымъ къ столь мудрому философствованію, Гербертъ Спенсеръ сталъ подъ знамя антиномистики, вмѣсто того, чтобы заняться изслѣдованіемъ значенія тѣхъ понятій, которыя онъ называетъ темными? Духъ системы, предвзятая идея увлекаютъ его, и вмѣсто того, чтобы твердо идти по намѣченному пути, онъ возвращается къ софизму. Софизмъ строится изъ слова: дѣйствительность, въ которой мы имѣемъ непреодолимую увѣренность: по словамъ Спенсера, мы можемъ дойти до такой увѣренности только путемъ гипотезъ.— Странно! Мы положительно увѣрены, что за явленіями существуетъ дѣйствительность, и въ тоже время, чтобы дойти до этой увѣренности, должны строить гипотезы? Нѣтъ лучшаго опредѣленія мечты въ философіи. Мы убѣждены, что истина существуетъ, но не можемъ достигнуть ее; итакъ, будемъ мечтать о ней! «Это одинъ путь, открывающійся

[1]) Premiers principes p. 97.
[2]) Premiers principes p. 99.

предъ философіею. Нужно допустить предварительно тѣ изъ нашихъ представленій, которыя имѣютъ жизненное значеніе, или же не могутъ быть отдѣлены отъ остальныхъ, не приводя къ уничтоженію самой способности мышленія. Основныя непосредственныя истины, необходимыя для дѣятельности мышленія, должны быть временно допускаемы, какъ неоспоримыя; затѣмъ, останется только позаботиться объ оправданіи этой гипотезы». Двойной софизмъ: требуется опредѣлить, какою достовѣрностью мы владѣемъ, но вмѣсто отвѣта на вопросъ, Гербертъ Спенсеръ намѣренъ строить гипотезы,—софизмъ elenchi, состоящій въ отвѣтѣ не на заданный вопросъ. Но гипотезы онъ строитъ только потому, что достовѣрность, какою онъ владѣетъ, кажется ему непонятной, по причинѣ его антиномій,—софизмъ круга, какъ назвалъ бы его Стюартъ Милль.

Гербертъ Спенсеръ отдѣлывается отъ своего двойнаго софизма однимъ словомъ. «Нѣтъ другаго средства, продолжаетъ онъ на той же страницѣ, доказать основательность какъ бы то ни было вѣрованія, какъ показать, что оно согласно съ другими нашими вѣрованіями» [1]). Если бы онъ удержалъ выраженіе—гипотеза, онъ сказалъ бы: нѣтъ другаго средства доказать достовѣрность какой либо гипотезы, какъ показать ея согласіе съ другими нашими гипотезами; тогда мы остались бы въ области мечтаній. Требовалось, очевидно, выйти изъ нея, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, внѣшній видъ научнаго разсужденія. Поэтому, Гербертъ Спенсеръ смѣшиваетъ дѣйствительность, въ которой мы имѣемъ неопреодолимую увѣренность, съ гипотезою и превращаетъ ее въ вѣрованіе. Стюартъ Милль далъ ему многочисленные примѣры фокусничества въ этомъ родѣ. Но вѣрованіе имѣетъ совсѣмъ иное значеніе въ философіи, чѣмъ гипотеза; соединившись съ нашими достовѣрными истинами, оно само пріобрѣтаетъ силу неоспоримой очевидности, ведетъ въ религіи къ мученичеству, перенесенное же въ науку, оно ведетъ прямо къ странностямъ александрійской философіи. Вѣрованія становятся противорѣчащими одни другимъ,

[1]) Premiers principes p. 145.

и соединенныя съ достовѣрными истинами ведутъ уже не къ догматическому скептицизму, а къ философскому мистицизму; тотъ и другой младшіе братья софистики.

Но Гербертъ Спенсеръ далекъ отъ мистицизма какъ и отъ скептицизма. «Наши вѣрованія, прибавляетъ онъ, должны быть согласны между собою». Такой критерій близокъ къ опредѣленію истины; правда, ему недостаетъ опредѣленности, но онъ даетъ намъ, по крайней мѣрѣ, ручательство, что Гербертъ Спенсеръ не довѣрится безусловно своимъ мечтамъ. Его критерій увеличиваетъ наше довѣріе къ нему, потому что какъ бы мы ни называли предметъ нашихъ изслѣдованій—вѣрованіями, гипотезами, явленіями, или фактами, во всякомъ случаѣ человѣкъ находитъ истину только въ согласіи его понятій между собою. Къ сожалѣнію, Гербертъ Спенсеръ почти тотчасъ же погашаетъ въ насъ этотъ лучъ надежды. Первыя основныя вѣрованія, допускаемыя имъ, гипотезы, подъ вліяніями жизненнаго опыта складывающіяся представленія, неотдѣлимыя впрочемъ одно отъ другаго, такъ какъ отдѣленіе повело бы къ безпорядочности въ нашемъ мышленіи, суть, по его словамъ, «неуничтожимость матеріи» и «постоянство силы». Всякій другой могъ бы еще допустить эти первыя и основныя гипотезы. Но Герберту Спенсеру, какъ антиномисту, нельзя было сдѣлать это, не впадая въ двойные софизмы. Если матерія неуничтожима, она безконечна во времени; если сила постоянна, она безконечна въ пространствѣ; но то и другое, какъ онъ доказываетъ въ антиноміяхъ, непостижимо и немыслимо. Это только первая часть софизма. Далѣе, если сила постоянна, она будетъ дѣлить матерію безъ конца; какъ бы ни были малы послѣднія, предполагаемыя нами, частицы матеріи, онѣ будутъ все-таки имѣть верхнюю и нижнюю, правую и лѣвую стороны, и постоянная сила будетъ дѣлить ихъ дотолѣ, пока не останется ничего изъ того, что намъ извѣстно подъ именемъ матеріи; слѣдовательно, матерія не неуничтожима. Если же мы безусловно должны признать матерію неуничтожимою, тогда ея послѣднія маленькія частицы, имѣющія верхъ и низъ, правую и лѣвую стороны, не могутъ быть раздѣлены; но въ такомъ случаѣ сила непостоянна. Такимъ

образомъ, уже первыя гипотезы или, если угодно, вѣрованія Герберта Спенсера, не только противорѣчатъ его антиноміямъ, но, вмѣсто согласія, оказываются противорѣчащими одна другой.

Тоже самое надо сказать и о всѣхъ дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ. Когда онъ говоритъ объ отношеніяхъ между силами, ихъ превращеніи и соразмѣрности, о законахъ мѣрности и направленія движенія, онъ забываетъ, что въ антиноміяхъ доказывалъ намъ, что направленія нельзя опредѣлить, что движеніе только иллюзія, что мы не можемъ составить опредѣленнаго понятія ни о способахъ дѣйствія, ни объ измѣненіяхъ движенія. Все это двойные софизмы, принимающіе болѣе и болѣе грубую форму.

Не существуетъ, однако, никакихъ противорѣчій ни въ природѣ, ни въ человѣческомъ мышленіи, и философы открываютъ ихъ потому только, что позволяютъ себѣ играть смысломъ словъ и смѣшивать различное значеніе своихъ идей! Настойчивость, съ какою Гербертъ Спенсеръ утверждаетъ это, доказываетъ, напротивъ, что противорѣчія дѣйствительно присущи мышленію.

Устанавливая свои первыя антиноміи, Гербертъ Спенсеръ увлекается обычными заблужденіями школы антиномистовъ, ея способомъ разсужденія и систематическаго смѣшенія различныхъ понятій и выраженій. Продолжая ставить ему въ упрекъ противорѣчія этого рода, мы оказываемся, повидимому, несправедливыми къ нему. Спенсеръ, по его словамъ, допускаетъ только временно этого рода понятія, и только вслѣдствіе невозможности отдѣлить ихъ отъ другихъ нашихъ первоначальныхъ достовѣрныхъ понятій, не внося безпорядка и разстройства въ область умственной дѣятельности. Онъ не приписываетъ имъ безусловнаго значенія, разсматриваетъ ихъ самымъ поверхностнымъ и простымъ способомъ и довольствуется согласіемъ вѣрованій этого рода съ другими. Онъ не занимается изслѣдованіемъ, въ самомъ ли дѣлѣ матерія безусловно неуничтожима, сила безусловно постоянна; но констатируетъ, какъ фактъ, что въ своихъ повседневныхъ убѣжденіяхъ и ежеминутныхъ вѣрованіяхъ, мы мыслимъ и дѣйствуемъ такъ, какъ

если бы матерія была неуничтожима, а сила постоянна. Точка зрѣнія измѣнилась, смыслъ словъ уже не тотъ; философъ здраваго смысла, сенсуалистической школы, занялъ мѣсто метафизика. Если, въ самомъ дѣлѣ, въ желаніи установить согласіе между всѣми нашими вѣрованіями выражается стремленіе Г. Спенсера постигнуть абсолютное, все-таки мы не имѣемъ права заставить его признаться намъ въ этомъ, пока онъ самъ не подтвердитъ нашего предположенія. Итакъ, мы обязаны, подъ опасеніемъ не понять его мысли, слѣдовать за нимъ въ его новомъ движеніи—допустить наши вѣрованія въ ихъ простѣйшей формѣ и вмѣстѣ съ нимъ искать соглашенія ихъ. Предоставимъ же ему указать намъ свою новую точку зрѣнія, не прерывая его болѣе.

«О чемъ бы ни шла рѣчь, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, объ одномъ ли предметѣ, или обо всей вселенной, изслѣдованіе, которое беретъ предметъ въ одной, наблюдаемой въ данное время, конкретной формѣ и не идетъ далѣе, неполно, потому что другой періодъ существованія предмета, тоже подлежащій изслѣдованію, остается еще безъ исторіи, безъ объясненія....[1]) Исторія каждой вещи должна начинаться съ момента появленія ея изъ неопредѣленнаго, неуловимаго для воспріятія, состоянія и оканчиваться моментомъ возвращенія ея въ тоже состояніе» ..... [2]) Необходимо признать за аксіому, что постепенное возрастаніе плотности предполагаетъ постепенное уменьшеніе внутренняго движенія и, наоборотъ, возрастаніе внутренняго движенія предполагаетъ постепенное уменьшеніе плотности..... [3]) Взятые вмѣстѣ, оба эти противоположные процесса, составляютъ исторію существованія каждой чувственной вещи, въ его простѣйшей формѣ. Уменьшеніе движенія и слѣдующая за нимъ интеграція [4]), смѣняющіяся потомъ усиленіемъ движенія и

---

[1]) Premiers principes v. 1. p. 298.

[2]) Ibid. vol. 1. p. 299.

[3]) Ibid. vol. 1 p. 301.

[4]) «Интеграціей» Гербертъ Спенсеръ называетъ и простое отвердѣніе—увеличеніе плотности тѣла, вслѣдствіе его охлажденія, и всякій переходъ чего либо изъ состоянія безсвязнаго въ связное,—неопредѣленнаго въ опредѣленное.

Примѣч. переводч.

одновременною съ нимъ дезинтеграціей—вотъ понятное выраженіе цѣлаго ряда совершившихся перемѣнъ: понятное въ высшей степени, какимъ и должно быть выраженіе, примѣняемое ко всѣмъ чувственнымъ существамъ вообще; понятное и въ томъ смыслѣ, что всѣ совершившіяся перемѣны сводятся къ нему.... [1]) Всѣ тѣла отъ песчинки до планеты испускаютъ теплоту на другія тѣла, и поглощаютъ теплоту, исходящую отъ другихъ тѣлъ; испуская теплоту, они интегрируются, а воспринимая ее, дезинтегрируются».... [2]) «Всюду и всегда перемѣны, происходящія въ извѣстный моментъ, принадлежатъ тому и другому изъ этихъ процессовъ. Если, съ одной стороны, общая исторія обоихъ процессовъ можетъ быть опредѣлена, какъ переходъ изъ неопредѣленнаго состоянія разъединенія въ опредѣленное состояніе сосредоточенности, чтобы снова возвратиться въ состояніе разъединенія, то съ другой—всякая подробность въ этой исторіи можетъ быть опредѣлена какъ часть той и другой изъ этихъ перемѣнъ. Итакъ, необходимо признать этотъ принципъ универсальнымъ закономъ взаимнаго распредѣленія матеріи и движенія, въ одно и тоже время объединяющимъ какъ группы различныхъ, повидимому, перемѣнъ, такъ и всѣ измѣненія въ каждой группѣ... Эти процессы, всюду оказывающіеся въ антагонизмѣ, всюду пріобрѣтающіе одинъ надъ другимъ то кратковременный, то болѣе или менѣе продолжительный перевѣсъ, мы назовемъ—одинъ развитіемъ (evolution), другой—разложеніемъ (dissolution). Развитіе, въ самой простой и общей формѣ, состоитъ въ интеграціи матеріи, сопровождаемой уменьшеніемъ движенія, между тѣмъ какъ разложеніе вообще состоитъ въ возрастаніи движенія и дезинтеграціи матеріи» [3]).

Мы предоставили слово Герберту Спенсеру, не отмѣчая ни одной изъ антиномій, заключающихся въ его гипотезахъ, или вѣрованіяхъ, какъ онъ называетъ ихъ,—оставляя безъ замѣчанія даже то, что эти гипотезы, когда онъ говоритъ

---

[1]) Premiers principes v. 1. p. 302.
[2]) Ibid. p. 36.
[3]) Premiers principes p. 305.

о развитіи и исторіи вещей, принимаютъ безусловный характеръ, котораго, конечно, онъ не намѣренъ придавать имъ. Софизмъ былъ бы слишкомъ грубымъ и третье превращеніе его точки зрѣнія—слишкомъ очевиднымъ. Мы намѣрены остановиться на самыхъ неуничтожимыхъ и рудиментарныхъ нашихъ вѣрованіяхъ и изслѣдовать, вмѣстѣ со Спенсеромъ, точно ли они согласны съ только что сдѣланнымъ ихъ очеркомъ. На основаніи этихъ первоначальныхъ и неразрушимыхъ вѣрованій, намъ кажется, прежде всего, что частица матеріи,—частица кислорода напримѣръ,—находящаяся въ воздухѣ, не болѣе находится въ состояніи разсѣянія, чѣмъ и въ томъ случаѣ, когда таже частица соединяется съ желѣзомъ при образованіи ржавчины. Наши профессоры химіи доказываютъ намъ существованіе ея въ томъ и другомъ случаѣ съ одинаковою точностью, и когда они излагаютъ намъ, затѣмъ, исторію ея, то не начинаютъ съ газообразнаго состоянія ея и не оканчиваютъ этимъ же состояніемъ; но просто указываютъ свойства этой частицы кислорода. Исторія человѣка, начинающаяся съ его рожденія и оканчивающаяся его смертью, не можетъ быть, по нашимъ вѣрованіямъ, самымъ элементарнымъ, примѣняема къ исторіи матеріи, потому именно, что по этимъ самымъ вѣрованіямъ матерія неуничтожима. Частица кислорода всегда остается, что бы ни случилось, тою же самою частицею.

Вовторыхъ, не менѣе противорѣчитъ нашимъ неопровержимымъ и первоначальнымъ вѣрованіямъ и то мнѣніе Герберта Спенсера, что полная исторія каждой вещи должна начинаться недоступнымъ воспріятію состояніемъ ея и оканчиваться возвращеніемъ ея въ это же состояніе. Гдѣ же начинается и гдѣ оканчивается состояніе недоступное воспріятію? Мы измѣряемъ съ удивительною точностью звуки, которыхъ не слышимъ, цвѣта, которыхъ не видимъ. Не начинается ли исторія каждой вещи чудесами, подобными встрѣчающимся въ сказкахъ Гофмана, герои которыхъ слышатъ, какъ растутъ травы, и видятъ, какъ распускаются листья.

Втретьихъ, аксіома, имъ указываемая, которой онъ даетъ три различныя формы, представляетъ—въ своей первой

формѣ просто химеру. Если бы Гербертъ Спенсеръ держалъ когда нибудь сгущенную сѣрную кислоту въ рукахъ, онъ понялъ бы, что съ увеличеніемъ сгущенія не соединяется необходимо убыль внутренняго движенія. Во второй формѣ—это не только не аксіома, но даже не эмпирическій законъ. Вода, при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое, теряетъ внутреннее движеніе, выражаясь словами Герберта Спенсера; но она вовсе не интегрируется, а дезинтегрируется, разширяется; лопающіяся бутылки, трескающіяся кадки подтверждаютъ, какъ нельзя болѣе, это заурядное вѣрованіе. Въ третьей формѣ, наконецъ, мнимая аксіома не только противорѣчитъ самымъ элементарнымъ нашимъ вѣрованіямъ, но и представляется въ одно и тоже время, и софизмомъ и нелѣпостью. Она—софизмъ, потому что въ ней смѣшиваются теплота съ движеніемъ; всякій знаетъ, что чрезъ охлажденіе, какъ и посредствомъ нагрѣванія, мы дѣлаемъ тѣла поочередно твердыми, жидкими и газообразными; но если въ этихъ случаяхъ Гербертъ Спенсеръ подъ теплотою разумѣетъ движеніе, то это игра смысломъ словъ. Если мы, напротивъ, будемъ разумѣть подъ теплотою одну изъ многочисленныхъ причинъ движенія, каковы: электричество, тяжесть, свѣтъ, которыя суть силы, свойственныя матеріи; тогда аксіома ниспровергаетъ всѣ наши вѣрованія, какъ самыя неоспоримыя, такъ и самыя первоначальныя, и приводитъ къ разрушенію «самой способности мышленія». Какъ сила, теплота есть неотъемлемое свойство тѣлъ, точно такъ же, какъ и тяжесть; допускать, что тѣла могутъ принимать свойства одни отъ другихъ, значитъ думать, что они могутъ измѣнять природу, что кислородъ можетъ стать желѣзомъ, а желѣзо—сѣрой; но такое предположеніе противорѣчитъ инерціи матеріи, о которой коротко извѣстно всякому школьнику, изучающему химію и физику. Наконецъ, если всѣ массы отъ песчинки до планеты испускаютъ теплоту и поглощаютъ теплоту, испускаемую другими тѣлами, и если это законъ универсальный; тогда дѣлается безполезнымъ дальнѣйшее изслѣдованіе; мы нашли непрерывное движеніе (perpetuum mobile). Возьмите два тѣла; хотя бы—двѣ песчинки; одна, сжимаясь, выдѣляетъ теплоту, которую другая

поглощаетъ, разширяясь; но эта послѣдняя, испуская теплоту въ свою очередь, возвратитъ полученную ею теплоту другой и т. д.; помѣстимъ ихъ въ нашихъ локомотивахъ, на нашихъ пароходахъ, внутри нашихъ домовъ, на нашихъ фабрикахъ; онѣ будутъ работать за насъ, онѣ будутъ согрѣвать и освѣщать насъ; это будетъ золотой вѣкъ исторіи человѣчества. Отъ гипотезъ и вѣрованій мы перешли такимъ образомъ къ чистой утопіи. Наши вѣрованія самыя неоспоримыя и основныя также противоположны ученію Спенсера объ интеграціи и дезинтеграціи, развитіи и разложеніи, какъ его антиноміи, гипотезы и вѣрованія—противорѣчатъ другъ другу.

Остается еще послѣдняя надежда на истину у Герберта Спенсера, но при условіи, котораго онъ не предусматривалъ, хотя и предчувствовалъ его въ своемъ честолюбивомъ намѣреніи привести въ согласіе всѣ наши вѣрованія.

X.

Сказка.

Шехеразада, Перро, Гофманъ—разсказываютъ намъ о самыхъ невѣроятныхъ вещахъ: о волшебныхъ лампахъ, слушающихъ дверяхъ, говорящихъ животныхъ, добрыхъ и злыхъ феяхъ, всемогущихъ чародѣяхъ, принцессахъ, красивѣйшихъ солнца. Не смотря на то, ихъ сказки нравятся намъ и восхищаютъ насъ; характеры изображены въ нихъ такъ выпукло, приключенія связываются такъ занимательно и переплетаются съ дѣйствительными или возможными обстоятельствами такъ остроумно, что сказки принимаютъ видъ полной истины и дѣти въ простотѣ сердца вѣрятъ имъ. Вотъ на этотъ родъ достовѣрности Г. Спенсеръ еще можетъ претендовать. Мы охотно принимаемъ неуничтожимость матеріи и постоянство силы, интеграціи и дезинтеграціи, имъ сопутствующія, состояніе безсвязное, неопредѣленное и состояніе конкретное, опредѣленное. Принимаемъ также, что движеніе, силы, теплота, въ сущности одно и тоже, и что песчинка, какъ и звѣзды, одарена способностью непрестаннаго движенія; мы принимаемъ эти гипотезы, какъ бы ни были онѣ невѣроятны. Лишь бы остался Гербертъ Спенсеръ до конца вѣренъ самому себѣ, лишь бы его гипотезы не измѣнялись болѣе, чѣмъ характеры въ сказкахъ, и слѣдствія развивались правильно изъ приключеній, лишь бы ученіе его въ цѣломъ, какъ и лучшія дѣтскія сказки, имѣло по крайней мѣрѣ, видъ дѣйствительности; тогда, мы готовы, подобно наивнымъ дѣтямъ, повѣрить ему.

«Всѣ существа, начинаетъ нашъ разсказчикъ, должны были такъ или иначе, въ тотъ или другой моментъ, принять свои конкретныя формы посредствомъ сосредоточенія.... Наша звѣздная система, своей общей формой, соединеніями звѣздъ, представляющими всѣ степени плотности, туманными

пятнами, представляющими всѣ степени сгущенія, даетъ намъ основаніе думать, что сосредоточеніе происходитъ вездѣ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.... [1]) Допускать очень вѣроятное мнѣніе, что солнечная система произошла изъ туманной матеріи, значитъ полагать, что она образовалась посредствомъ интеграціи матеріи, сопровождаемой уменьшеніемъ движенія. Переходъ солнечной системы изъ состоянія безсвязной и разсѣянной въ обширномъ пространствѣ матеріи въ состояніе твердое и связное представляетъ намъ ясный и простой примѣръ перваго вида развитія [2]). Исторія земли, какъ ее открываетъ намъ строеніе твердой коры, приводитъ насъ къ тому же расплавленному состоянію, къ которому приводитъ и гипотеза туманныхъ пятенъ; такъ называемыя вулканическія перемѣны суть слѣдствія прогрессивнаго отвердѣнія земнаго вещества.... Рядомъ съ общей интеграціей шли частныя и второстепенныя интеграціи... образовались небольшія острова и скопленія воды... и когда кора земнаго шара пріобрѣла достаточную толщину, образовались материки, отдѣленные океанами... Осѣданіе тонкой земной коры вокругъ своего содержимаго, вслѣдствіе охлажденія и сжиманія, производитъ небольшія возвышенія, а когда кора пріобрѣла толщину и объемъ относительно бо̀льшія, образовались обширныя цѣпи горъ [3])».

Доселѣ сказка кажется намъ складной. Серьезные умы возразятъ, конечно, что звѣздная система можетъ представлять всѣ степени сосредоточенія звѣздъ только при томъ условіи, что всѣ онѣ расположены по одному и тому же плану; что гипотеза Лапласа относительно образованія нашей солнечной системы первоначально изъ туманной матеріи ничѣмъ не доказана; что геологи объясняютъ отвердѣніе земной поверхности свойствами тѣлъ, составляющихъ ее, что тѣла, со времени своего происхожденія, остаются всегда соединенными по неизмѣннымъ законамъ и понятіе о послѣднихъ можетъ только затемняться ученіемъ объ интегра-

---

[1]) Premiers principes p. 328—329.
[2]) Ibid. p. 329.
[3]) Ibid. p. 330—331.

ціи и дезинтеграціи. Вы не замѣчаете, скажутъ они еще, что все это не болѣе, какъ мечта алхимика. Алхимики 13-го вѣка пытались превратить тѣла менѣе плотныя въ тѣло болѣе плотное — золото, разлагая ихъ посредствомъ теплоты; а васъ хотятъ увѣрить, что не только всѣ тѣла, но и вся вселенная образовалась путемъ превращеній, зависѣвшихъ отъ увеличенія или уменьшенія теплоты. Невѣжественные умы, въ средніе вѣка, могли вѣрить подобнымъ сказкамъ и приписывать алхимикамъ волшебную силу; но въ наше время даже дѣти не станутъ вѣрить имъ!—Нужды нѣтъ; мы желаемъ доставить себѣ удовольствіе сказкой Герберта Спенсера и принимаемъ его гипотезы. Послѣдуемъ же за нимъ въ изложеніи дальнѣйшей ступени развитія (эволюціи), на которой неорганическое становится органическимъ.

«Каждое растеніе увеличивается въ объемѣ, сосредоточивая въ себѣ элементы, прежде разсѣянные на большемъ пространствѣ... Клѣтки яичника становятся яйцами, возрастая на счетъ смежныхъ матеріальныхъ элементовъ... Въ зародышѣ млекопитающихъ, сердце, представляющее сначала только продолговатый, пульспрующій кровяной сосудъ, свертывается мало по малу само собою и интегрируется... Клѣтки, составляющія зачатокъ печени, не только отдѣляются отъ кишечной стѣнки.... но и удаляются отъ нея и развиваются въ форму органа... Верхніе сегменты оси позвоночнаго хребта... мало по малу соединяются, голова образуется и интегрируется почти такимъ же образомъ, какъ интегрируется развернутый платокъ съ своимъ содержимымъ, когда углы платка стянемъ и свяжемъ въ узелъ [1])».

Этого мы уже не понимаемъ! Интеграція, сосредоточеніе, стягиванье—выраженія болѣе или менѣе однозначащія—оказываются вдругъ причиною роста; наше же мнѣніе совершенно иное. Элементы, питающіе органическое существо, находятся въ безсвязномъ состояніи, а животное—въ концентрированномъ состояніи; трава, которую ѣстъ стадо на лугу, находится въ безсвязномъ состояніи, а самое стадо—въ состояніи связномъ. Элементы, содѣйствующіе образованію

[1]) Premiers principes v. 1. p. 332—333.

зародыша, находятся въ безсвязномъ состояніи въ яичникѣ, который, однако, самъ по себѣ гораздо менѣе находится въ безсвязномъ состояніи, чѣмъ зародышъ. Печень, обособляющаяся отъ кишекъ, совершаетъ тоже самое развитіе, какъ и мозгъ, содержащійся въ позвоночномъ столбѣ,—оба интегрируются, сосредоточиваются стягиваются и растутъ, подобно платку, со стянутыми концами, который, въ дѣйствительности, не интегрируется, не концентрируется и не растетъ никакимъ образомъ, а остается безусловно однимъ и тѣмъ же. Сказка, гдѣ красная шапочка (прозваніе дѣвочки въ сказкѣ Гофмана) мгновенно превращается въ свою бабушку, волкъ въ собаку, событія слѣдуютъ одно за другимъ безъ всякой связи, дѣйствующія лица смѣняютъ другъ друга безъ всякаго повода,—такая сказка представляетъ собою подобіе разсказовъ самыхъ маленькихъ дѣтей, дѣлающихъ первыя попытки привести въ порядокъ свои неясныя представленія и воспоминанія. Ужели Гербертъ Спенсеръ разсчитывалъ заставить насъ повѣрить серьезно подобной сказкѣ?

Далѣе онъ говоритъ: «первичное распредѣленіе сопровождается распредѣленіемъ втораго ряда, т. е. совмѣстно съ переходомъ отъ безсвязнаго къ связному, совершается другое измѣненіе, однороднаго въ разнородное... Замѣчаемыя на всемъ пространствѣ солнечной системы разности, указывающія на дѣйствіе объединяющей силы, ведутъ къ предположенію, что различіе строенія устанавливается также съ постепенностью. Вещество, составляющее солнечную систему, болѣе и болѣе разнообразилось по мѣрѣ сосредоточенія. Газообразный сфероидъ, стремясь къ сосредоточенію, въ тоже время, подвергался болѣе и болѣе многочисленнымъ дифференціаціямъ [1]). Первоначально онъ состоялъ изъ однородной во всѣхъ частяхъ туманной матеріи... Разнородность обна-

[1]) Терминъ дифференціація употребляется Гербертомъ Спенсеромъ то въ смыслѣ простаго разложенія, или раздѣленія чего либо однороднаго на разнородныя части, то въ смыслѣ обособленія, разчлененія. Вообще этимъ терминомъ Г. Спенсеръ пользуется для обозначенія всѣхъ возможныхъ переходовъ отъ однороднаго къ разнородному, и отъ менѣе разнороднаго къ болѣе разнородному. Прим. переводч.

ружилась весьма значительными различіями. Есть огромное различіе между солнцемъ и планетами въ объемѣ и вѣсѣ; есть также второстепенныя различія между планетами и ихъ спутниками».

Только при условіи, что мы будемъ разсматривать эти различія самымъ поверхностнымъ образомъ, Гербертъ Спенсеръ могъ бы продолжить свою басню. Но коль скоро мы хотя немного вдумаемся въ эту сказку, то увидимъ, что она совершенно противорѣчитъ дѣйствительности.

Первоначальное состояніе солнечной системы, какъ и всѣхъ звѣздныхъ системъ, было, кажется, не однородно, а весьма разнородно. Всѣ части и частицы матеріи находились въ первобытномъ туманѣ, безусловно независимыми одна отъ другой, въ невыразимомъ безпорядкѣ, въ невообразимомъ смѣшеніи. Но съ постепеннымъ соединеніемъ этихъ частей и частицъ, по законамъ сродства, онѣ обособлялись, образовали въ неизмѣримыхъ пространствахъ однородныя системы, подобныя нашей солнечной системѣ; между тѣмъ какъ другія массы остались, подобно туманнымъ, въ состояніи разнородномъ. Въ солнечной системѣ продолжалось тоже явленіе, сообразно отношеніямъ положенія и сродства: образовались отдѣльныя кольца, сосредоточеніе стало возрастать, установилась удивительная правильность, болѣе и болѣе совершенная однородность, какъ въ цѣлой системѣ, такъ и въ каждой части ея, въ планетѣ и ея спутникахъ.

«Земля, продолжаетъ Гербертъ Спенсеръ, представляла нѣкогда массу расплавленнаго вещества... Она была первоначально, по своему составу, относительно однородна и должна была имѣть также однородную температуру вслѣдствіе теченій, какія устанавливаются въ разгоряченныхъ жидкостяхъ... Охлажденіе произвело со временемъ дифференціацію между массой и частію наиболѣе способною терять теплоту. Вода и отдѣленіе этой жидкости отъ воздуха произвели второе замѣтное дифференцированіе... Къ примѣрамъ возрастающей разнородности геологія прибавляетъ длинный рядъ другихъ, установленныхъ индуктивнымъ путемъ. Строеніе земли завершалось съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, по мѣрѣ умноженія слоевъ, образующихъ ея кору,—она ста-

повилась также болѣе и болѣе сложной, вслѣдствіе осложненія ея наслоеній [1])».

Опять мы должны, къ сожалѣнію, замѣтить, что только въ томъ случаѣ, если будемъ разсматривать образованіе земли подѣтски, оно можетъ представиться намъ въ видѣ перехода отъ однороднаго къ разнородному; вдумавшись же въ дѣло сколько нибудь серьезно, придемъ къ мнѣнію безусловно противоположному. Земля, по выходѣ изъ туманнаго состоянія, представляла расплавленную массу, каждая частичка которой вращалась въ безпорядкѣ и полной независимости отъ другихъ, но въ безпорядкѣ, меньшемъ уже, чѣмъ это было въ туманномъ состояніи. Части, имѣвшія наиболѣе сродства между собою, граниты, базальты, соединялись въ болѣе однородныя массы и отдѣлялись отъ другихъ разнородныхъ; пары мало по малу сгущались, вода отдѣлилась отъ атмосферы и воздухъ сдѣлался столь чистымъ и однороднымъ, что въ составѣ его остались только нѣсколько простыхъ тѣлъ. Въ тоже время образовались, по строго правильнымъ законамъ, путемъ перехода отъ разнороднаго къ однородному, всѣ земные слои, послѣдовательныя повышенія и пониженія почвы, материки и моря. «Немногія страны представляютъ столько разнообразія въ геологическомъ ихъ строеніи, какъ Франція, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ географовъ, и однако ни въ какой другой странѣ нельзя найти большей гармоніи въ расположеніи различныхъ почвенныхъ элементовъ [2])».

«Самые многочисленные и самые разнообразные примѣры, продолжаетъ Гербертъ Спенсеръ, возрастающаго разнообразія, идущаго рядомъ съ увеличеніемъ интеграціи, представляютъ живыя органическія тѣла.... Исторія каждаго растенія и каждаго животнаго показываетъ намъ, что по мѣрѣ увеличенія ихъ объема, является въ тоже время болѣе различій и между частями ихъ. Сѣмя растенія почти однородно по химическому составу съ сѣменемъ животнаго; но мало по малу однородность исчезаетъ. Различныя соедине-

---

[1]) Premiers principes v. 1. p. 353.
[2]) Geographie militaire (France) p. 3.

нія, азотистыя или неазотистыя, составляющія сначала однородную смѣсь, постепенно разъединяются, скопляются въ опредѣленныхъ пунктахъ въ различныхъ пропорціяхъ и производятъ, посредствомъ превращенія или видоизмѣненія, новыя соединенія.... Въ тоже время образуются особенности совершеннѣйшей структуры. Различныя ткани заступаютъ мѣсто вещества, не представлявшаго прежде никакого различія въ частяхъ, и каждая первичная ткань подвергается вторичнымъ видоизмѣненіямъ втораго порядка, вслѣдствіе чего образуются подвиды тканей» [1]).

Это опять противорѣчитъ тому, что мы признаемъ болѣе вѣроятнымъ.

Между органическими тѣлами, одинаковыми по своему первоначальному химическому составу, яйцо представляется наиболѣе разнороднымъ. Оно слагается изъ двухъ частей, желтка и бѣлка, принадлежавшихъ двумъ совершенно различнымъ существамъ. Обѣ части соединяются и уподобляютъ себѣ новые разнородные элементы; организмъ развивается и, по мѣрѣ своего развитія, становится болѣе и болѣе однороднымъ. Первые признаки органовъ обрисовываются въ неоплазмахъ (новообразованіяхъ), которыя ихъ не имѣли; они умножаются и органы становятся болѣе и болѣе правильными и однородными по своимъ отправленіямъ и своему виду. Одновременно съ этимъ устанавливается бо̀льшая зависимость между каждымъ органомъ и цѣлымъ живымъ организмомъ; наконецъ, чѣмъ выше мѣсто, занимаемое организмомъ въ ряду органическихъ существъ, тѣмъ бо̀льше эта зависимость и тѣмъ глубже однородность. Въ существахъ низшихъ, представляющихъ наиболѣе разнородности, каждая часть одарена своею собственною жизнью.

«Если мы обратимся, продолжаетъ Гербертъ Спенсеръ, отъ различныхъ живыхъ существъ къ жизни вообще, и спросимъ, представляютъ ли новѣйшія животныя и растенія болѣе разнородности, чѣмъ флора и фауна прежнихъ временъ, то найдемъ только отрывочныя свидѣтельства, такъ что всякое заключеніе становится спорнымъ» [2]). Въ самомъ

[1]) Premiers principes p. 356—357.
[2]) Ibid. v. 1 p. 360.

дѣлѣ, флора и фауна прошедшихъ эпохъ существованія земнаго шара представляютъ безконечно болѣе причудливаго и разнороднаго, чѣмъ флора и фауна настоящаго времени; ископаемые остатки свидѣтельствуютъ намъ объ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, насколько сказка Герберта Спенсера далека отъ дѣйствительности.

Но у Герберта Спенсера своя idée fixe и потому онъ продолжаетъ: «Самые многочисленные примѣры, подтверждающіе общій законъ перехода отъ однороднаго къ разнородному, мы находимъ какъ въ прогрессѣ цивилизаціи вообще, такъ и въ прогрессѣ каждаго племени или народа.... Дикія племена показываютъ намъ, что общество въ своей низшей и первоначальной формѣ, представляетъ однородное собраніе личностей, имѣющихъ одинаковыя способности и одинаковую дѣятельность; единственное замѣтное различіе въ дѣятельности обусловливается различіемъ половъ» [1]). «Авторитетъ сильнѣйшаго даетъ себя чувствовать въ обществѣ дикарей, какъ и въ стадѣ животныхъ, или въ толпѣ школьниковъ. Съ постепеннымъ развитіемъ племени, различіе между управляющими и управляемыми становится болѣе рѣзкимъ. Въ тоже время образуется другой видъ управленія... управленіе религіозное.... Общество, первоначально однородное по составу, раздѣляется на управляющихъ и управляемыхъ; первые, въ свою очередь, подраздѣляются на духовныхъ и свѣтскихъ.... Такимъ именно путемъ, въ теченіе вѣковъ, развилась, въ Англіи напримѣръ, весьма сложная политическая организація, состоящая изъ монарха, министровъ, палатъ лордовъ и общинъ съ подчиненными административными департаментами, судами, государственными казначействами и пр., а въ провинціяхъ—общинныя управленія, управленія графствъ, приходовъ, или союзовъ болѣе или менѣе сложныхъ» [2]).

Когда мы смотримъ издали, высаживаясь на американскій берегъ, на племя дикарей, они кажутся намъ совершенно похожими другъ на друга; таже прическа, тотъ же

---

[1]) Premiers principes v. 1. p. 365.
[2]) Ibid. v. 1. p. 366—368.

цвѣтъ кожи; мы едва различаемъ мужчинъ отъ женщинъ. Но когда ближе ознакомимся съ этимъ племенемъ, окажется, что оно въ высшей степени разнородно по своему составу; каждый здѣсь дѣйствуетъ по своему капризу, прихотямъ и фантазіямъ; никто не признаетъ превосходства другаго, ничтожный споръ разрушаетъ начинающійся общественный союзъ. Но когда толпа дикарей подвластна начальнику, которому повинуется и въ мирное время и на войнѣ, она представляется намъ уже болѣе однородною; однородность становится еще болѣе замѣтною, когда вѣрованія и общій религіозный культъ еще крѣпче связываютъ членовъ этой толпы единствомъ мыслей и надеждъ. Если же Англія, напримѣръ, кажется намъ, по своему политическому и общественному устройству, самою разнородною страною въ мірѣ, это опять происходитъ оттого, что мы обращаемъ вниманіе лишь на наружность и притомъ весьма поверхностно. Болѣе глубокое изслѣдованіе показываетъ намъ, что ея политическое устройство таково, что каждый гражданинъ содѣйствуетъ благосостоянію государства, что король, какъ и самый низшій подданный, подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ, однимъ и тѣмъ же учрежденіямъ. Однородность простирается на каждую общину, на каждый приходъ, на каждое графство, и такъ далѣе до самыхъ маленькихъ ассоціацій. Всюду граждане одушевлены однимъ и тѣмъ же чувствомъ величія своего общаго отечества и однимъ и тѣмъ же сознаніемъ своей обязанности—жертвовать всѣмъ для него. Словомъ, только становясь болѣе и болѣе однородными, государства образуются, развиваются и держатся.

Гербертъ Спенсеръ оканчиваетъ эту часть своей сказки, указаніемъ на развитіе искусствъ и языка, какъ на послѣднее доказательство всеобщности перехода отъ однороднаго къ разнородному. Но противоположные тому факты настолько очевидны, что мы не станемъ даже дѣлать выписокъ въ подтвержденіе этого. Пока у людей каждый звукъ означалъ ту или другую вещь, языки были, несомнѣнно, болѣе разнородны, чѣмъ тогда, когда люди стали группировать звуки, соотвѣтственно общимъ и отвлеченнымъ понятіямъ; формы языка были несравненно сложнѣе въ языкахъ первобытныхъ,

чѣмъ въ языкахъ производныхъ; достаточно сравнить языки санскритскій, нѣмецкій или русскій, греческій, даже латинскій, съ французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ или испанскимъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Тоже замѣчается и въ искусствахъ; рисунки дикарей, представляющіе головы въ профилѣ съ глазами съ боку, прямыя туловища на кривыхъ ногахъ, конечно, болѣе разнородны, чѣмъ греческія статуи, или новѣйшія картины, въ которыхъ каждая линія гармонируетъ съ цѣлымъ, каждый образъ соотвѣтствуетъ всѣмъ остальнымъ. Исторія человѣческой мысли получила самое высшее выраженіе свое въ наукахъ; онѣ образуются и развиваются только посредствомъ открытія принциповъ и законовъ, объединяющихъ и соглашающихъ отдѣльныя и разнородныя знанія. Но Гербертъ Спенсеръ не дѣлаетъ ссылки на науки: онъ не касается ихъ.

Вообще, второй отдѣлъ басни можетъ показаться правдоподобнымъ только въ томъ случаѣ, если мы не пойдемъ дальше нашихъ самыхъ поверхностныхъ впечатлѣній и вѣрованій нашихъ, ничѣмъ недоказанныхъ. Но коль скоро нѣсколько глубже вникнемъ въ дѣло, то придемъ къ совершенно противоположному заключенію. Когда же разсказъ доходитъ до такого рода вымысла, что для сохраненія въ немъ хотя малаго подобія вѣроятности, необходимо понимать его въ обратномъ смыслѣ, тогда нескладица переходитъ въ нелѣпость. Перро, разсказывающій, что старуха съѣла волка и была въ свою очередь съѣдена красной шапочкой, показался бы невѣроятнымъ даже самымъ маленькимъ дѣтямъ.

Мы не будемъ слѣдить далѣе за Гербертомъ Спенсеромъ. Неопредѣленное и опредѣленное [1]) замѣняютъ далѣе однородное и разнородное; разнородное становится неустойчивымъ [2]), превращается въ однородное [3]), отъ чего происходитъ равновѣсіе, т. е. смерть [4]); послѣдняя есть разложеніе, дезинтеграція, превращеніе тѣлъ въ свои составные элементы, а земли въ туманную матерію, въ которой, за-

[1]) Premiers principes v. 1. p. 386.
[2]) Ibid. v. 1. p. 427.
[3]) Ibid. v. 1. p. 518.
[4]) Ibid. v. 1. p. 535.

тѣмъ, снова начинается развитіе. Вотъ это значитъ вести исторію отъ ненаблюдаемаго къ ненаблюдаемому.

Теорія эволюціи не имѣетъ даже достоинствъ хорошей сказки. Данныя измѣняются въ ней безъ всякаго повода, эпизоды слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ связи, основанія за нее менѣе вѣроятны, чѣмъ противъ нея. Отъ начала до конца она носитъ характеръ сновидѣнія, мечты. Эта необъятная, гигантская мечта, цѣлью которой ставится примиреніе всѣхъ нашихъ вѣрованій, подавляетъ своею необъятностью чувство реальности, и не заключаетъ въ себѣ не только достоинствъ сказки извѣстной подъ названіемъ «Тысяча и одна ночь», но даже и прелестей «Сна въ лѣтнюю ночь». Безъименные, неясные образы появляются въ ней среди непроглядной тьмы, получаютъ очертанія, растутъ, выступаютъ впередъ, для того только, чтобы затѣмъ отступить назадъ, сгладиться, погрузиться въ ночной мракъ, потомъ снова явиться въ другихъ формахъ и снова изчезнуть точно такимъ же образомъ. Сновидѣнія эти называются кошмарами. Нашлись люди, повѣрившіе сказкѣ Герберта Спенсера, подобно тому, какъ нынѣ есть люди, вѣрящіе всякимъ сказкамъ и вымысламъ, или какъ въ старину вѣрили въ алхимію и астрологію.

XI.

Принципы біологіи и психологіи.

Антиноміи привели Герберта Спенсера къ гипотезамъ, гипотезы смѣшались у него съ вѣрованіями, вѣрованія и гипотезы стали въ противорѣчіе одни другимъ, а методъ достиженія истины превратился въ мечту. Упорная мечта, принимающая, теряющая и снова принимающая однѣ и тѣже формы, будетъ преслѣдовать Герберта Спенсера и въ другихъ его трудахъ.

Въ предисловіи къ «Принципамъ біологіи», слѣдующимъ за «Принципами психологіи», онъ говоритъ: «я очень благодаренъ профессору Гекслн и доктору Гукеру за оказанное ими содѣйствіе мнѣ. Они снабдили меня свѣдѣніями, мнѣ недостававшими, просматривали первые оттиски моей книги и отмѣчали мои мелкія погрѣшности. Но любезное содѣйствіе, которое имъ угодно было оказать мнѣ, не налагаетъ на нихъ отвѣтственности за доктрины, излагаемыя въ моемъ трудѣ, и еще не составляющія общепризнанныхъ истинъ біологіи». Итакъ, мы предупреждены; Гербертъ Спенсеръ не желаетъ вводить насъ въ обманъ. Онъ намѣренъ установить «принципы біологіи, еще не сдѣлавшіеся общепризнанными истинами біологіи».

Какіе же это принципы? Онъ не знаетъ дѣйствительныхъ причинъ обращенія соковъ въ органическихъ существахъ: «хотя движеніе сока въ деревѣ, говоритъ онъ, вѣроятно, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ дѣйствія всачиванія, происходящаго въ корняхъ [1])»... Онъ не знаетъ, что такое нервная сила. «Нельзя предсказать, говоритъ онъ, узнаемъ ли мы когда-нибудь что-либо иное объ этой нервной силѣ, кромѣ того, что она есть нѣкоторый видъ моле-

[1]) Principes de biologie v. 1. p. 31.

кулярнаго волненія, распространяющагося отъ одного конца нерва до другаго [1])». Онъ не знаетъ какъ совершается мускульное движеніе: «мы не можемъ также сказать, говоритъ онъ, какимъ образомъ неощутимое движеніе, перенесенное нервомъ, производитъ въ мускулѣ движеніе ощутимое [2])». И однакоже, совершенно не зная, въ чемъ состоитъ обращеніе соковъ, нервная дѣятельность и мускульное движеніе, онъ берется установить основные принципы біологіи, для которой обращеніе соковъ, нервная дѣятельность и движеніе и служатъ именно нервными принципами.

Опредѣленіе жизни у Герберта Спенсера соотвѣтствуетъ этому началу. «Жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, совершающихся заразъ и одновременно, и преемственно одно за другимъ [3])». Но какимъ образомъ можетъ произойти сочетаніе разнородныхъ измѣненій, намъ совершенно непонятно. Намъ кажется, что измѣненія бываютъ разнородными только потому, что не могутъ комбинироваться; но чтобы разнородныя перемѣны могли быть вмѣстѣ и одновременными и послѣдовательными, это выходитъ изъ предѣловъ дозволеннаго даже въ софистикѣ. Одно и тоже измѣненіе не можетъ быть заразъ одновременнымъ и послѣдовательнымъ по отношенію къ другому, а если два разнородныхъ измѣненія могутъ быть то одновременными, то послѣдовательными, это значитъ, что между ними нѣтъ отношенія и они не могутъ привести къ какому бы то ни было сочетанію, ни даже къ образованію кристалла. Установивъ это опредѣленіе жизни, Гербертъ Спенсеръ прибавляетъ къ нему, чрезъ двѣ страницы, ту, по его мнѣнію чрезвычайно важную черту, «что опредѣленное сочетаніе измѣненій разнородныхъ,—вмѣстѣ одновременныхъ и послѣдовательныхъ, находится въ соотвѣтствіи съ внѣшними сосуществованіями и послѣдовательностями [4])». На самомъ же дѣлѣ эта черта такого общаго характера, что никто и никогда не возьметъ на себя труда придавать ей особенное

[1]) Principes de biologie v. 1. p. 61.
[2]) Ibid. v. 1. p. 66.
[3]) Ibid. p. 85.
[4]) Ibid. p. 88 и 89.

значеніе при опредѣленіи чего бы то ни было, потому что всѣ вещи безъ исключенія зависятъ отъ внѣшнихъ сосуществованій и послѣдовательностей, напримѣръ, земля, солнце, и даже отдаленный Сиріусъ. Но Гербертъ Спенсеръ имѣетъ свои причины приписывать особливую важность этой чертѣ въ опредѣленіи жизни. Соотвѣтствіе сосуществованій и послѣдовательностей чрезвычайно важно, «чтобы представить самое простое и самое убѣдительное доказательство взаимнаго соотношенія между степенями жизни и степенями соотвѣтствія, стоитъ только показать, что совершенное соотвѣтствіе было бы совершенною жизнію: если бы въ окружающей средѣ не было иныхъ перемѣнъ, помимо тѣхъ, которымъ организмъ можетъ противополагать приспособленныя измѣненія, и если бы не случалось ему иногда противополагать первымъ измѣненія недостаточно приспособленныя, вѣчное существованіе и универсальное знаніе получили бы полное свое осуществленіе [1])». Выше Гербертъ Спенсеръ показалъ намъ превращеніе субстанцій и непрерывное движеніе; здѣсь онъ представляетъ намъ новый образецъ философскаго камня. Найдите такую среду, гдѣ измѣненія, которыми мы будемъ отвѣчать на ея вліянія, всегда приспособлены къ ней, и наша юность будетъ вѣчною, наше знаніе безусловнымъ! Еслибы Гербертъ Спенсеръ, нѣсколько глубже вникнулъ въ біологію, онъ увидѣлъ бы, что тѣже самыя явленія, которыя способствуютъ возрастанію живыхъ существъ, останавливаютъ ихъ ростъ и причиняютъ смерть.

Въ «Принципахъ психологіи» заблужденія Герберта Спенсера объединяются и, по мѣрѣ ихъ объединенія, мечты получаютъ большую опредѣленность и превращаются въ софизмы. «Повидимому, говоритъ онъ, фактъ воспріятія возбужденій или раздраженій не можетъ быть объясненъ ни изъ свободы движеній, ни соподчиненіемъ ихъ. Но когда мы сведемъ факты къ ихъ окончательнымъ терминамъ, къ терминамъ, извѣстной одной *чистой* физіологіи, затрудненіе исчезнетъ [2])». Но намъ кажется, что эта чистая физіологія

---

[1]) Principes de biologie p. 107.
[2]) Principes de psychologie v. 1. p. 47.

есть не менѣе чистый продуктъ воображенія Герберта Спенсера, нисколько не устраняющій затрудненіе, а наоборотъ, увеличивающій ихъ.

«Всѣ нервные стимулы, продолжаетъ Спенсеръ, суть движенія массъ, или молекулъ, и функція, соподчиняющая движеніе, состоитъ не только въ сочетаніи и распредѣленіи движеній, произведенныхъ этими стимулами, но и въ сочетаніи движеній полученныхъ ими, и въ соглашеніи тѣхъ и другихъ движеній, приведеніи ихъ въ гармонію [1]).» «Отношенія между нервными и умственными состояніями составляютъ совсѣмъ особый предметъ, о которомъ мы будемъ разсуждать въ скоромъ времени. Здѣсь же мы разсматриваемъ нервную дѣятельность только съ физіологической точки зрѣнія, и должны пока игнорировать психологическую сторону. Поэтому, будемъ выражать эту дѣятельность только въ терминахъ движенія [2])». «Но, если сравнить движенія первожи-вотныхъ (Protozoa) или животнорастеній (Zoophytes) съ движеніями птицъ, которыя могутъ сопровождать поѣздъ желѣзной дороги, или млекопитающихъ, пробѣгающихъ цѣлую милю въ минуту; то способность передвиженія у первыхъ покажется едва замѣтною. Если предположимъ массы ихъ равными, то количество движенія, развиваемое въ послѣднемъ случаѣ, будетъ почти въ милліонъ разъ болѣе, чѣмъ въ первомъ [3])». Притомъ, нѣкоторыя насѣкомыя, стоящія гораздо ниже птицъ и млекопитающихъ, совершаютъ, при равныхъ съ ними массахъ—безконечно болѣе удивительныя движенія, чѣмъ птицы и млекопитающія. Такимъ образомъ, продолжаетъ Гербертъ Спенсеръ, «болѣе строгое изслѣдованіе фактовъ открываетъ намъ недостаточность предъидущаго обобщенія. Какъ ни глубока связь между нервнымъ развитіемъ и двигательною дѣятельностію, дальнѣйшія сравненія показываютъ, что связь между ними почти не существенна [4])». «Движенія низшихъ животныхъ разнятся не только по ихъ относительной слабости, но и по ихъ относительной *разно-*

[1]) Principes de psychologie v. 1. p. 47.
[2]) Ibid. v. 1. p. 48.
[3]) Ibid. p. 1.
[4]) Ibid. v. 1. p. 6.

родности [1])». Мы могли бы воздержаться отъ обращенія къ этому несчастному термину, но въ настоящемъ случаѣ онъ получаетъ подходящій смыслъ и означаетъ сложность. «Существуетъ отношеніе между количествомъ нервнаго вещества и сложностью движенія. Отсюда мы приходимъ къ заключенію, что у человѣка нервная система достигаетъ сравнительно наибольшаго развитія, и намъ становится понятнымъ, почему она развита у него больше, чѣмъ у лошади [2])». Въ третьихъ, «при большей быстротѣ молекулярнаго обмѣна, какъ, напримѣръ, у птицъ, и сравнительно малая нервная система способна производить такое количество движенія, для котораго въ противномъ случаѣ (если бы молекулярный обмѣнъ совершался медленнѣе) потребовалась бы большая нервная система». Наконецъ, «послѣдній фактъ, заслуживающій вниманія, тотъ, что при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, сила нервной системы измѣняется не вполнѣ пропорціонально ея массѣ... Но и при допущеніи всѣхъ этихъ причинъ видоизмѣненій, основное положеніе остается въ сущности неизмѣннымъ, а именно: всюду, гдѣ производится много движенія, существуетъ сравнительно большая нервная система». На этомъ основаніи и при существованіи всѣхъ другихъ равныхъ условій, какъ любитъ выражаться Гербертъ Спенсеръ, ласточка должна бы имѣть нервную систему относительно наибольшую и быть совершеннѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Она пьетъ, ѣстъ, строитъ гнѣздо, кормитъ своихъ птенцовъ, летая; стаей преслѣдуетъ ястреба въ высяхъ воздуха, насѣкомое—на поверхности водъ, улетаетъ при смѣнѣ временъ года за сотни миль и снова возвращается, вѣрная мѣсту своего рожденія. У нея есть свои привязанности, ненависть, страсти, хитрости, она прилетаетъ на совѣтъ съ своими товарищами, совершая при этомъ самыя причудливыя, красивыя и быстрыя движенія. Но нервная система у нея немного больше нервной системы чижа, или воробья. У овцы мозгъ сравнительно такого же вѣса и объема, какъ у собаки, однакоже собака далеко превосхо-

[1]) Principes de psychologie p. 8.
[2]) Ibid. p. 11.

дитъ овцу быстротой и сложностію движеній; не говоримъ уже о муравьяхъ, пчелахъ и многихъ другихъ насѣкомыхъ, которыя поражаютъ насъ быстротой движеній, и не смотря на то, по развитію нервной системы, стоятъ гораздо ниже многихъ птицъ и млекопитающихъ. Но всѣ эти факты не существуютъ для Герберта Спенсера. Онъ выбираетъ только тѣ, которые подтверждаютъ его мнѣніе, переходитъ отъ первоживотныхъ къ млекопитающимъ отъ нитчатки (одинъ изъ видовъ инфузорій) къ пауку, отъ гусеницы къ бабочкѣ, которая есть тоже самое животное, смотря потому, о чемъ онъ говоритъ, или что доказываетъ. Въ соціологіи онъ вспомнитъ объ умѣ пчелъ и бѣлыхъ муравьевъ; здѣсь же забываетъ о немъ. Онъ не упоминаетъ о чисто механическихъ движеніяхъ, оставляетъ безъ оцѣнки различіе органовъ, не придаетъ никакого значенія различію питанія, и, возводя нѣсколько единичныхъ фактовъ на степень общаго закона, преувеличиваетъ уже не значеніе словъ, а значеніе фактовъ, преувеличиваетъ свойственную имъ очевидность и всякій разъ, какъ приводитъ тотъ или другой примѣръ, впадаетъ въ софизмъ и притомъ преднамѣренно. «Съ особымъ намѣреніемъ, говоритъ онъ, я началъ представлять факты такимъ необычнымъ и для нѣкоторыхъ, быть можетъ, даже нѣсколько страннымъ образомъ. У меня были къ этому различныя побужденія. Первое изъ нихъ то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ психологическими явленіями прежде всего какъ съ явленіями развитія [1])».

Перейдемъ и мы отъ чистой физіологіи къ этому развитію (evolution). Прежде всего, мы встрѣчаемся съ рефлективными движеніями. «Въ своей простѣйшей и самой общей формѣ рефлективное дѣйствіе есть слѣдованіе простаго сокращенія за простымъ раздраженіемъ.... Это самое низшее проявленіе психической жизни, въ которомъ видимъ начало различія между жизнію психическою и физическою» [2]). Допустимъ, что такъ; но слова сами по себѣ ничего не доказываютъ.... Выше рефлективнаго дѣйствія стоитъ ин-

[1]) Principes de psychologie v. 1. p. II.
[2]) Ibid. v. 1. p. 455.

стинктъ. «Инстинктъ, очевидно, отстоитъ гораздо дальше отъ чисто физической жизни, чѣмъ простое рефлективное дѣйствіе. Между тѣмъ какъ простое рефлективное дѣйствіе одинаково свойственно и внутреннимъ отправленіямъ организма, и внѣшнимъ отправленіямъ животной жизни, объ инстинктѣ, въ точномъ смыслѣ слова, этого нельзя сказать. Почки, легкія, печень не имѣютъ никакихъ инстинктовъ; инстинктъ обнаруживается лишь въ дѣйствіяхъ нервно-мускульнаго аппарата, служащаго спеціальнымъ дѣятелемъ психической жизни [1]). Случалось видѣть, говоритъ Карпентеръ, что мухоловъ, только что вышедшій изъ яйца, схватывалъ клювомъ насѣкомое, т. е. выполнялъ дѣйствіе, требующее не только точной оцѣнки разстоянія, но и умѣнья вѣрно соразмѣрять мускульныя движенія съ разстояніями [2]). Вотъ это—инстинктъ: «сложное рефлективное дѣйствіе». Но еслибы мухоловъ, явившись на свѣтъ, встрѣтилъ какое нибудь сострадательное существо, которое положило бы ему въ ротъ насѣкомое и затѣмъ продолжало бы кормить его такимъ образомъ всю жизнь, чтобы мухоловъ не имѣлъ никогда повода производить «сложное рефлективное дѣйствіе»; сохранился ли бы у него въ такомъ случаѣ инстинктъ схватывать насѣкомыхъ на лету? Выше мы видѣли, какъ нѣсколько фактовъ, искусно подобранныхъ, возведены въ общій законъ; здѣсь же одинъ фактъ, притомъ дурно истолкованный, дѣлается общимъ опредѣленіемъ. Животное является на свѣтъ съ готовыми инстинктами; каковы бы ни были впечатлѣнія, ожидающія его здѣсь, опредѣлять его инстинктъ впечатлѣніями и рефлективнымъ дѣйствіемъ, простымъ или сложнымъ, слѣдующимъ за ними, значитъ принимать слѣдствіе за причину и совсѣмъ ничего не опредѣлить.»

Такимъ же хитроумнымъ способомъ Гербертъ Спенсеръ опредѣляетъ и разумъ. «Сложныя рефлективныя дѣйствія, говоритъ онъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго своего усложненія утрачиваютъ болѣе и болѣе свою опредѣленность и, слѣдовательно, сдѣлаются, подъ конецъ, сравнительно неопредѣлен-

---

[1]) Principes de psychologie v. 1. p. 464.
[2]) Ibid. v. 1. p. 462.

ными» [1]). Игра съиграна искусно; трудности какъ не бывало. «Бездны, полагаемой, обыкновенно, между разумомъ и инстинктомъ, не существуетъ», по мнѣнію Герберта Спенсера. «Указаніе на то, что существуетъ неизмѣримая разница, по степени сложности и отвлеченности, между разсужденіями аборигеновъ Британіи и Скандинавіи и разсужденіями Ньютоновъ и Бэконовъ, ихъ потомковъ, лишено научнаго характера. Что папуанцы Новой Гвинеи не извлекаютъ и не могутъ извлечь такихъ выводовъ, которые сколько-нибудь приближались бы по своей сложности къ выводамъ европейскихъ ученыхъ, это также фраза, сдѣлавшаяся общимъ мѣстомъ. Однакоже никто не станетъ утверждать, что существуетъ безусловное различіе между способностями нашими и нашихъ отдаленныхъ предковъ, или между способностями человѣка цивилизованнаго и дикаря.... Простая нумерація существовала прежде ариѳметики, ариѳметика прежде алгебры, алгебра прежде дифференціальнаго исчисленія, и болѣе спеціальныя формы дифференціальнаго исчисленія—прежде самыхъ общихъ его формъ. Прогрессъ человѣческій восходитъ отъ низшаго ряда обобщеній къ высшимъ лишь при помощи накопленія опытовъ; если этотъ прогрессъ такъ же великъ, какъ прогрессъ, восходящій отъ высшихъ формъ разума безсловесныхъ животныхъ до низшихъ формъ разума человѣческаго—чего не станетъ отрицать никто, кто сравнитъ обобщенія готтентота съ обобщеніями Лапласа,—то отсюда слѣдуетъ, что вопросъ о способности къ выводамъ есть вопросъ о степени; и пока не доказано, что разумъ образованнаго европейца существенно отличенъ отъ разума ребенка или дикаря, невозможно утверждать, оставаясь послѣдовательнымъ, что есть какое либо существенное различіе между разумомъ человѣка и умомъ животнаго» [2]). Со временъ Зенона элейскаго мы не встрѣчали еще подобнаго софизма. Софизмъ elenchi отвѣчаетъ не на тотъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь; въ эристическихъ доказательствахъ общее подставляется на мѣсто частнаго; въ

---

[1]) Principes de psychologie v. 1 p. 478.
[2]) Ibid. v. 1. p. 498—499.

*

антиноміяхъ смѣшиваются поперемѣнно абстрактное и конкретное; но Гербертъ Спенсеръ находитъ возможность превратить мечту въ доказательство, нуль въ число. Древніе бретонцы, саксы и скандинавы имѣли такихъ потомковъ, какъ Ньютонъ и Бэконъ, благодаря накопленію опытовъ; но пчелы строятъ свои соты и теперь такъ же, какъ это было 6000 лѣтъ тому назадъ; инстинкты животныхъ остаются вѣчно одними и тѣми же; нигдѣ животныя не накопляютъ опытовъ прежнихъ поколѣній. Тѣмъ не менѣе, отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію Герберта Спенсера, что нѣтъ никакого существеннаго различія между человѣкомъ и животнымъ,—что вся разница между ними въ степени; нуль, развиваясь, становится сотнею, тысячею, животное—папуанцемъ, а папуанецъ—Ньютономъ. Ничего лучше и желать нельзя; это новый образчикъ философскаго камня. Нашедши его для людей, Гербертъ Спенсеръ открываетъ его и для животныхъ. Слѣдуя тѣмъ же путемъ, мы возмемся открыть и доказать все, что кому захочется: что земля—не планета, а солнце; что солнце—не звѣзда, а ступникъ. Словомъ, что все-одно и тоже, и одно и тоже есть все, какъ говорили греческіе софисты.

Гербертъ Спенсеръ допускаетъ, однако, необходимыя истины во имя «всеобщаго постулята». «Если отрицаніе какого-либо познанія мыслимо, то, значитъ, мы можемъ принимать или не принимать это познаніе за истину. Если же отрицаніе познанія немыслимо, мы обязаны принимать его за истинное. И такое познаніе, обязательно принимаемое нами, мы признаемъ достовѣрнымъ въ высшей степени» [1]). «Это всеобщій постулятъ, единственное ручательство за достовѣрность тѣхъ основныхъ истинъ, отъ которыхъ зависятъ всѣ другія» [2]). «Однако, продолжаетъ онъ, мы считаемъ болѣе достовѣрнымъ, что 2 и 2 равны 4, чѣмъ то, что 7+6+9+8=30. Мы находимъ, что каждое новое предположеніе постулята влечетъ за собою нѣкоторый рискъ впасть въ ошибку; и въ самомъ дѣлѣ, при вычисленіяхъ сложныхъ, когда пред-

[1]) Principes de psychologie v. II. p. 425.

[2]) Ibid. v. II. p. 447.

положенія многочисленны, вѣроятность ошибочнаго предположенія, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, больше, чѣмъ вѣроятность обратная» [1]). «Тоже самое примѣнимо и къ разсужденіямъ... вѣроятность ошибки возрастаетъ пропорціонально продолжительности разсужденій» [2]). Это даетъ намъ, по мнѣнію Герберта Спенсера, «точный критерій, для опредѣленія относительной состоятельности дѣлаемыхъ о предметѣ заключеній. Не только непосредственное (intuitif) сужденіе, но и сужденіе, основанное на строгой логикѣ, показываетъ намъ, что «наиболѣе достовѣрнымъ должно быть то заключеніе, для котораго постулятъ подставляется меньшее число разъ» [3]). Но что сказать тогда о теоріи эволюціонизма и трудѣ Герберта Спенсера, гдѣ на каждой страницѣ вводится одинъ и тотъ же постулятъ: аксіома интеграціи и дезинтеграціи матеріи и движенія? Гербертъ Спенсеръ самъ далъ намъ сейчасъ самую точную мѣру для опредѣленія той степени заблужденія, до которой онъ дошелъ. Говоря о мечтѣ и кошмарѣ, мы много останавливались на этомъ. Къ тому же, приведенное разсужденіе Герберта Спенсера представляетъ софизмъ: самая сложная формула сферической тригонометріи, такъ же очевидна и необходима для математика, какъ и аксіома, что двѣ параллельныя линіи не могутъ встрѣтиться; но когда я утверждаю, что 2 и 3 составляютъ 9, я не разсуждалъ о томъ, что сказалъ, а отсутствіе разсужденія всегда бываетъ причиною ошибки, какъ въ самыхъ простыхъ, такъ и въ самыхъ сложныхъ заключеніяхъ. Гербертъ Спенсеръ смѣшиваетъ на этотъ разъ не пуль съ сотней, но число большее сотни съ числомъ меньшимъ сотни. Существуютъ необходимыя и очевидныя истины; но, по его мнѣнію, чѣмъ чаще онѣ допускаются въ нашихъ разсужденіяхъ, тѣмъ менѣе необходимы и очевидны. Онъ имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ не свою собственную доктрину, но апріорныя разсужденія идеалистовъ, которыя и заставили сенсуалиста сказать еще одну нелѣпость.

---

[1]) Principes de psychologie v. II. p. 450.
[2]) Ibid. v. II. p. 454.
[3]) Ibid. v. II. p. 454.

Мы останавливаемся на этихъ принципахъ психологіи, какъ останавливались на принципахъ біологіи, предоставляя читателю судить, къ чему они ведутъ Герберта Спенсера въ четырехъ частяхъ его сочиненія. Методъ остается неизмѣнно тотъ же: факты группируются, примѣнительно къ требованіямъ минуты, выраженія истолковываются, смотря по предмету разсужденія; на каждой страницѣ повторяются одни и тѣже заблужденія, тѣже ошибки. Въ наукахъ мы можемъ постепенно переходить отъ одного порядка фактовъ къ другому, ошибаться въ одномъ, находить истину въ другомъ; въ философіи же все связывается, все стоитъ въ зависимости отъ принциповъ.

XII.

Принципы соціологіи.

«Первоначальными внутренними факторами соціологіи служатъ: первобытный человѣкъ—физическій.... первобытный человѣкъ—эмоціональный.... (способный къ душевнымъ волненіямъ) и первобытный человѣкъ интеллектуальный» [1]). Другой сказалъ бы просто, что организмъ, чувства и мысли первобытныхъ людей были причинами цивилизаціи.

«При видѣ человѣческихъ костей и предметовъ, указывающихъ на дѣйствія человѣка, находимыхъ въ геологическихъ формаціяхъ и пещерныхъ отложеніяхъ и относящихся къ тѣмъ отдаленнымъ эпохамъ, послѣ которыхъ произошли великія перемѣны въ климатѣ и распредѣленіи материковъ и людей, мы должны придти къ заключенію, что обитающій на землѣ родъ человѣческій никогда не переставалъ подвергаться видоизмѣненіямъ, но въ чемъ состояли эти измѣненія, объ этомъ мы можемъ только смутно догадываться» [2]). «Поэтому намъ приходится ограничиться пополненіемъ общаго понятія о первобытномъ человѣкѣ путемъ изученія современныхъ намъ расъ, тѣхъ именно, которыя, судя по ихъ физическимъ особенностямъ и по употребляемымъ ими орудіямъ, наиболѣе приближаются къ первобытному человѣку» [3]).

Гербертъ Спенсеръ не замѣчаетъ, что здѣсь онъ однимъ почеркомъ пера разрушаетъ въ самомъ основаніи свою доктрину. Задача его—опредѣлить причины соціальнаго развитія (evolution); но для достиженія этой цѣли, онъ намѣренъ обратиться къ расамъ, остающимся въ дикомъ состояніи.

---

[1]) Principes de sociologie (trad. E. Gazelles) vol. 1. p. 55 et suivants.

[2]) Ibid. vol. 1. p 55.

[3]) Ibid. vol. 1. p. 58.

Онъ сознается въ невозможности объяснить, какимъ образомъ цивилизація явилась у первобытныхъ людей, и думаетъ открыть это посредствомъ изученія расъ, не произведшихъ никакой цивилизаціи. Но если эти расы произошли недавно и уже послѣ того, какъ первобытные люди основали цивилизацію, то пріемъ его изслѣдованія ложенъ; а если онѣ существуютъ давно, то нѣтъ эволюціи и, слѣдовательно, его доктрина ложна. Но Герберту Спенсеру угодно на этотъ разъ пользоваться, вопреки его доктринѣ, пріемами научнаго изслѣдованія. Посмотримъ, къ чему онъ пришелъ.

«Первобытный человѣкъ былъ, въ среднемъ выводѣ, немного ниже ростомъ человѣка цивилизованнаго... Онъ отличался относительно слабымъ развитіемъ нижнихъ конечностей.... У остяковъ тонкія и слабыя ноги; два писателя говорятъ о короткихъ и тонкихъ ногахъ камчадаловъ. У хинуковъ ноги короткія и кривыя. У гуарани руки и ноги относительно короткія и толстыя..; остатки угасшихъ расъ подтверждаютъ, повидимому, предположеніе, что у первобытнаго человѣка нижнія конечности были меньше нашихъ... особенность, легко напоминающая обезьянъ и повторяющаяся у дѣтей цивилизованнаго человѣка».... [1]) «Большихъ размѣровъ челюсти и зубы составляютъ другую особенность первобытнаго человѣка. Въ ней усматриваютъ прогнатическую форму, характеризующую не низшія только расы.... ее находятъ и у расъ, представляющихъ другія типическіячерты» [2]). «Сверхъ того, первобытный человѣкъ имѣлъ большое брюхо, огромные желудокъ и внутренности... Развитіе брюха у племени акка столь велико, что напоминаетъ туже черту у обезьянъ и можетъ быть признано особенностію первобытнаго человѣка» [3]).

Короткія и кривыя ноги, большія челюсти, огромный животъ—это точное описаніе обезьяны; недостаетъ только шерсти. Но первобытный человѣкъ, по описанію Герберта Спенсера, даже ниже обезьяны; онъ—слабѣе. «Есть факты

---

[1]) Principes de sociologie v. 1. p. 63. 64.
[2]) Ibid. v. 1. p. 65.
[3]) Ibid. v. 1. p. 69.

показывающіе, что независимо отъ роста и даже отъ развитія мускулатуры, человѣкъ нецивилизованный обладаетъ меньшею силою, чѣмъ человѣкъ цивилизованный [1]), между тѣмъ высшія обезьяны гораздо сильнѣе.» «Вѣроятно, это различіе между дикаремъ и человѣкомъ цивилизованнымъ зависитъ отъ двухъ причинъ: относительной недостаточности питанія и относительно слабѣйшаго развитія нервной системы» [2]). «Дикарь способнѣе къ перенесенію злоключеній, но онъ отличается также относительнымъ равнодушіемъ къ непріятнымъ и мучительнымъ ощущеніямъ.... Это равнодушіе его къ страданію составляетъ такую черту, которую мы могли бы предвидѣть a priori» [3]). Наконецъ, первобытный физическій человѣкъ рано достигалъ зрѣлости. «Не изслѣдуя даже причинъ этого явленія, мы знаемъ, что, при однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ климатическихъ и другихъ, низшія расы достигаютъ половой зрѣлости скорѣе, чѣмъ высшія» [4]).

Вотъ это—скороспѣлое, нечувствительное, слабое, толстобрюхое и безобразное существо пережило ледовитую эпоху, вело борьбу съ мастодонтами и пещерными медвѣдями, побѣдило суровость климата, укротило дикихъ животныхъ, преодолѣло всѣ трудности и положило начало цивилизаціи! Послушаемъ серьезныхъ ученыхъ. Вотъ что говоритъ Вирховъ, котораго открытія въ медицинѣ ручаются намъ за его умѣнье пользоваться научными пріемами изслѣдованія: «Мы обязаны сознаться въ совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было ископаемыхъ типовъ, соотвѣтствующихъ низшей ступени человѣческаго развитія. Скажу болѣе: когда мы соберемъ въ одно цѣлое все, что извѣстно намъ донынѣ объ ископаемыхъ людяхъ, и сопоставимъ съ тѣмъ, что открываетъ намъ современная эпоха, то можемъ смѣло утверждать, что между людьми, нынѣ живущими, встрѣчается гораздо большее число индивидуумовъ, стоящихъ на сравни-

---

[1]) Principes de sociologie vol. 1. p. 69.
[2]) Ibid. v. 1. p. 70.
[3]) Ibid. v. 1. p. 74.
[4]) Ibid. v. 1. p. 75.

тельно низкой ступени развитія, чѣмъ между ископаемыми людьми, донынѣ открытыми.... Еще не найдено ни одного ископаемаго черепа обезьяны, или человѣкообезьяны, который дѣйствительно могъ бы принадлежать человѣку» [1]).

Послушаемъ путешественниковъ. Ливингстонъ и Стэнли говорятъ намъ объ аполлонахъ (des Apollones), встрѣчающихся въ центральной Африкѣ. Гербертъ Спенсеръ не найдетъ ни одного изъ нихъ во всемъ Лондонѣ. Племя Сіу (Sioux) отличается замѣчательною силою и стройностію. Татарскія племена тоже замѣчательно стройны; да и во всѣхъ странахъ, отъ Огненной земли до Камчатки, встрѣчаются между дикарями расы и типы, одаренные во всѣхъ отношеніяхъ. Почему бы Герберту Спенсеру не вспомнить извѣстной страницы Тацита о германцахъ?

Но послушаемъ, что говоритъ самъ Спенсеръ въ другой главѣ, въ которой тезисъ измѣнился, а потому и факты приводятся иные: «Почти всѣ путешественники—очевидцы, говорящіе о дикаряхъ, свидѣтельствуютъ объ остротѣ ихъ чувствъ и живости ихъ воспріятій.... [2]) Индѣйцы видятъ и слышатъ вещи, совершенно невидимыя и неслышимыя нами.... Эта способность, замѣчаетъ Шомбургъ, доходитъ у нихъ до чудеснаго» [3]). И это тѣ дикари, нервная система которыхъ, по мнѣнію Герберта Спенсера, такъ слаба и мало развита! «Вмѣстѣ съ тонкостію воспріятія, дикарь владѣетъ, естественно, очень большою ловкостію. Огнеземельцы замѣчательно ловки въ обращеніи съ пращею. Андаминъ бросаетъ свое копье или палку съ замѣчательною точностію: всѣ слышали разсказы объ ихъ трудныхъ фокусахъ, которые они выдѣлываютъ съ бумерангомъ.... [4]) Канталы убиваютъ своими стрѣлами птицъ на лету и зайцевъ на бѣгу» [5]). Эти же слабыя существа, толстобрюхія и нечувствительныя,

---

[1]) Revue scientifique 1877; le discours de M. Wirchow au Congres de Munich.

[2]) Ibid. vol. 1. p. 115.

[3]) Ibid. vol. 1. p. 115.

[4]) Бумерангъ—названіе оружія на Сандвичевыхъ островахъ.

[5]) Principes de sociologie vol. 1. p. 115.

могъ бы прибавить еще Гербертъ Спенсеръ, догоняютъ на бѣгу дикихъ козъ, кабановъ и быстроногаго оленя.

Наконецъ, въ той же самой главѣ о физической природѣ первобытнаго человѣка, Гербертъ Спенсеръ противополагаетъ потрясеніе, производимое беременностью и родами въ организмѣ цивилизованной женщины,—незначительному разстройству, какое при тѣхъ же условіяхъ испытываютъ дикія женщины [1]), указываетъ на то, что австралійцы легко поправляются и излѣчиваются отъ ранъ, отъ которыхъ европейцы скоро умираютъ [2]). «Якуты, прозванные желѣзными людьми, спятъ подъ открытымъ небомъ, едва прикрытые одеждою, подъ толстымъ слоемъ инея, покрывающаго ихъ тѣло.... способность дышать испорченнымъ воздухомъ, какъ бы здоровымъ, составляетъ особенность всѣхъ туземцевъ тамульскаго племени въ Индіи.... этою же способностію отличаются и негры» [3]). Правда, Гербертъ Спенсеръ объясняетъ эти проявленія силы и здоровья у дикихъ племенъ уже не сходствомъ ихъ съ обезьянами, но конечными причинами! «Стоитъ только спросить себя, говоритъ онъ, что случилось бы съ матерью и ребенкомъ при условіяхъ дикой жизни, если бы они не обладали бо́льшею физическою крѣпостью, чѣмъ мать и дитя цивилизованнаго племени» [4]). Когда же онъ прибавляетъ, что законъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ особей необходимо долженъ производить и сохранять организмы, способные къ перенесенію лишеній и страданій, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ жизни, поставленной въ зависимость отъ окружающей среды, ибо необходимо допустить, что организмы недостаточно сильные для перенесенія внѣшнихъ вліяній, гибнутъ, то онъ забываетъ, что рѣчь идетъ не объ однихъ дикаряхъ, но и о первобытномъ физическомъ человѣкѣ, и еслибы прежнія поколѣнія были слабѣе по тѣлосложенію, то никогда не было бы и человѣчества.

Перейдемъ ко второму фактору общественной жизни—

---

[1]) Principes de sociologie v. I. p. 72.
[2]) Ibid. v. 1. p. 72.
[3]) Ibid. v. 1. p. 72.
[4]) Ibid. v. 1. p. 72.

первобытному человѣку эмоціональному. «Духовное развитіе, какъ умственное, такъ и эмоціональное, можетъ измѣряться только степенью отдаленности отъ первичнаго, рефлективнаго дѣйствія [1])». Начало—обѣщающее! «Чтобы составить представленіе о первобытномъ человѣкѣ, — какимъ онъ былъ въ то время, когда соціальное соединеніе (почему не соціальная интеграція?) только зараждалось, необходимо обобщить, насколько намъ возможно, всѣ запутанные и отчасти противорѣчивые факты, какими мы владѣемъ, обративъ особенное вниманіе на черты, общія низшимъ расамъ, и принявъ въ руководство вышеизложенныя апріорныя заключенія [2])». Это продолженіе, еще болѣе обѣщающее; сейчасъ мы поймемъ самую суть метода Герберта Спенсера.

«Мы можемъ составить, говоритъ онъ, еще болѣе ясное представленіе о характерѣ первобытнаго человѣка, прочитавши слѣдующее описаніе, въ которомъ находимъ живой портретъ бушмена. Лихтенштейнъ—авторъ описанія—утверждаетъ, что бушменъ похожъ на обезьяну, и продолжаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «всего болѣе оправдывается это сравненіе живостью его глазъ и подвижностью бровей, которыя онъ то поднималъ вверхъ, то опускалъ внизъ, всякій разъ, какъ мѣнялъ свое положеніе, даже его ноздри, углы рта и уши вращались непроизвольно, выражая быстро совершавшійся въ немъ переходъ отъ горячаго желанія къ подозрительному недовѣрію... Когда ему предложили кусокъ мяса, онъ приподнялся, недовѣрчиво протянулъ руку, поспѣшно схватилъ кусокъ и бросилъ его въ огонь, озираясь вокругъ своими маленькими пронзительными глазами, какъ будто боясь, чтобы опять не отняли у него этого куска; все это сопровождалось взглядами и жестами, относительно которыхъ можно поклясться, что они вполнѣ позаимствованы у обезьяны [3])». Остается пожалѣть, что Гербертъ Спенсеръ нашелъ это описаніе Лихтенштейна. При своей апріорной точкѣ зрѣнія, онъ могъ бы составить болѣе увле-

---

[1]) Principes de sociologie v. 1. p. 80.
[2]) Ibid. vol. 1. p. 82.
[3]) Ibid. vol. 1. p. 86.

кательное описаніе, отправившись просто въ зоологическій садъ. Но онъ не знаетъ эмоцій первобытнаго человѣка; онъ можетъ судить о нихъ, какъ самъ сказалъ, лишь по современнымъ дикарямъ; но хотя его понятіе о первобытномъ человѣкѣ въ сущности тождественно съ понятіемъ объ обезьянѣ, вотъ что говоритъ онъ, на двухъ предъидущихъ страницахъ, о современныхъ дикаряхъ. «Природные жители Новаго Свѣта кажутся нечувствительными сравнительно съ туземцами Стараго Свѣта [1])». «Дакотаги терпѣливо переносятъ тѣлесныя и нравственныя боли. Криксы обнаруживаютъ хладнокровіе и равнодушіе, свойственныя флегматикамъ... Индѣецъ Гвіаны, хотя и обладаетъ сильными чувствами, переноситъ утрату самыхъ близкихъ родныхъ, какъ и самыя жестокія страданія, съ равнодушіемъ повидимому стоическимъ [2])». «Перейдя изъ Америки въ Азію, мы встрѣтимъ камчадаловъ, про которыхъ разсказываютъ, что они раздражительны, чтобы не сказать истеричны (рѣчь идетъ о мужчинахъ). Самое ничтожное обстоятельство доводитъ ихъ до безумія, или даже до самоубійства. Потомъ, находимъ киргизовъ, которые, по разсказамъ, вѣтрены и непостоянны. Въ Южной Азіи, встрѣчаемъ бедуиновъ, о которыхъ Бюртонъ говоритъ, что они по природѣ перемѣнчивы и не постоянны». И все это говорится только для того, чтобы перейти къ описанію обезьяны, сдѣланному Лихтенштейномъ... Но мы знаемъ киргизовъ. Леплэй, достопочтенный авторъ Соціальной реформы, жившій среди киргизовъ, не находитъ достаточно словъ для восхваленія ихъ благородства, честности и храбрости. Бедуиновъ мы видимъ ежедневно у насъ; они изумляютъ насъ своимъ спокойствіемъ и благородствомъ своихъ манеръ. Путешественники, видѣвшіе дикарей Новаго Свѣта, говорятъ объ ихъ необыкновенномъ благородствѣ, спокойствіи и осторожности. Посольство Сіу въ Вашингтонъ поразило и наиболѣе равнодушныхъ. Но все это опускается изъ виду Гербертомъ Спенсеромъ; ему нужно было подойти къ опредѣленію обезьяны; отсюда эти незамѣтныя превращенія,

[1]) Principes de sociologie v. 1. p. 82.
[2]) Ibid. v. 1. p. 84.

эволюція въ эволюціи, и въ философіи однимъ софизмомъ стало больше.

Относительная стремительность, продолжаетъ Гербертъ Спенсеръ, состояніе очень близкое къ первичному рефлективному дѣйствію, недостатокъ представительныхъ эмоцій, которыя могли бы сдерживать эмоціи болѣе простыя, сопровождаются непредусмотрительностью. Объ австралійцахъ разсказываютъ, что они «неспособны ни къ какому постоянному труду, за который вознагражденіе можетъ быть получено только въ будущемъ. По свидѣтельству Кольбена, готтентоты — самый лѣнивый народъ во всемъ свѣтѣ, а про бушменовъ разсказываютъ, что у нихъ всегда—либо пиръ, либо голодъ [1])». Но на слѣдующей страницѣ читаемъ: Правда у дикарей часто встрѣчаютъ настойчивость въ трудѣ въ виду какой либо отдаленной пользы; они тратятъ много времени и труда на изготовленіе оружія и т. п.: по полугоду—на выдѣлку нѣсколькихъ стрѣлъ, по цѣлому году на то, чтобы выточить чашку, и по нѣскольку лѣтъ на просверленіе отверстія въ камнѣ [2])».

Далѣе, дикари испытываютъ всѣ радости дѣтства; и, слѣдовательно, не можетъ уже быть рѣчи объ обезьянѣ. «Нѣкоторые путешественники говорятъ, что существуютъ дикія племена, отличающіяся дѣтскою веселостью и рѣзвостью, живостью и горячностью, любящія поболтать, шутливыя, шумно выражающія свою радость, смѣющіяся безъ мѣры всякому пустяку [3])». Ниже Гербертъ Спенсеръ признаетъ у нихъ даже чувство собственности въ неразвитомъ видѣ, и констатируетъ ихъ любовь къ независимости. «Свобода составляетъ условіе существованія для обитателей Малакки... Малуше не можетъ терпѣть противорѣчія и не подчиняется приказаніямъ... Бодо и Диналь съ грубымъ упрямствомъ сопротивляются приказаніямъ, которыя даются неразсудительно [4])». А чрезъ нѣсколько страницъ онъ приво-

---

[1]) Principas de sociologie v. 1. p. 87.
[2]) Ibid. v. 1. p. 88.
[3]) Ibid. v. 1. p. 89.
[4]) Ibid. v. 1. p. 91.

дитъ слова Уэллеса (Wallace): «я жилъ въ обществахъ американскихъ дикарей южныхъ и восточныхъ, у которыхъ не существуетъ никакого закона, никакого иного суда, кромѣ общественнаго мнѣнія деревни, свободно выражаемаго. Каждый добросовѣстно уважаетъ права другаго, такъ что нарушеніе ихъ случается рѣдко, почти никогда. Въ этихъ обществахъ всѣ члены равны [1])». Выходитъ, что дикари цивилизованнѣе насъ.

«Не легкое дѣло, продолжаетъ Гербертъ Спенсеръ, выдѣлить фактъ и обобщить его [2])». Это правда, но одного факта никогда и не выдѣляютъ, и не обобщаютъ; обыкновенно, приводятъ значительное число фактовъ и когда не могутъ обобщить ихъ въ какихъ либо отношеніяхъ, впадаютъ въ противорѣчія и софизмы; дѣлаютъ изъ мухи слона, и изъ обезьяны — первобытнаго человѣка. Мы должны, однако, отдать справедливость усиліямъ Герберта Спенсера; онъ признаетъ трудность своего предпріятія и видитъ противорѣчія, въ которыя впадаетъ. Онъ преслѣдуетъ двоякую цѣль — хочетъ доказать, что первобытный человѣкъ былъ обезьяной (это апріорная сторона, вытекающяя изъ его доктрины) и хочетъ установить принципы соціологіи, показать источники развитія чувствованій и разума человѣческаго, существованіе которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ зачаточномъ состояніи, онъ находитъ у дикихъ племенъ—что уже совсѣмъ не соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія на человѣка, какъ на обезьяну. Подобная иллюзія извинительна антропологу, который не идетъ далѣе разсмотрѣнія голеней и челюстей; но философъ, претендующій слѣдовать за нимъ, встрѣчается съ фактами, выходящими за предѣлы знаній антрополога, и ставится въ затрудненія, болѣе и болѣе непреодолимыя, по мѣрѣ того, какъ недостаточность его метода обнаруживается и соглашеніе фактовъ становится невозможнымъ.

Въ главѣ о третьемъ первоначальномъ факторѣ общественной жизни, Гербертъ Спенсеръ проводитъ замѣчательную параллель между дикаремъ и ребенкомъ цивилизован-

---

[1]) Principes de socioiogie v. 1. p. 96.
[2]) Ibid. v. 1. p. 97.

ной семьи. «Въ первомъ и второмъ дѣтствѣ совершается воспринятіе ребенкомъ ощущеній и представленій, подобное тому, какое характеризуетъ дикаря. Дитя, разбивающее свои игрушки, дѣлающее пирожки изъ земли, глазѣющее на каждую вещь и каждое лице, съ которымъ встрѣчается, обнаруживаетъ большую воспріимчивость и сравнительно слабую способность рефлексіи. Тоже сходство замѣчается и въ стремленіи къ подражанію. Дѣти воспроизводятъ въ своихъ играхъ сцены изъ жизни взрослыхъ, точно также и дикари, воспроизводятъ, между прочимъ, дѣйствія своихъ цивилизованныхъ гостей. Уму дитяти недостаетъ способности отличать полезные факты отъ безполезныхъ; того же недостаетъ и дикарю. Мало того; замѣчено, что если дитя изучаетъ факты, въ формѣ ли урока, или въ формѣ наблюденія, по своей доброй волѣ, онъ изучаетъ эти факты ради ихъ самихъ, не задумываясь надъ тѣмъ, могутъ ли они быть матеріаломъ пригоднымъ для обобщенія; отсюда очевидно, что неспособность дѣлать выборъ составляетъ отличительную черту человѣка на низшей ступени развитія.... Притомъ, мы видимъ, что дитя нашей расы, какъ и дикарь, неспособно сосредоточить вниманіе на чемъ либо сложномъ или отвлеченномъ. Умъ дитяти, какъ и умъ дикаря, скоро начинаетъ уклоняться отъ предмета вслѣдствіе полнаго утомленія, когда ему приходится заниматься общими или сложными предложеніями. Подобно дикарю дитя, владѣетъ нѣсколькими словами низшей степени отвлеченія. Въ раннемъ возрастѣ, дитя очень хорошо знаетъ, что такое кошка, собака, лошадь, но у него нѣтъ никакой идеи о животномъ, безотносительно къ тому или другому виду; проходятъ годы, прежде чѣмъ слова на *іе* и *ство* войдутъ въ его лексиконъ. Такимъ образомъ, у ребенка, какъ и у дикаря, недостаетъ даже орудій развитой мысли. Не владѣя общими идеями и не имѣя понятія о естественномъ порядкѣ, дитя цивилизованныхъ родителей, пока оно остается въ дѣтскомъ возрастѣ, а дикарь въ теченіе всей своей жизни, мало обнаруживаютъ разумнаго удивленія и разумной любознательности. Все, что сильно поражаетъ его внѣшнія чувства, напримѣръ, блескъ внезапнаго выстрѣла, заставляетъ его широко ра-

скрыть свои свирѣпые глаза, или, быть можетъ, крикнуть; но покажите ему химическій опытъ, или обратите его вниманіе на гироскопъ, и вы увидите, что онъ заинтересуется ими не больше, чѣмъ какой нибудь игрушкой.... Наконецъ, чрезвычайное легковѣріе цивилизованнаго дитяти, какъ и дикаря, даетъ намъ видѣть, къ чему могутъ привести грубыя понятія о причинѣ и законѣ. Дитя вѣритъ всему, что ему разсказываютъ, какъ бы ни было это нелѣпо; всякимъ объясненіемъ, хотя бы самымъ несостоятельнымъ, оно удовлетворяется. При неумѣньи обобщать пріобрѣтаемыя свѣдѣнія о предметахъ, ничто не кажется ему невозможнымъ; критика и скептицизмъ здѣсь отсутствуютъ» [1]).

Какія сильныя доказательства противъ теоріи эволюціонизма! Дитя цивилизованныхъ родителей, послѣ многихъ тысячъ лѣтъ прогресса, походитъ на первобытнаго человѣка! Конечно, представитель теоріи эволюціи не согласится съ этимъ. Его объясненіе проще и заключается лишь въ нѣсколькихъ строкахъ. «Нѣсколько позже, говоритъ онъ, когда высшія интеллектуальныя способности, унаслѣдованныя ребенкомъ цивилизованной семьи отъ предковъ, начнутъ дѣйствовать.... разумное удивленіе и разумная пытливость относительно причинъ замѣчаются въ немъ въ первый разъ» [2]). «У дикаря же нѣтъ идеи естественной причинности, а потому— и разумнаго удивленія.... Когда мы видимъ молодаго дикаря, принимающаго за тотема [3]) и потомъ считающаго священнымъ первое животное, которое ему пригрезится во снѣ, во время поста; или, если видимъ, что негръ, принимаясь за какое нибудь важное предпріятіе, избираетъ своимъ божествомъ и помощникомъ первый предметъ, встрѣтившійся ему при выходѣ изъ дому.... мы должны смотрѣть на понятія, которыя предполагаются этими дѣйствіями и идеями, какъ на естественныя слѣдствія того умственнаго состоянія, когда пріобрѣтенныя путемъ опыта знанія еще не настолько

---

[1]) Principes de sociologie v. 1. p. 134—135.

[2]) Ibid. v. 1. p. 135.

[3]) Totem есть спеціальное названіе фетиша на островахъ Тихаго Океана.

Примѣч. переводч.

упорядочены, чтобы идея естественной причинности могла образоваться» [1]).

Совершенно также мы можемъ разсуждать о непрерывномъ движеніи (perpetuum mobile), о превращеніи сущностей, философскомъ камнѣ и портретѣ обезьяны, нарисованномъ Гербертомъ Спенсеромъ; всему этому безусловно недостаетъ идеи естественной причинности. Но Гербертъ Спенсеръ, какъ и дикарь и дитя, имѣетъ—не скажемъ идею, потому что это значило бы впадать въ ошибки противоположной ему школы, но, какъ самъ онъ говоритъ,—чутье, что «за причиной опредѣленной стоитъ причина неопредѣлимая». Негръ вѣритъ, что первый предметъ, встрѣтившійся ему при выходѣ изъ дому, будетъ покровительствовать ему въ теченіе дня; молодой дикарь воображаетъ, что животное, пригрезившееся ему во снѣ, будетъ имѣть вліяніе на его жизнь, а Гербертъ Спенсеръ воображаетъ, что за первобытнымъ человѣкомъ стоитъ обезьяна, не имѣя, какъ и молодой дикарь, или негръ, никакой отчетливой идеи объ истинной причинѣ первобытнаго человѣка.

Но Гербертъ Спенсеръ ошибается еще болѣе, когда воображаетъ, что дитя цивилизованной семьи обнаружитъ позже высшія умственныя способности, унаслѣдованныя имъ отъ предковъ и недостающія бѣдному дикарю. Эти способности составляютъ, по меньшей мѣрѣ, такой же чистый продуктъ его воображенія, какъ и животное, пригрезившееся дикарю во снѣ и почитаемое имъ за божество. Когда негръ утверждаетъ, что его кожа настолько же черна, какъ и кожа его соплеменниковъ, онъ пользуется уже всѣми тѣми способностями, какія наслѣдуютъ позже Кеплеръ и Ньютонъ. Онъ уже постигъ отношеніе тожества между цвѣтомъ кожи у себя и у себѣ подобныхъ; онъ называетъ этотъ цвѣтъ чернымъ. Ньютонъ и Кеплеръ сдѣлаютъ не иное что либо, когда обезсмертятъ себя своими открытіями. Отношеніе тожества одинъ изъ нихъ найдетъ между коническими сѣченіями Евдокса и движеніями планетъ, а другой—между силою тяжести и эллипсисами Кеплера. Съ теченіемъ времени

---

[1]) Principes de sociologie v. 1. p. 128.

и съ развитіемъ цивилизаціи, данныя и познанія умножаются, но способность сужденія остается безусловно таже. Если одни обладаютъ болѣе обширною памятью, другіе болѣе тонкою наблюдательностью, или большею легкостію усвоенія, то эти различія встрѣчаются уже у дѣтей, какъ и у негровъ и индійцевъ. Самыя большія открытія наши выше ли открытій того дикаря, который первый воспользовался огнемъ и сплавилъ бронзу, или того, который первый собралъ зерно, посѣялъ его и сталъ ожидать урожая?

Мышленіе и способности дитяти мало измѣняются, какъ и его тѣло и органы. У него не выростаетъ новаго сердца или легкихъ, точно также не образуется вновь и какой либо способности. Если же въ періодъ его роста объемъ тѣла и черты лица измѣняются, если нѣкоторыя его способности, смотря по воспитанію и роду дѣятельности, развиваются болѣе другихъ, то возможность этихъ измѣненій существуетъ всецѣло, отъ его рожденія, въ свойствѣ его органовъ и его ума. Вотъ идея естественной причинности.

Но что дѣлаетъ въ такомъ случаѣ эволюціонизмъ? Онъ признаетъ необходимымъ допустить, что новыя способности образуются впослѣдствіи въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, хотя это и бездоказательно. Это ведетъ насъ не къ доктринѣ эволюціонизма, а къ доктринѣ чистаго феноменализма; способности возникаютъ у дитяти, какъ явленія въ природѣ, какъ однородное и разнородное, какъ идеи у Герберта Спенсера, безъ закона, безъ принципа и безъ конца. Это менѣе, чѣмъ сновидѣніе, о которомъ мы сохраняемъ, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе. Все уносится непрерывнымъ потокомъ. Исторія вещей не только начинается и оканчивается непонятно; она непонятна отъ начала до конца. Способности, полученныя мною отъ моего отца, уже не тѣ, которыя будетъ имѣть мой сынъ и которыя перейдутъ, въ свою очередь, къ его дѣтямъ; явленіе, наблюдавшееся мною вчера, уже не то стало сегодня: это—неуловимый, вѣчно мѣняющійся, міръ Гераклита; и потребовалось болѣе двухъ тысячъ лѣтъ усилій, науки и прогресса, для того чтобы возвратиться опять къ точкѣ зрѣнія этого философа!

XIII.

Мышленіе Герберта Спенсера.

Зенонъ элейскій оспаривалъ возможность движенія, дѣлимость протяженія, множественность вещей, и, не смотря на то, написалъ космографію. Гербертъ Спенсеръ отрицаетъ конечную достовѣрность въ религіи, какъ и въ наукахъ, и въ тоже время имѣетъ притязаніе объяснить происхожденіе міра. Подобно Зенону, Гербертъ Спенсеръ не замѣчаетъ ни слѣпаго пятна въ своемъ мышленіи, ни постоянныхъ софизмовъ и противорѣчій, въ которыя впадаетъ. Если нѣтъ конечной достовѣрности, то ея нѣтъ вовсе; его доктрина превращается въ пустой феноменализмъ, который разрушается самъ собою.

Мы изложили доктрину Герберта Спенсера, слѣдуя шагъ за шагомъ за его принципами, по его книгѣ (principes), и видѣли, что она, отъ начала до конца, представляетъ собою странную фантазію, и не имѣетъ для себя иной опоры, кромѣ произвола, злоупотребленія смысломъ словъ и значеніемъ выраженій. Гербертъ Спенсеръ не лучше Зенона понимаетъ, что такое методъ въ философіи и наукахъ. Онъ часто повторяетъ формулу Стюарта Милля, что дедукція слагается изъ индукціи, заключенія и провѣрки; выше мы объяснили, какую цѣну имѣетъ эта формула, а теперь Гербертъ Спенсеръ показалъ намъ, къ чему она можетъ привести. Факты кажутся ему непримиримыми, онъ это признаетъ; индукціи внушаются ему требованіями минуты, заключенія и провѣрки приноровляются къ предмету рѣчи; онъ изобрѣтаетъ *чистую* физіологію; всюду у него господствуетъ апріорность; ошибки, противорѣчія и софизмы становятся до такой степени очевидными, что указаніе ихъ также легко, какъ дѣтская игра.

Въ двухъ наиболѣе серьезныхъ трудахъ Герберта Спенсера—«Введеніе въ соціальную науку» и «Классификація наукъ»,—гдѣ рѣчь идетъ именно о методѣ, авторъ даетъ намъ видѣть, насколько онъ далекъ отъ пониманія важности предмета. Въ первомъ, напримѣръ, онъ указываетъ, въ какія ошибки вовлекаютъ насъ, при объясненіи историческихъ и политическихъ фактовъ, крайности національнаго, или антинаціональнаго духа; но не останавливается ни на минуту, чтобы показать, какъ же слѣдуетъ смотрѣть на эти факты, помимо нашихъ національныхъ симпатій или антипатій. Перечисленіе трудностей исторической и соціальной науки, очевидно, не тоже, что методъ ея.

Во второмъ трудѣ, Гербертъ Спенсеръ напоминаетъ о своей критикѣ «Іерархіи наукъ» О. Конта, о «генесисѣ наукъ», гдѣ онъ доказывалъ, что всѣ науки, въ своемъ развитіи, взаимно поддерживаютъ одна другую. Но когда онъ устанавливаетъ свою собственную классификацію, когда дѣлитъ науки: на абстрактныя, абстрактно-конкретныя и конкретныя, когда ставитъ астрономію рядомъ съ соціологіею, геологію подлѣ психологіи, онъ не замѣчаетъ, что самъ допускаетъ, въ другой формѣ, туже погрѣшность, въ которой упрекаетъ Конта. Относительная отвлеченность занимаетъ у него мѣсто относительной зависимости. Но всѣ науки развиваются только потому, что онѣ суть одновременно и конкретныя и абстрактныя: безъ доски и мѣлу математикъ не доказалъ бы ни одной изъ своихъ проблеммъ; равнымъ образомъ, безъ отвлеченія изученіе всѣхъ растеній, существующихъ въ мірѣ, не дало бы намъ никакого понятія о родѣ и семействѣ. Сегодня наука—болѣе конкретна, завтра—болѣе абстрактна, смотря по важности новаго открытія и мѣняющемуся состоянію нашихъ знаній.

Съ точки зрѣнія О. Конта и Герберта Спенсера, классификація Бэкона и Кондорсе, дѣлившихъ науки по нашимъ способностямъ (память, разсудокъ, опытъ, анализъ), была бы гораздо правильнѣе. Но если всѣ науки зависятъ однѣ отъ другихъ въ своемъ развитіи, и если всѣ онѣ нуждаются и въ опытѣ и въ отвлеченіи, то каждая изъ нихъ предполагаетъ участіе всѣхъ нашихъ способностей. Если бы Жюсье

раздѣлилъ растенія, сообразно съ своими средствами наблюденія и анализа, на микроскопическія и видимыя,—или соотвѣтственно различнымъ степенямъ отвлеченія, которыми онъ пользовался для выдѣленія характеристическихъ особенностей различныхъ семействъ, или же, наконецъ, сообразно съ тѣмъ, какъ знакомство съ однимъ семействомъ приводило его къ знакомству съ другимъ; то его классификація была бы не только неестественною, а и нелѣпою.

Всѣ наши знанія различаются одно отъ другаго по своему предмету, а не по нашимъ способностямъ или способамъ изслѣдованія; съ этой точки зрѣнія, классификація ихъ такъ проста, что поражаетъ насъ и сбиваетъ съ толку, именно, своею простотою. Науки дѣлятся на два класса: науки о природѣ и науки о человѣкѣ; къ первому классу относятся науки о небѣ, землѣ, растеніяхъ и животныхъ: астрономія, геологія, ботаника и зоологія; второй классъ составляютъ науки о тѣлѣ, о дѣйствіяхъ, чувствованіяхъ и мышленіи человѣка: медицина, политика, этика и философія. Что касается остальныхъ наукъ, то всѣ онѣ, безъ различія ихъ названій и формулъ, суть только отрывки этихъ восьми великихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ составляютъ группы знаній, которыя мы дѣлимъ только потому, что не знаемъ вполнѣ ихъ предмета. Мы отдѣляемъ, напримѣръ, науку о явленіяхъ, наблюдаемыхъ въ массахъ матеріи, отъ науки о явленіяхъ, открываемыхъ анализомъ состава этихъ массъ,—физику отъ химіи, потому что не знаемъ отношеній, связывающихъ общія явленія матеріи съ молекулярными. Но наше незнаніе такъ же мало можетъ быть принципомъ классификаціи, какъ и абстракція или зависимость. Еслибъ мы, въ самомъ дѣлѣ, владѣли полнымъ знаніемъ растеній и животныхъ, физіологія растеній и животныхъ, анатомія-сравнительная, общая, описательная, микроскопическая и проч. не существовали бы въ качествѣ отдѣльныхъ наукъ. Точно также, еслибъ мы вполнѣ знали законы нашего разума, грамматика, логика, математика и метафизика соединились бы въ одну науку, которая была бы истинною философіею, наукою о человѣческомъ мышленіи.

Ежедневно дѣлаются новыя открытія, являются новыя

группы знаній; мы раздѣляемъ или соединяемъ ихъ, соотвѣтственно нашимъ умственнымъ потребностямъ и нашей научной любознательности, неодинаково,—однимъ способомъ въ нашихъ начальныхъ школахъ, другимъ—при высшемъ преподаваніи. Но разумѣется изъ-за того, что профессору заблагоразсудится вообразить наукою акустику или гидростатику, эти группы знаній не сдѣлаются самостоятельными науками, какъ не сдѣлаются науки или знанія объ отправленіяхъ дыханія или глотанія. Искали метода въ классификаціи наукъ, въ ихъ отношеніяхъ и различіяхъ, только потому, что были неспособны открыть его въ самихъ наукахъ [1]).

Вопросъ о классификаціи наукъ очень похожъ на вопросъ, предложенный Сократомъ Протагору: «добродѣтели различаются ли между собою, какъ части золота, напримѣръ, или какъ части лица, носъ, глаза, ротъ, изъ которыхъ каждая отлична отъ другихъ, хотя всѣ и составляютъ одно цѣлое»? Гербертъ Спенсеръ отвѣчаетъ, подобно греческому софисту; онъ отдѣляетъ науки конкретныя отъ абстрактныхъ, помѣщаетъ астрономію, геологію, біологію, психологію и соціологію въ одинъ разрядъ наукъ конкретныхъ, и подраз-

[1]) Часто думаютъ, что хорошая классификація была бы полезна, по крайней мѣрѣ, тому, кто желаетъ изучить какую либо науку, служа указаніемъ, какія другія науки необходимо ему знать. Микроскопія растеній не можетъ быть изучаема безъ анатоміи растеній. Но послѣдняя безполезна безъ сравнительной анатоміи растеній, предполагающей, въ свою очередь, знаніе не только всей ботаники, а и физіологіи растеній, физіологія же растеній невозможна безъ изученія органической химіи, стоящей въ тѣсной связи съ химіей общей, непонятной безъ изученія общихъ явленій физики и астрономіи. Съ чего же начать? На чемъ остановиться? Многіе умы слѣдовали этимъ путемъ и заблудились. Съ точки зрѣнія наибольшихъ удобствъ въ изученіи наукъ лучшимъ признается то дѣленіе, которое ведетъ отъ самыхъ простыхъ и необходимѣйшихъ знаній—къ знаніямъ болѣе сложнымъ и труднымъ, помимо всякихъ заботъ о систематической классификаціи. Науки дѣлятся и подраздѣляются до безконечности, при чемъ основаніемъ для дѣленія служатъ не какія либо опредѣленныя правила, а искусство профессоровъ, дарованія и предназначеніе учениковъ; всего скорѣе, какая либо одна оффиціальная программа могла бы пожалуй задержать полетъ мысли у всѣхъ.

дѣляетъ абстрактно-конкретную науку: на науку о всеобщихъ законахъ силъ (напряженіе и давленіе), выводимыхъ изъ постоянства силы, и науку о законахъ силъ, какими онѣ обнаруживаются въ матеріи [1]). Что хочетъ сказать этимъ Гербертъ Спенсеръ? Законы, выводимые нами изъ постоянства силы, помимо законовъ силъ, обнаруживающихся въ матеріи,—чистая химера, существующая только въ его воображеніи. Какъ части золота всегда однѣ и тѣже, такъ и мышленіе въ своихъ различныхъ изслѣдованіяхъ всегда одно и тоже; законы, управляющіе имъ, не измѣняются съ перемѣною предметовъ изслѣдованія: человѣкъ мыслитъ всегда одинаково, когда мыслитъ правильно. Но Гербертъ Спенсеръ затронулъ этотъ вопросъ только для того, чтобы оправдать свои заблужденія. Не скоро философы его школы поймутъ, что въ области наукъ философствованіе умѣстно единственно въ томъ случаѣ, когда оно имѣетъ своимъ предметомъ и цѣлію открытія, подобныя тѣмъ, какія сдѣланы Вирховымъ, Гельмгольцемъ, Бунзеномъ, Клодомъ-Бернаромъ и другими. Но софистика обращается съ научными фактами, какъ дѣвочки съ косточками, въ которыя онѣ играютъ: однѣ дѣвочки берутъ черныя косточки, другія—бѣлыя, и самою ловкою считается дѣвочка, съумѣвшая удержать больше косточекъ въ своей рукѣ; но это дѣтская игра, а не наука.

Мы прослѣдили доктрину Герберта Спенсера до конца, и съ какой стороны ни изучали ее, всегда находили, что она не имѣетъ научнаго значенія; но въ его трудѣ есть, тѣмъ не менѣе, и замѣчательныя страницы. Мы приводили уже его сужденіе о признакахъ достовѣрности, его параллель между дикаремъ и цивилизованнымъ ребенкомъ. Выписываемъ здѣсь послѣднюю страницу, которая откроетъ намъ основу его мысли. Авторъ хочетъ доказать, что сила матеріи не менѣе чудесна, чѣмъ и сила человѣческаго духа.... «Вы видите, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, кусокъ стали,—холодный, неподвижный и, какъ вамъ кажется, по крайней мѣрѣ, нечувствительный ко всему, что происходитъ вокругъ него. Мастеръ сдѣлалъ изъ части его встрѣчное колесо ча-

[1]) Classification des sciences (trad. Réthorè) p. 27.

совъ (колесо, служащее маятникомъ въ карманныхъ часахъ). Тотчасъ же колесо стало чувствительнымъ къ такимъ перемѣнамъ температуры, которыхъ наши тупыя чувства не могутъ замѣтить. Хотя никакимъ прямымъ измѣреніемъ мы не можемъ открыть никакой перемѣны въ скорости его біеній, однако, замѣчая, что оно теряетъ одно біеніе на тысячу, мы получаемъ доказательство того, что незамѣтное возрастаніе молекулярнаго волненія, сообщеннаго ему окружающими предметами, увеличило его діаметръ и разширило всѣ его части пропорціонально. Возьмемъ другой кусокъ того же самаго инертнаго, повидимому, вещества, придадимъ ему надлежащую форму, подвергнемъ его вліянію сосѣдняго магнита, и вотъ въ его массѣ происходитъ какимъ-то непонятнымъ образомъ незамѣтная перемѣна, которая дѣлаетъ его способнымъ.... на что? Показывать сѣверъ и югъ, скажете вы? Да; но и на нѣчто бо́льшее. Его колебанія указываютъ теперь для понимающаго гла́за происхожденіе и развитіе циклона на солнцѣ. Каково же строеніе этого, повидимому, столь простаго вещества, дающаго намъ такія свѣдѣнія о близкихъ и отдаленныхъ вещахъ, которыя, въ противномъ случаѣ, остались бы непзвѣстными намъ? Въ самыхъ маленькихъ частицахъ его, доступныхъ зрѣнію, соединены милліоны элементовъ, изъ которыхъ каждый вибрируетъ съ невообразимой скоростью, и физики показываютъ намъ, что широта ихъ вибрацій измѣняется ежемпнутно, соразмѣрно измѣненію температуры окружающихъ предметовъ»[1]). Вотъ чудеса науки, увлекшія и ослѣпившія философа, заблужденія котораго мы только что указали.

Тѣмъ охотнѣе мы отдаемъ справедливость возвышенности его стремленій. Мы видѣли, къ какимъ заблужденіямъ и софизмамъ увлекла его вѣра антиноміямъ, содержащимъ въ самомъ существѣ своемъ отрицаніе всякаго метода; но мы должны также признать, что невозможно было бы съ большею ловкостію выпутываться изъ затрудненій, обусловливающихся самою возвышенностью его воззрѣнія на матерію. Никакихъ усилій, никакихъ трудовъ не жалѣлъ онъ,

[1]) Principes de Psychologie v. 1. p. 671.

но если въ концѣ концовъ увидѣлъ себя безсильнымъ предъ фактами, на которые ссылался, то слѣдовало ли ему и послѣ того опираться на нихъ? У него нѣтъ вѣры религіозной, какъ нѣтъ вѣры въ конечныя истины науки, но онъ не потерялъ надежды на человѣческое мышленіе; это, въ нашихъ глазахъ, огромная заслуга. У него нѣтъ ни такой силы критики, ни такого довѣрія къ истинности позитивныхъ наукъ, какъ у Стюарта Милля; но его взгляды возвышеннѣе, сближенія оригинальнѣе, замѣчанія тоньше; его цѣль выше, хотя онъ и не достигъ ея; его мечта шире, какъ бы ни была она химерична. Наконецъ, онъ до конца остается вѣрнымъ самому себѣ и называетъ эволюціонизмъ «философско-религіознымъ» ученіемъ; но не желаетъ навязывать его намъ; и когда встрѣтилъ противниковъ, сдѣлавшихъ изъ эволюціонизма грубый матеріализмъ, онъ горько пожалѣлъ объ этомъ. «Если бы, говоритъ онъ, вмѣсто упрека, будто я низвожу духъ на уровень вещества, вы сказали, что я поднимаю вещество до высоты духа, вы были бы гораздо ближе къ истинѣ».

Для насъ совершенно безразлично, принижаетъ ли онъ духъ, или возвышаетъ матерію; мы желаемъ знать только одно: чрезъ какой рядъ смѣшенія понятій онъ долженъ былъ пройти, чтобы получить возможность поддерживать свой тезисъ во имя науки и истины? Мы можемъ, поэтому, отдать должную дань справедливости его таланту и усиліямъ, не ослѣпляясь ни однимъ изъ его заблужденій. Чтобы поднять безмѣрно тяжелое бремя наукъ, подъ которымъ онъ палъ, чтобы найтись въ безвыходномъ лабиринтѣ фактовъ и подробностей, гдѣ онъ заблудился, нуженъ былъ строго научный методъ,—чего ему недоставало.

Сама по себѣ, мечта Герберта Спенсера совершенно безвредна; ей придали важность и способствовали ея успѣху не столько достоинства ея автора и слѣпая вѣра его учениковъ, сколько страсти, о которыхъ онъ жалѣлъ и которыя примѣшались къ его доктринѣ, вопреки его желанію. Явленіе безконечно болѣе печальное, чѣмъ всѣ мечты міра!

Одни, увлекшись враждою противъ религіозныхъ вѣрованій, увидѣли въ системѣ Герберта Спенсера новое откро-

веніе и бросились на него съ горячностію неофитовъ. Но великія вѣрованія народовъ имѣютъ своимъ источникомъ мощь народныхъ преданій, скрѣпляютъ нравственное состояніе народовъ и служатъ основою величія націй; наоборотъ, ничтожныя вѣрованія школъ проистекаютъ всегда только изъ призраковъ данной минуты; изобличаютъ безсиліе духа и подготовляютъ умственную анархію.

Приверженцы идеалистической школы, видя крайности и опасности эволюціонизма, но не зная причинъ ихъ, напали на него съ большею яростью, противопоставили софизмы софизмамъ, къ прежнимъ своимъ заблужденіямъ прибавили новыя, и, вмѣсто уменьшенія безпорядка, только увеличили его. Ничто такъ хорошо не открываетъ пагубныхъ пропастей доктрины Герберта Спенсера. Въ его соціологіи она покоится единственно на большомъ количествѣ умственныхъ и нравственныхъ преданій и накопленіи опытовъ, какъ выражается Гербертъ Спенсеръ; но онъ же и разрушаетъ въ самомъ корнѣ преданія и опыты; это послѣдняя антиномія, вкратцѣ повторяющая всѣ остальныя.

Особенно настаивалъ онъ на неразрушимомъ характерѣ нашихъ элементарныхъ убѣжденій; но отыскивая точку опоры для нихъ въ антиноміяхъ, онъ, вмѣсто оправданія своей мечты, открываетъ дверь для всякаго скептицизма, потому что каждый логически мыслящій умъ снова найдетъ его антиноміи въ каждомъ фактѣ, на который ссылается Гербертъ Спенсеръ, и даже въ послѣднихъ выводахъ его доктрины.

Онъ провозгласилъ необходимость примиренія всѣхъ нашихъ вѣрованій, но не указывая ни принципа, ни метода, онъ оставляетъ только одинъ исходъ для умовъ, неспособныхъ слѣдовать за нимъ въ его антиноміяхъ,—изслѣдованіе матеріи, дѣлающейся духомъ въ мышленіи, и духа, дѣлающагося матеріей въ вещахъ,—т. е. непрерывную галлюцинацію новаго философскаго мистицизма.

Отъ труда Стюарта Милля останется только его мысль о необходимости опредѣленія научной индукціи: онъ первый показалъ важность этого предмета, не смотря на свои софизмы; отъ труда же Герберта Спенсера, сохранятся лишь

его разсужденія о взаимной зависимости наукъ: хотя онъ и не могъ отрѣшиться отъ своей мечты, но онъ первый раскрылъ, какъ глубока эта зависимость. Этого не мало, пусть онъ и софистъ, для пріобрѣтенія права занять почетное мѣсто въ исторіи человѣческой мысли. А Полосамъ, Тразимахамъ, Антифонамъ, мѣсто только въ исторіи умственнаго паденія своего отечества.

Труднѣйшее изъ искусствъ—это умѣнье мыслить!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДРЕВНІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СОФИСТЫ.

Введеніе: Стран.

I. Происхожденіе новѣйшей софистики . . . 3
II. Основное начало философіи 5
III. Геній великихъ философовъ 7
IV. Характеръ софистовъ 10
V. Значеніе софистовъ 13
VI. О важности ученія софистовъ 17

КНИГА ПЕРВАЯ. ГРЕЧЕСКІЕ СОФИСТЫ.

I. Аѳиняне предъ появленіемъ софистовъ. . . 19
II. Зенонъ элейскій 28
III. Мелиссъ. 42
IV. Протагоръ 51
V. Горгіасъ 61
VI. Иппіасъ. 70
VII. Евтидемъ и Діонисіодоръ 80
VIII. Продикъ 87
IX. Полосъ, Тразимахъ, Антифонъ, Каллисѳенъ. . 93
X. Сократъ 101

КНИГА ВТОРАЯ. СОВРЕМЕННЫЕ АНГЛІЙСКІЕ СОФИСТЫ.

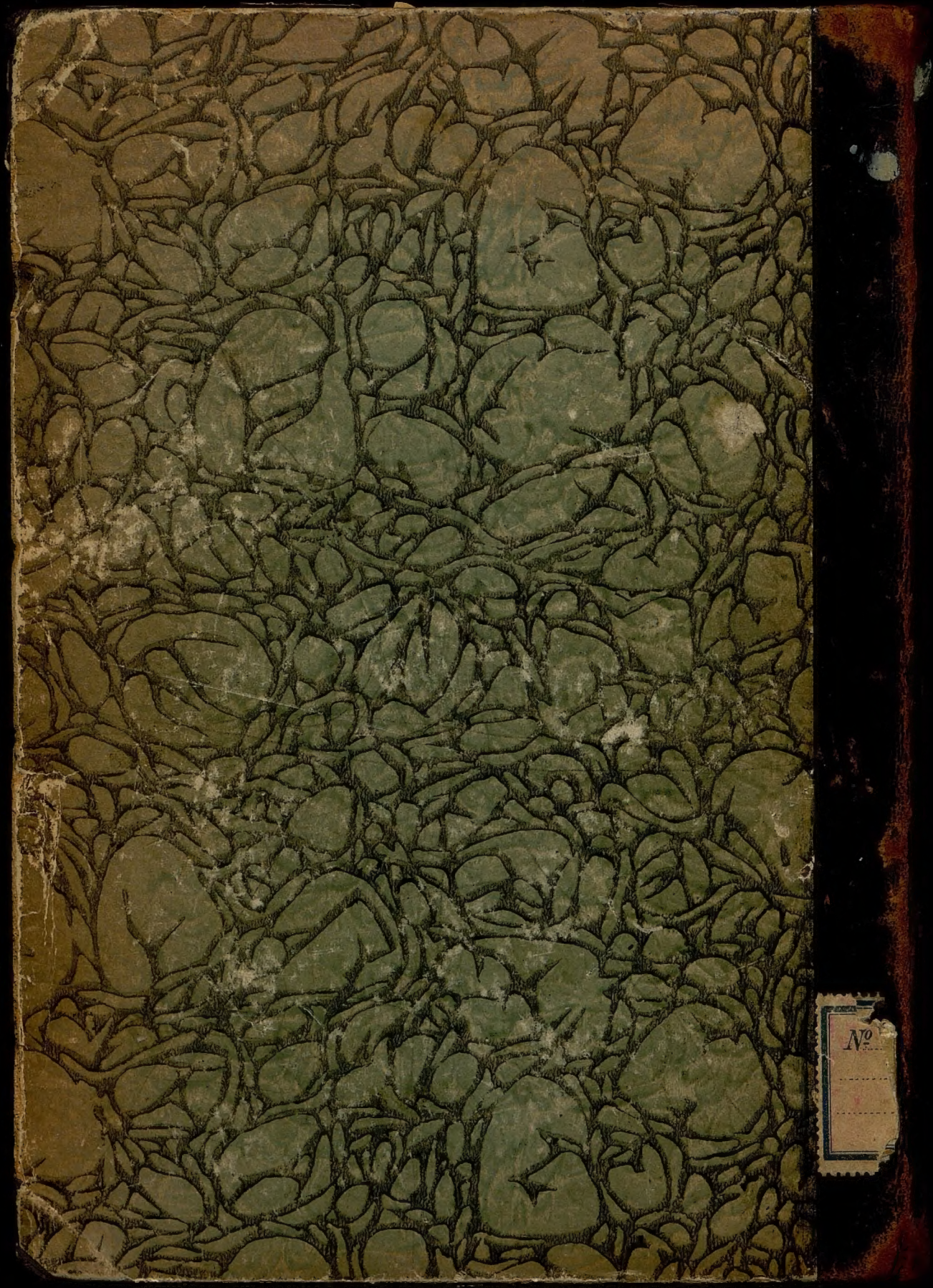
I. Философія XVIII вѣка 115
II. Основныя начала логики Стюарта Милля . . 124
III. Общія предложенія 135
IV. Индукція и законъ причинности. . . . 142

Стран.

V. Дедукція 157
VI. Логика нравственныхъ наукъ 166
VII. Причина софизмовъ Стюарта Милля . . . 180
VIII. Антиноміи Герберта Спенсера 188
IX. Мечта въ философіи и двойные софизмы . . 199
X. Сказка 209
XI. Принципы біологіи и психологіи. . . . 220
XII. Принципы соціологіи 231
XIII. Мышленіе Герберта Спенсера 244

ИСПРАВЛЕНІЕ НЕДОСМОТРОВЪ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
8	3 сверху	отрытыя	открытыя
13	3 —	зрѣніе,	зрѣнія,
20	1 снизу	Thucid.	Thucyd.
25	19 —	sciences	des sciences
28	8 —	Aristole	Aristote
—	6 —	Zeller,	Zeller,
29	21 сверху	[1]).	[2])
—	1 снизу	[1]) Phis.	[2]) Phys.
30	4 —	Phis.	Phys.
32	16 сверху	[1]).	[2]).
—	1 снизу	[1])	[2])
—	5 —	FE,	EF,
40	2 —	Evthydeme	L' Euthydeme
46	3 сверху	отередь	очередь
53	5 —	къ другимъ,	съ другимъ,
54	2 снизу	tr	tr.
57	3 сверху	колеблется	колеблется,
70	5 снизу	grand	Grand
71	2 —	Thucidide	Thucydide
72	10 —	le	Le
78	1 —	Beauet	Beau et
79	2 —	Bean	Beau
94	18 —	поряженія	пораженія
98	16 серху	[1])	[2])
—	18 —	[2])	[3])
102	8 снизу	страгега,	стратега,
117	8 сверху	гипотезъ,	гипотезъ
123	15 —	пріимутъ	примутъ
125	3 снизу	de logique	de Logique
126	2 сверху	размотрѣніи	разсмотрѣніи
150	1 снизу	x. 1.	v. 1.
152	16 сверху	ни D ни E.	ни D, ни E.
167	3 —	въ сущность	въ сущности


No